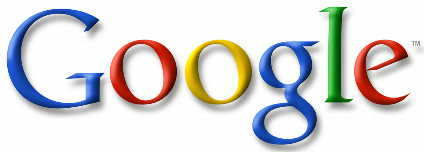
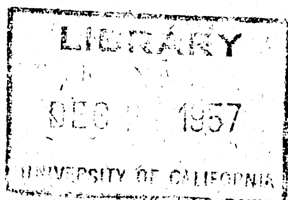

Google

Критическое обозрѣніе.

1907.

КОМИССІЯ ПО ОРГАНИЗАЦІИ
ДОМАШНЯГО ЧТЕНІЯ.

ВЫП. I.

Критическое обозрѣніе.

Подъ редакціей:

Прив.-доц. **Н. Д. Виноградова** (философскій отдѣлъ).
М. О. Гершензона (литературный отдѣлъ).
Прив.-доц. **I. М. Гольдштейна** (экономическій отдѣлъ).
Б. А. Кистяковскаго (юридическій отдѣлъ).
Прив.-доц. **Н. К. Кольцова** (естественно-научный отдѣлъ).
Проф. **Д. М. Петрушевскаго** (историческій отдѣлъ).

Редакторъ-издательница ***Е. Н. Орлова.***

[redacted]

Типографія Т-ва И. Д. Сытина, Пятницкая улица, свой домъ.

Москва. — 1907.

I. ОБЗОРЫ.

Введеніе въ философію.

(Обзоръ литературы).

Г. Струве. Введеніе въ философію. Варшава, 1889. Ц. 3 р.

Ф. Паульсенъ. Введеніе въ философію. 3-е изд. 1904. Ц. 3 р.

Кюльпе. Введеніе въ философію. Перев. съ нѣм. подъ редакціей П. Б. Струве, съ библіогр. дополн. Я. Н. Колубовскаго. Спб. 1901 г. Ц. 1 р. 25 к.

Іерузалемъ. Введеніе въ философію. Перевелъ съ нѣмецкаго П. Ѳ. Некрасовъ. Спб., 1902. Ц. 1 р.

Роджерсъ. Введеніе въ философію. Перев. съ англ. Займовскаго, подъ редакціей Ю. И. Айхенвальда. Москва. Ц. 1 р.

Вундтъ. Введеніе въ философію. Есть два перевода—Котляра (подъ ред. С. Н. Трубецкого) и С. С. Штейнберга и Львова. Спб. 1902. Ц. 1 р. 25 к.

Риль. Введеніе въ современную философію. Перев. Г. А. Котляра. М. 1903 г. стр. 187 Ц. 1.

Корнеліусъ. Введеніе въ философію. Переводъ съ нѣмец. Г. А. Котляра, подъ ред. и съ предисл. проф. Н. Н. Ланге. М. 1905 г. 2 р.

Челпановъ. Введеніе въ философію. 2-е изд. Кіевъ. 1907. Ц. 2 р. 50 к.

На русскомъ языкѣ имѣется достаточно сочиненій, цѣль которыхъ состоитъ въ ознакомленіи съ самымъ понятіемъ философіи, вмѣстѣ съ характеристикою основныхъ философскихъ проблемъ. Настоящее обозрѣніе имѣетъ въ виду дать краткое представленіе объ этихъ сочиненіяхъ, поскольку это важно, главнымъ образомъ, въ цѣляхъ самообразованія. Мы будемъ дѣлать этотъ обзоръ въ хронологическомъ порядкѣ, а въ концѣ сдѣлаемъ заключительныя замѣчанія о наиболѣе цѣлесообраз-

1*

номъ употребленіи важнѣйшихъ изъ охарактеризованныхъ пособій. Самое раннее сочиненіе на русскомъ языкѣ по этому предмету принадлежитъ *Ѳ. Сидонскому* и было издано еще въ 1833 году. Слѣдующая оригинальная работа изъ этой области появилась больше чѣмъ черезъ пятьдесятъ лѣтъ послѣ первой и принадлежитъ бывшему профессору Варшавскаго университета *Г. Струве*. Сочиненіе проф. Струве носитъ заглавіе «Введеніе въ философію» и является первою частью задуманной авторомъ «Энциклопедіи философскихъ наукъ и направленій». Эта часть имѣетъ своею задачею «разборъ основныхъ началъ философіи вообще, ея предмета и задачъ, ея характеристическихъ чертъ въ сравненіи съ другими явленіями умственной жизни, ея метода и пособій». Содержаніемъ слѣдующихъ двухъ частей должно было служить «разсмотрѣніе научной организаціи философіи, истекающей изъ спеціализаціи ея задачъ, проблемъ («Энциклопедія философскихъ наукъ») и, наконецъ, обозрѣніе и сравнительная оцѣнка разнородныхъ типическихъ попытокъ рѣшенія философскихъ задачъ, т.-е. такъ называемыхъ школъ или направленій» («Энциклопедія философскихъ направленій»). Эти двѣ части до сихъ поръ остаются невыполненными, и только первая часть предваряется «Общимъ введеніемъ въ энциклопедію философскихъ наукъ и направленій», гдѣ дается опредѣленіе этой энциклопедіи, выясняется ея значеніе и указывается отношеніе къ общей энциклопедіи человѣческаго знанія. Самое «Введеніе въ философію» состоитъ изъ трехъ большихъ главъ. Въ первой мы встрѣчаемся съ «опредѣленіемъ и характеристическими чертами философіи»; во второй уясняется «отношеніе философіи къ другимъ явленіямъ умственной жизни»; третья имѣетъ дѣло съ «методомъ и пособіями философіи». Сочиненіе проф. Струве представляетъ значительный интересъ, особенно какъ первое оригинальное произведеніе на русскомъ языкѣ въ названной области (мы не говоримъ о давно устарѣвшемъ «Введеніи» Сидонскаго). Интересъ этотъ увеличивается благодаря цѣннымъ библіографическимъ указаніямъ, какъ относительно русской, такъ и относительно важнѣйшей иностранной философской литературы, при чемъ авторъ не ограничивается простымъ названіемъ сочиненій, а по большей части даетъ довольно содержательныя характеристики рекомендуемыхъ пособій, что такъ важно осо-

бенно для русскаго читателя. Но тѣмъ не менѣе въ настоящемъ своемъ видѣ книга не можетъ быть рекомендована, какъ основное руководство для ознакомленія съ главнѣйшими философскими проблемами: вѣдь важнѣйшая часть задуманнаго сочиненія (характеристика философскихъ направленій) до сихъ поръ остается не написанной, а библіографическія указанія нуждаются въ значительномъ освѣженіи, ибо со времени выхода книги прошло уже 18 лѣтъ [1]).

Послѣ «Введенія» Струве въ порядкѣ времени нужно поставить «Введеніе въ философію» берлинскаго профессора *Ф. Паульсена*, впервые явившееся въ русскомъ переводѣ (Титовскаго) въ 1894 г. Это не «Введеніе въ философію» въ собственномъ смыслѣ, а скорѣе система философіи. Авторъ имѣетъ въ виду не столько дать исчерпывающее изложеніе различныхъ типовъ рѣшенія основныхъ философскихъ проблемъ, сколько развить и обосновать свое собственное философское міровоззрѣніе. Особенно подробно останавливается Паульсенъ на характеристикѣ онтологической и космолого-теологической проблемъ, при обсужденіи которыхъ онъ и раскрываетъ свои волюнтаристическія и пантеистическія концепціи. Гносеологическая часть занимаетъ сравнительно немного мѣста, хотя общія теоретико-познавательныя воззрѣнія Паульсена, особенно его критическія замѣчанія по поводу гносеологіи Канта, представляютъ значительную цѣнность. «Проблемамъ этики» посвящено всего 10 страницъ, гдѣ въ самой суммарной формѣ только намѣчаются важнѣйшіе вопросы морали, а за подробнымъ обсужденіемъ ихъ авторъ отсылаетъ къ своему спеціальному сочиненію по этикѣ [2]). Ясность и отчетливость въ постановкѣ проблемъ, оригинальность нѣкоторыхъ философскихъ концепцій автора, увлекательность изложенія, иногда

---

[1]) Къ типу сочиненія проф. Струве можно отнести нѣсколько эклектически написанное „Введеніе въ исторію новой философіи“ И. И. Ѳомина, вышедшее два года тому назадъ (Москва, 1905 г., Ц. 1 р. 50 к.). Единственная цѣнность этой работы заключается въ подробномъ библіографическомъ указателѣ не только книгъ, но и отдѣльныхъ статей по самымъ разнообразнымъ философскимъ дисциплинамъ.

[2]) «Система этики»; первый томъ этого сочиненія вышелъ въ прошломъ году въ русскомъ переводѣ, подъ редакціей В. Н, Ивановскаго, подъ заглавіемъ „Основы этики“, Ц. 2 руб.

возвышающаяся до поэтическаго вдохновенія, дѣлаютъ книгу Паульсена очень цѣннымъ пособіемъ при знакомствѣ съ главнѣйшими философскими проблемами, и этотъ завлекающій, въ лучшемъ смыслѣ слова, характеръ сочиненія, несомнѣнно, сыгралъ значительную роль въ дѣлѣ возбужденія интереса къ философскимъ вопросамъ въ нашемъ еще относительно мало-культурномъ обществѣ.

Дальнѣйшимъ произведеніемъ изъ названной области является «Введеніе въ философію» *Кюльпе*, вышедшее въ русскомъ переводѣ въ 1901 году. Обозрѣнію философскихъ направленій здѣсь предшествуетъ характеристика общихъ и спеціальныхъ философскихъ дисциплинъ, что составляетъ несомнѣнное положительное качество этой книжки. Трактованіе важнѣйшихъ философскихъ проблемъ ведется здѣсь въ объективномъ духѣ, хотя не всегда достаточно обстоятельно и полно. Значеніе книги возвышается благодаря ссылкамъ на русскую литературу— не только книжную, но и журнальную. Изложеніе довольно суховатое, и книжка не всегда можетъ заинтересовать начинающаго читателя.

Въ 1902 году появились въ русскомъ переводѣ три «Введенія въ философію»: *Іерузалема, Роджерса* и *Вундта*. Книжка *Іерузалема* является наиболѣе элементарнымъ на русскомъ языкѣ руководствомъ по введенію въ философію. Планъ ея нѣсколько напоминаетъ «Введеніе» Кюльпе, и изложеніе основныхъ философскихъ направленій также предваряется характеристикой пропедевтическихъ дисциплинъ (логики и психологіи). Въ послѣдней части дается понятіе не только объ основныхъ промблемахъ этики, но и характеризуются задачи и методы такихъ дисциплинъ, какъ соціологія и эстетика. Это «Введеніе», авторъ котораго стоитъ преимущественно на психологической точкѣ зрѣнія, могло бы служить, благодаря ясности и легкости изложенія, удобнымъ руководствомъ для начинающихъ. Къ сожалѣнію, въ своемъ настоящемъ видѣ оно не можетъ быть рекомендовано для указанной цѣли: русскій переводъ книжки очень неудовлетворителенъ.

Книжка *Роджерса* не имѣетъ въ виду дать характеристику всѣхъ основныхъ философскихъ проблемъ, а пытается ввести въ пониманіе важнѣйшихъ вопросовъ новой философіи, при чемъ авторъ стоитъ на очень своеобразной точкѣ зрѣнія «теистиче-

скаго идеализма», которая, по справедливому замѣчанію редактора русскаго перевода, «счастливо соединяется съ такими элементами, которые обнаруживаютъ въ авторѣ глубокое чувство дѣйствительности и живой интересъ къ соціальной сторонѣ міра». Цѣнная по своей основной концепціи, книжка, благодаря своей субъективности и нѣкоторой односторонности въ освѣщеніи философскихъ проблемъ, не можетъ разсматриваться какъ относительно объективное «введеніе въ философію».

«Введеніе въ философію» знаменитаго *Вундта* носитъ нѣсколько своеобразный характеръ. По словамъ самого автора, оно «имѣетъ въ виду исключительно цѣль историческаго оріентированія». Поэтому центральное мѣсто въ книгѣ занимаетъ критическое изложеніе исторіи философіи. Все сочиненіе состоитъ изъ трехъ большихъ главъ. Первая посвящена выясненію «задачи и системы философіи»; вторая изображаетъ «историческое развитіе философіи»; третья имѣетъ своимъ предметомъ характеристику «основныхъ направленій философіи». Особенно цѣнна вторая часть, гдѣ авторъ даетъ мастерское изображеніе генезиса важнѣйшихъ философскихъ теченій. Къ сожалѣнію, изложеніе здѣсь часто очень сжатое, и поэтому «Введеніе», несмотря на свои несомнѣнныя преимущества, на преобладаніе столь цѣннаго историческаго элемента, можетъ представлять значительныя трудности для начинающихъ.

«Введеніе въ современную философію» Риля является именно введеніемъ въ важнѣйшія современныя философскія направленія и совсѣмъ не разсматриваетъ всѣхъ основныхъ философскихъ проблемъ, историко-критическое трактованіе которыхъ является обычнымъ содержаніемъ «введеній въ философію».

Въ 1905 году вышло «Введеніе въ философію» *Г. Корнеліуса*. Это введеніе въ нѣкоторомъ отношеніи можно сопоставить съ ранѣе охарактеризованнымъ сочиненіемъ Паульсена: это не введеніе въ собственномъ смыслѣ, а скорѣе своеобразная система философіи и въ данномъ случаѣ не столько цѣльная система, сколько оригинальная теорія знанія. Все сочиненіе состоитъ изъ введенія и двухъ большихъ главъ: «Метафизическая фаза философіи» и «Теоретико-познавательная фаза философіи». Гносеологическая точка зрѣнія является у автора преобладающей и «теоретико-познавательное выясненіе картины міра

и устраненіе метафизическихъ мнимыхъ проблемъ,—по мнѣнію Корнеліуса,—есть первое требованіе философской потребности въ ясномъ міропониманіи». Самъ авторъ въ своемъ трактованіи гносеологической проблемы примыкаетъ къ такъ называемой имманентной философіи, хотя онъ и старается быть по возможности независимымъ. Книга Корнеліуса представляется въ высшей степени цѣнною и оригинальною философскою работой, но благодаря нѣкоторой отвлеченности изложенія, недостатку конкретныхъ иллюстрацій, она требуетъ значительнаго напряженія при чтеніи, предполагаетъ предварительную начитанность въ сферѣ философскихъ дисциплинъ, и поэтому ее рискованно рекомендовать для начинающихъ.

Наконецъ, послѣднимъ (по времени) изъ «введеній въ философію» на русскомъ языкѣ является «Введеніе» проф. *Челпанова*, недавно вышедшее вторымъ изданіемъ. Оцѣнка этого сочиненія сдѣлана въ другомъ мѣстѣ этого сборника, и мы не будемъ воспроизводить ея здѣсь. Скажемъ только, что эту книгу мы считаемъ наиболѣе цѣнною въ дѣлѣ самообразованія, и именно съ нея совѣтуемъ начинать знакомство съ основными проблемами философіи. Вслѣдъ за ней рекомендуемъ обратиться къ выше охарактеризованному «Введенію» Паульсена. Что же касается остальныхъ «введеній», то штудированіе ихъ можетъ представлять извѣстный интересъ въ соотвѣтствіи съ дальнѣйшими запросами, которые естественно могутъ возникнуть послѣ знакомства съ двумя названными введеніями. Но мы совѣтовали бы, для углубленія и расширенія философскихъ знаній, не пускаться въ детальное изученіе этихъ другихъ введеній, а обратиться къ изученію важнѣйшихъ сочиненій самихъ философовъ, взгляды которыхъ покажутся читателю наиболѣе цѣнными при штудированіи работъ Челпанова и Паульсена При этомъ для оріентированія въ самыхъ позднѣйшихъ теченіяхъ философской мысли очень цѣннымъ дополненіемъ къ этимъ двумъ введеніямъ можетъ служить книга Гефдинга «Современная философія», только что переведенная на русскій языкъ (изд. «Библ. для самообразованія», ц. 1 р. 30 к.).

Н. Виноградовъ.

Исторія освободительнаго движенія въ Россіи.

(Обзоръ литературы).

А. Тунъ. Исторія революціонныхъ движеній въ Россіи. Пер. В. Засуличъ, Кольцова и др. Изд. „Библіотеки для всѣхъ" 1906.

А. Тунъ. Ист. революц. движ. въ Россіи. Пер. съ нѣм. подъ ред. и съ прим. Л. Шишко. Книгоиздательство „Земли и Воли" 1906.

Конни Цилліакусъ. Революціонная Россія. Пер. К. Жихаревой. Спб. 1906.

Хроника соціалистическаго движенія въ Россіи. 1878—87 гг. Изд. Саблина. М. 1907.

С. Степнякъ. Подпольная Россія. 2-е изд., вышедш. въ Россіи Спб. 1906.

П. Кропоткинъ. Записки революціонера. Пер. Діонео. Изъ. т-ва „Знаніе". Спб. 1906.

Н. П. Іорданскій. Конституціонное движеніе 60-хъ годовъ. Спб. 1906.

М. Веберъ. Историч. очеркъ освобод. движ. въ Россіи. Кіевъ. 1906.

По мѣрѣ того, какъ росло и крѣпло русское освободительное движеніе, оно все сильнѣе и сильнѣе приковывало къ себѣ вниманіе широкихъ общественныхъ круговъ не только у насъ въ Россіи, но и за границей. Подъ вліяніемъ эмиграціонной литературы и журналистики, наиболѣе яркій расцвѣтъ которой падаетъ на 70-ые годы минувшаго столѣтія, почувствовалась потребность выяснить въ связномъ, послѣдовательномъ очеркѣ причины, вызвавшія къ жизни русское освободительное движеніе, прослѣдить его ходъ и послѣдующее развитіе, указать на его конечныя цѣли, на тѣ широкія перспективы, которыя оно рисовало въ своихъ партійныхъ программахъ. Первая попытка подобнаго рода принадлежитъ перу *А. Туна*, профессора сперва базельскаго, а затѣмъ фрейбургскаго университета. Его книга «Исторія революціоннаго движенія въ Россіи», появившаяся въ 1883 г. на нѣмецкомъ языкѣ, вышла наконецъ въ 1906 г. въ русскомъ легальномъ изданіи, и даже не въ одномъ, а сразу въ четырехъ или пяти. Наибольшій интересъ представляютъ соціалъ-демократическое изданіе въ переводѣ В. Засуличъ съ предисловіемъ Плеханова и дополнительными статьями другихъ с.-д., и изданіе «Земли и Воли» подъ редакціей и съ обширными примѣчаніями Л. Шишко. Въ первой, вступительной главѣ Тунъ даетъ краткій очеркъ революціоннаго дви-

женія въ Россіи до 1863 г., затѣмъ въ дальнѣйшемъ изложеніи переходитъ къ революціонному двадцатилѣтію (1863—83 г.), заканчивая свою книгу упадкомъ партіи «Народной Воли». Несмотря на всѣ свои недостатки, несмотря на то, что со времени появленія въ свѣтъ нѣмецкаго подлинника книги Туна накопилось много новаго печатнаго матеріала, она до сихъ поръ является цѣнной попыткой изучить русское революціонное движеніе за тотъ періодъ его существованія, на рубежѣ котораго стоятъ Герценъ и Чернышевскій, а конецъ котораго завершается пышнымъ расцвѣтомъ народовольческихъ организацій. Изъ двухъ изданій книги Туна, которыя мы включаемъ въ нашъ обзоръ, соц.-дем. невыгодно отличается отъ перевода Л. Шишко тѣмъ, что статьи, приложенныя къ нему, написаны въ разное время и въ нихъ дана далеко не одинаковая оцѣнка достоинствъ и недостатковъ работы Туна. Дейчъ, напримѣръ, относится къ нему довольно снисходительно, Плехановъ же, наоборотъ, не оставляетъ въ немъ камня на камнѣ. Въ этой массѣ критическихъ статей, окрашенныхъ ярко-полемическимъ и партійнымъ характеромъ, вполнѣ тонетъ самъ Тунъ съ его спокойной и объективной манерой изложенія. Та же книга подъ редакціей и съ примѣчаніями стараго революціонера народническаго періода Л. Шишко является болѣе цѣнной сравнительно съ изданіемъ с.-д. тѣмъ, что въ ней обширныя примѣчанія принадлежатъ перу одного лица и проникнуты одной общей руководящей идеей. Переводчикъ шагъ за шагомъ исправляетъ и комментируетъ Туна, что придаетъ этому изданію особую цѣнность и значеніе; но, съ другой стороны, въ этомъ заключается и слабая сторона его, такъ какъ отъ изложенія самого Туна остается при этомъ очень и очень немного. Получается какъ бы заново написанная книга, въ которой только небольшая сравнительно часть заполнена переводомъ работы базельскаго профессора. Тѣмъ не менѣе переводъ Л. Шишко можно очень рекомендовать вниманію читателей.

Въ началѣ новаго столѣтія, послѣ того, какъ русское самодержавное правительство стало систематически стѣснять конституціонныя права и вольности финскаго народа, въ 1903 г., одновременно на шведскомъ и финскомъ языкахъ появилась работа *К. Цилліакуса, «Революціонная Россія»*. Главная цѣль ея заключается въ выясненіи, съ одной стороны, длительнаго

процесса борьбы русскаго народа въ лицѣ его лучшихъ представителей съ самодержавно-бюрократическимъ произволомъ,—борьбы, на вѣсы которой, по словамъ автора, «брошена вся гигантская мощь русскаго самодержавія», а съ другой стороны—изслѣдованіе тѣхъ причинъ, которыя заставили русскихъ бюрократовъ въ періодъ расцвѣта реакціи наложить руку на финляндскую конституцію. Черезъ всю небольшую, но весьма содержательную работу шведскаго публициста красной нитью проходитъ мысль, что возстановленія своихъ попранныхъ правъ Финляндія можетъ ждать только отъ успѣховъ русскаго освободительнаго движенія, что финляндская оппозиція должна итти рука объ руку съ оппозиціей русской въ упорной борьбѣ съ однимъ общимъ врагомъ. Спеціальная цѣль, которую поставилъ себѣ авторъ, переноситъ центръ тяжести его изслѣдованія на эпоху 80-хъ и 90-хъ гг. минувшаго столѣтія. Цилліакусъ прослѣживаетъ гибельное вліяніе на всѣ стороны русской жизни того суроваго режима, вдохновителями котораго были такіе корифеи обскурантизма, какъ Катковъ и Побѣдоносцевъ; затѣмъ онъ вкратцѣ останавливается на общественномъ возбужденіи въ первые годы новаго царствованія и заканчиваетъ свое изложеніе выпуклой характеристикой темныхъ сторонъ управленія В. К. Плеве и бѣглымъ обзоромъ событій самаго послѣдняго времени. Всѣ симпатіи автора на сторонѣ революціонеровъ. Это нѣсколько мѣшаетъ ему сохранить объективность въ своемъ изложеніи, на что онъ и указываетъ въ своемъ предисловіи. Обиліе матеріала, положеннаго въ основу работы шведскаго публициста, придаетъ ей особый интересъ, тѣмъ болѣе, что онъ дѣлаетъ попытку намѣтить тотъ путь, которымъ въ дальнѣйшемъ должна слѣдовать русская революція.—Полную противоположность Цилліакусу представляетъ «*Хроника соціалистическаго движенія въ Россіи 1878—87 г.*», окрашенная особымъ своеобразнымъ колоритомъ. Это оффиціальный отчетъ, составленный подъ редакціей генерала Шебеко, бывшаго товарища министра внутреннихъ дѣлъ при гр. Д. Толстомъ. При томъ полицейски-бюрократическомъ освѣщеніи, которымъ проникнуто все изложеніе этого строго-конфиденціальнаго документа, онъ, по словамъ издателя, представляетъ для историка нашего освободительнаго движенія тотъ интересъ, что даетъ подробный, хотя и сжатый, обзоръ революціоннаго движенія

за 1878—87 гг., въ томъ числѣ много фактовъ, не встрѣчающихся въ нашей печати, которые значительно дополняютъ книгу Туна, обрывающуюся на 1882—83 г. Отправной пунктъ въ изложеніи оффиціальнаго историка является, конечно, болѣе чѣмъ тенденціознымъ,—такъ, напримѣръ, по его мнѣнію, все революціонное движеніе въ Россіи возникло подъ вліяніемъ эмигрантовъ, и до 40-хъ годовъ XIX столѣтія Россія не испытывала никакихъ внутреннихъ потрясеній. Хотя революціонное движеніе 70-хъ гг. является въ оффиціальномъ изложеніи вполнѣ оторваннымъ отъ всей предшествующей эпохи, тѣмъ не менѣе даже составитель «хроники» долженъ былъ признать, что проповѣдь «анархистовъ» находила себѣ живой откликъ въ обществѣ и народѣ, оказывая на него «гибельное вліяніе». Не вдаваясь въ подробный анализъ соціально-политическихъ программъ, на почвѣ которыхъ происходила партійная группировка въ лагерѣ русскихъ революціонеровъ 70—80-хъ гг., авторъ общимъ терминомъ «анархисты» объединяетъ самыя разнообразныя теченія: и «бунтарей», и «якобинцевъ», и «лавристовъ», и «землевольцевъ», и «народовольцевъ», и даже «нигилистовъ». Давая превратное толкованіе громадному большинству фактовъ нашего революціоннаго прошлаго, составитель «Хроники» тѣмъ не менѣе отдаетъ должную дань уваженія организаторскому таланту Желябова, В. Фигнеръ и Лопатина, а также энтузіазму и отвагѣ самоотверженной молодежи, наполнявшей ряды народовольцевъ. Конечно, знакомство съ такимъ тенденціознымъ документомъ нельзя предпринимать въ первую очередь при изученіи нашего революціоннаго прошлаго, но онъ можетъ дать много новыхъ, подчасъ детальныхъ фактическихъ подробностей для исторіи революціоннаго движенія и еще болѣе для выясненія той позиціи, которую заняли въ отношеніи къ русской революціи наши правительственныя сферы. Audiatur et altera pars!—Прекраснымъ дополненіемъ къ работамъ иностранцевъ по русской революціи являются очерки и воспоминанія, принадлежащіе перу самихъ участниковъ русскаго освободительнаго движенія второй половины царствованія Александра II. На первомъ планѣ среди такой мемуарной литературы должны быть поставлены: «*Подпольная Россія*» *Степняка* и «*Записки революціонера*» *П. Кропоткина.* Работа С. Кравчинскаго, извѣстнаго въ нашей эмиграціонной

литературѣ подъ псевдонимомъ Степняка, появилась на итальянскомъ языкѣ въ 1881 г. и затѣмъ была переработана авторомъ для русскаго изданія въ 1893 г.—Давъ въ началѣ своей книги тонкую культурно-психологическую характеристику нигилизма, какъ общественно-литературнаго теченія 60-хъ г.г., Степнякъ устанавливаетъ послѣдовательную смѣну двухъ соціально-философскихъ типовъ: нигилиста-шестидесятника, ведшаго непримиримую борьбу съ рутиной, авторитетомъ и традиціей, и соціалиста-народника, стремящагося къ созидательной работѣ, къ мирной пропагандѣ въ широкой крестьянской и рабочей средѣ идей международнаго соціализма. Движеніе въ народъ подъ вліяніемъ роста Интернаціонала и геройской борьбы парижской коммуны, организація кружковъ чайковцевъ и долгушинцевъ, правительственныя репрессіи, устройство поселеній и колоній для болѣе успѣшной пропаганды, сближеніе революціонеровъ съ либералами, относящееся къ 1878 г., образованіе партіи «Народной Воли» и переходъ къ террору—все это сжато, но образно и рельефно разсказано Степнякомъ на 30 съ небольшимъ страницахъ его книги. Но самое цѣнное въ работѣ Степняка, то, что составляетъ ея основное ядро,—это рядъ блестящихъ, мастерскихъ характеристикъ наиболѣе видныхъ русскихъ революціонеровъ, набросанныхъ опытной рукой художника-психолога. Въ концѣ книги находимъ очеркъ послѣднихъ годовъ дѣятельности народовольческихъ организацій, когда съ каждымъ годомъ, можно сказать съ каждымъ мѣсяцемъ, правительство вырывало изъ рядовъ народовольцевъ все новыя и новыя жертвы, сжимая ихъ тѣснымъ кольцомъ полицейскаго сыска и провокаціонной тактики.—Совершенно иной характеръ носятъ «Записки» Кропоткина. Это—его автобіографія, но въ ней, по словамъ Брандеса, мы находимъ психологію не столько самого автора, сколько психологію Россіи: Россіи оффиціальной и ея народныхъ массъ, Россіи, борющейся за прогрессъ, и Россіи реакціонной.

Въ своей книгѣ, написанной въ 1897 г. по-англійски для американскаго журнала «Atlantic Monthly», Кропоткинъ даетъ исторію Россіи своей эпохи въ связи съ исторіей рабочаго движенія на Западѣ за послѣдніе полвѣка. Эмигрировавъ въ 1876 г. за границу, Кропоткинъ съ этого времени перестаетъ принимать активное участіе въ судьбахъ русской революціи.

Но его связи съ террористами, его обширное научно-философское образованіе даютъ ему возможность, сохраняя строгую историческую перспективу, нарисовать вполнѣ вѣрную картину русскаго соціалъ-революціоннаго движенія на фонѣ хозяйственно-правового кризиса послѣднихъ 40—45 лѣтъ. Жизнь всѣхъ классовъ русскаго общества, начиная съ крѣпостного крестьянства и кончая придворными сферами до императора включительно, жизнь самого автора въ сырыхъ казематахъ Петропавловской крѣпости и среди непроходимыхъ дебрей сибирской тайги,—все это просто, но въ высшей степени художественно и правдиво описано Кропоткинымъ въ его «Запискахъ».

Но русское освободительное движеніе развивалось не только на почвѣ однѣхъ революціонныхъ и соціалистическихъ теорій. Правда, дѣятельность революціонныхъ партій составляетъ въ немъ самую яркую, самую блестящую страницу; тѣмъ не менѣе нашъ обзоръ былъ бы одностороненъ, если бы мы не упомянули о конституціонныхъ стремленіяхъ, съ особой силой проявившихся въ началѣ 60-хъ гг. и въ первые годы XX ст. Конституціонное движеніе 60-хъ гг., вызванное отмѣной крѣпостного права, нашло себѣ довольно вѣрное отраженіе въ небольшой, но весьма обстоятельной брошюрѣ *Іорданскаго «Конституціонное движеніе 60-хъ гг.»*. Въ ней онъ вскрываетъ передъ нами, какъ конституціонно-аристократическая партія, съ Безобразовымъ, гр. Шуваловымъ и Орловымъ-Давыдовымъ во главѣ, стремилась привить къ русской жизни принципы англійской поземельной аристократіи, а буржуазно-демократическая партія въ лицѣ радикально настроеннаго тверского дворянства хотѣла перенести къ намъ конституціонно-правовой строй передовыхъ западно-европейскихъ странъ.—Пробужденію русскаго либерализма за самые послѣдніе годы посвящена работа гейдельбергскаго профессора *М. Вебера*, *«Историческій очеркъ освободительнаго движенія въ Россіи»*. Въ ней онъ послѣдовательно характеризуетъ всѣ главные моменты въ исторіи новѣйшей русской оппозиціи (1902—1906 г.), начиная съ образованія «Союза освобожденія», «Союза союзовъ» и к.-д. партіи и кончая организаціей Крестьянскаго союза на фонѣ широкаго соціалистическаго движенія среди крестьянскихъ и рабочихъ массъ. Веберъ, конечно, и не претендуетъ на исчерпывающую полноту своихъ очерковъ, онъ рѣшилъ выпустить въ свѣтъ

свою книгу только потому, что его русскимъ коллегамъ теперь не до того, чтобы знакомить заграничную публику съ русскими событіями. Въ тѣхъ рамкахъ, которыя поставилъ себѣ авторъ, онъ довольно удачно, хотя иногда и односторонне, использовалъ имѣвшійся у него въ рукахъ матеріалъ и въ общемъ рѣшилъ свою задачу довольно удовлетворительно. — Разборомъ книги Вебера мы заканчиваемъ нашъ обзоръ, въ который вошли только тѣ наиболѣе выдающіяся работы по исторіи нашего освободительнаго движенія, которыя появились на русскомъ языкѣ въ видѣ отдѣльныхъ изданій за самое последнее время.

В. Бочкаревъ.

Конституціонное право.

(Основныя руководства, появившіяся за два послѣдніе года).

Сборникъ программъ для чтенія по вопросамъ государственнаго строя. Изд. Комиссіи по организ. домашняго чтенія. М. 1906. Ц. 50 к.

Г. Еллинекъ. Право современнаго государства. Общее ученіе о государствѣ. Спб. 1903. Ц. 3 р.

Орландо. Принципы конституціоннаго права. М. 1907 Ц. 1 р. 50 к.

Г. Еллинекъ. Конституціи, ихъ измѣненія и преобразованія. Спб. 1907. Ц. 30 к.

А. Менгеръ. Новое ученіе о государствѣ. Пер. подъ ред. Б. Кистяковскаго, 2-е Изд. Скирмунта. М. 1906 Ц. 50 к.

Л. Дюгюи. Конституціонное право. Общая теорія государства. (Изданіе русскаго перевода подготовляется „Библіотекой для самообразованія").

С. А. Котляревскій. Конституціонное государство. Спб. 1907 Ц. 1 р. 25 к.

Конституціонное государство. Сборникъ статей въ изданіи І. Гессена и А. Каминка. 2-е изданіе. Спб. 1905

Л. Лоуэлль. Правительства и политическія партіи въ государствахъ Западной Европы (Франціи, Италіи, Германіи, Австро-Венгріи, Швейцаріи). Изд. Скирмунта. М. 1905 Ц. 2 р.

В. Вильсонъ. Государство. Прошлое и настоящее конституціонныхъ учрежденій. М. 1905 Ц. 3 р. 75 к.

Политическій строй современныхъ государствъ. Сборникъ статей въ изданіи кн. П. Долгорукова и И. Петрункевича. 2 т. М. 1905 Ц. 3 р. + 1 р. 50 к.

Государственный строй и политическія партіи въ Западной Европѣ и С. А. Соединенныхъ Штатахъ. Изд. Глаголева, подъ ред. Е. Смирнова. 3 т. Спб. 1905—1906 Ц. каждаго тома 2 р. 25 к.

П. Мижуевъ. Главныя федераціи современнаго міра. Спб. 1907. Ц. 1 р. 25 к.

Э. Фланденъ. Политическія учрежденія современной Европы. Англія, Бельгія. Спб. 1906. Ц. 1 р.

Л. Ольстонъ. Общій обзоръ современныхъ конституцій. М. 1905. Ц. 30 к.

В. Беджготъ. Государственный строй Англіи. М. 1905. Ц. 1 р. 60 к.

Л. Дюпріе. Государство и роль министровъ въ Англіи. Спб. 1906. Ц. 60 к.

Ш. Боржо. Учрежденіе и пересмотръ конституціи въ Америкѣ и Европѣ. 2 вып. Спб. 1905.

За послѣдніе два года, благодаря сильно повысившемуся у насъ интересу къ политическимъ вопросамъ, появилась на русскомъ языкѣ обширная, главнымъ образомъ, переводная литература по вопросамъ конституціоннаго права, въ которой является уже необходимость нѣсколько разобраться.

Попытку дать обзоръ прежней (до 1905 г.) литературы въ видѣ программъ для систематическаго чтенія представляетъ «*Сборникъ программъ для чтенія по вопросамъ государственнаго строя*», изд. Комиссіи по организаціи домашняго чтенія, въ которомъ, кромѣ обширнаго отдѣла исторіи политическихъ учрежденій, даны примѣрныя программы по отдѣльнымъ вопросамъ государственнаго права.

По общей теоріи государства наиболѣе капитальнымъ трудомъ продолжаетъ оставаться *Г. Еллинекъ*, «*Право современнаго государства. Общее ученіе о государствѣ*». Однако эта книга не лишена недостатковъ, и, по нашему мнѣнію, довольно крупныхъ, являющихся послѣдствіемъ того абстрактнаго метода, котораго придерживается Еллинекъ. Правда, онъ пытается дать и общее соціальное ученіе о государствѣ, но оно у него выходитъ слишкомъ общимъ и неопредѣленнымъ, такъ какъ главные его отдѣлы, ученіе объ обоснованіи, о цѣли и о происхожденіи государства, даны не съ точки зрѣнія какой-нибудь ясной и опредѣленной идеи, а являются результатомъ довольно блѣднаго эклектизма. Что касается юридической части книги, гдѣ Еллинекъ придерживается формально-юридическаго метода (впрочемъ, не вездѣ выдерживая его, напримѣръ, въ ученіи о суверенитетѣ, въ которомъ Еллинекъ видитъ лишь историческую категорію), то различные ея отдѣлы вызываютъ противъ себя рядъ серьезныхъ возраженій. Его ученіе о самоограниченіи государственной власти было уже

подвергнуто глубокой критикѣ и вполнѣ отвергнуто П. И. Новгородцевымъ въ его статьѣ «Право и государство» (Вопросы философіи,» кн. 74 и 75). Его ученіе о существенномъ признакѣ государства не ясно. Его ученіе объ органахъ государства и о представительствѣ, направленное на опроверженіе теоріи народнаго суверенитета и на замѣну ея ничего не выражающей, пустой формулой государственнаго суверенитета, является только *подмѣной* вопроса. Представляя очень цѣнное явленіе, какъ плодъ долгой ученой работы, давая обширныя указанія на необозримую литературу публичнаго права, часто полное глубокихъ замѣчаній, въ своемъ цѣломъ, однако, сочиненіе Еллинека не является тѣмъ, чѣмъ должна быть современная общая теорія государства.

Изящное и ясное развитіе теорій нѣмецкой юридической школы въ связи съ описаніемъ государственнаго устройства Италіи представляетъ книга римскаго проф. *Орландо*, «*Принципы конституціоннаго права*» Съ большимъ знаніемъ нѣмецкой литературы Орландо соединяетъ чисто латинскую ясность ума, и потому его книга отличается большей доступностью, чѣмъ книга Еллинека. Но она подлежитъ всѣмъ тѣмъ возраженіямъ, которыя выдвигаются вообще противъ формальнаго, абстрактнаго метода въ государственномъ правѣ.

Самъ *Еллинекъ*, повидимому, стремится уйти изъ душной клѣтки юридическаго метода къ изученію великой области соціальныхъ факторовъ. Его недавно появившаяся небольшая книжка «*Конституціи, ихъ измѣненія и преобразованія*» является очень цѣнной попыткой прослѣдить незамѣтную, внутреннюю эволюцію, совершающуюся въ конституціяхъ современныхъ государствъ. Здѣсь Еллинекъ въ изобиліи пользуется французской и англійской политической литературой, и это помѣшало ему впасть въ излишній абстрактный формализмъ.

Очень интересную и необычайно содержательную попытку дать ученіе о государствѣ съ соціально-политической точки зрѣнія представляетъ книга *Антона Менгера*, «*Новое ученіе о государствѣ*». Въ ней дана ученая и яркая теорія соціалистическаго государства съ точки зрѣнія доктрины коммунальнаго соціализма.

Счастливый противовѣсъ книгѣ Еллинека составляетъ блестящая и ясная, недавно появившаяся на французскомъ языкѣ

книга бордоскаго проф. *Леона Дюгюи*, «*Конституціонное право. Общая теорія государства*». Съ талантомъ и блескомъ Дюгюи строитъ новую теорію государства, исходя изъ идеи соціальной солидарности. Глубокая ученость, богатство матеріала и широкая соціально-политическая точка зрѣнія автора, дѣлаютъ изъ этой книги одно изъ самыхъ цѣнныхъ въ данное время руководствъ по конституціонному праву [1]).

Спеціально вопросамъ конституціоннаго права посвящена книга *С. А. Котляревскаго*, «*Конституціонное государство*» и «*Конституціонное государство*», *изд. І. Гессена и А. Каминка*. Однако эта послѣдняя книга не можетъ служить руководствомъ по конституціонному праву. Она имѣетъ обычные недостатки книги, составленной изъ статей различныхъ авторовъ. Нѣкоторые вопросы совершенно опущены (напримѣръ, о кабинетскомъ правительствѣ), другіе несоразмѣрно выдвинуты (статья Шалланда «О верховномъ судѣ»), у авторовъ нѣтъ ни единства міровоззрѣнія, ни единства изложенія. Однѣ слишкомъ сухи, другія слишкомъ публицистичны. Книга С. Котляревскаго представляетъ описательный «политико-морфологическій» обзоръ различныхъ частей конституціоннаго права, не претендующій на особенно новые выводы или новыя точки зрѣнія.

Очень обширна литература, посвященная описанію государственнаго строя отдѣльныхъ странъ. Здѣсь имѣется богатый выборъ. Изъ общихъ описаній многихъ государствъ особенно должны быть отмѣчены: 1) *Л. Лоуэлль*, «*Правительства и политическія партіи въ государствахъ Западной Европы*» содержательная книга, дающая не только очеркъ государственнаго строя, но и исторію конституцій и развитія политическихъ партій. Блестяще оцѣненъ ложный конституціонализмъ Германіи и Пруссіи. Десять лѣтъ, прошедшихъ со времени выхода книги въ оригиналѣ (въ 1896 г.), сдѣлали то, что нѣкоторые отдѣлы книги, какъ, напримѣръ, описаніе политиче-

---

[1]) Мы не упоминаемъ здѣсь двухъ очень цѣнныхъ книгъ: *А. Эсменъ*, „*Основныя начала государственнаго права*". перев. подъ ред. М. Ковалевскаго, 2 т, М. 1898, и *А. Дайси*, „*Основы государственнаго права Англіи*". Спб. 1891, (2 изд. М. 1905.), какъ появившихся задолго до обозрѣваемаго нами періода. Тѣмъ не менѣе мы должны подчеркнуть, что онѣ продолжаютъ и до сихъ поръ по большинству вопросовъ конституціоннаго права оставаться основными руководствами.

скихъ партій, нѣсколько устарѣли. Къ недостаткамъ книги относится то, что не вполнѣ выпукло выдвинутъ ростъ соціалистическихъ партій и демократическая эволюція конституціи. Не совсѣмъ вѣрно оцѣненъ государственный строй Франціи. 2) *В. Вильсонъ*, *«Государство. Прошлое и настоящее конституціонныхъ учрежденій»*. Книга представляетъ очень точный и отчетливый морфологическій обзоръ конституціонныхъ учрежденій древняго и новаго міра. Изъ современныхъ государствъ описаны Франція, Германія, Швейцарія, Австро-Венгрія, Швеція, Норвегія, Англія и Соединенные Штаты. Авторъ, сторонникъ аналитической школы въ юриспруденціи, держится въ изложеніи историко-сравнительнаго метода. Благодаря сжатости изложенія, расположенію матеріала и подробному указателю, книга Вильсона является прекраснымъ справочнымъ руководствомъ. Самостоятельную научную цѣнность представляетъ глава о Соединенныхъ Штатахъ.

Изъ непереводныхъ описаній современныхъ конституцій особенно должны быть отмѣчены двѣ капитальныя книги, плодъ сотрудничества многихъ авторовъ: 1) *«Политическій строй современныхъ государствъ», изд. кн. П. Долгорукова и И. Петрункевича»*. Кромѣ общихъ статей по теоріи конституціоннаго государства, здѣсь дано описаніе государственнаго строя Англіи, С.-Штатовъ, Франціи, Болгаріи, Германіи и Пруссіи, Бельгіи Швейцаріи, Австро-Венгріи, Швеціи и Норвегіи, Японіи и британскихъ колоній. Изъ общихъ статей должна быть отмѣчена статья В. Гессена, «Теорія правового государства». Въ ней авторъ подробно останавливается на различіи между дуалистической и парламентской монархіями. Къ сожалѣнію, авторъ пользуется исключительно нѣмецкой литературой, что совершенно недостаточно въ области политическихъ наукъ. Изъ спеціальныхъ статей выдѣляются: П. Виноградова объ Англіи, цѣнна особенно въ своей исторической части; М. Ковалевскаго о Соединенныхъ Штатахъ,—авторъ хорошо знакомъ съ новѣйшей литературой и тонко указываетъ на фактическое нарушеніе конституціоннаго принципа раздѣленія властей; его же статья о Бельгіи; Н. Кудрина о Франціи,—глубокое пониманіе демократической эволюціи французской конституціи и измѣненій въ прерогативахъ исполнительной власти; Милюкова о Болгаріи. Совершенно невѣрное освѣщеніе въ духѣ односто-

ронней идеализаціи даетъ статья Г. Іоллоса о Германіи и Пруссіи; для изученія этой послѣдней страны лучше обращаться къ другимъ сочиненіямъ, напр., къ Лоуэллю. 2) «*Государственный строй и политическія партіи въ Зап. Европѣ и С.-А. Соединенныхъ Штатахъ*», *изд. Глаголева.* Въ сущности, это не книга по конституціонному праву, а собраніе статей по современной политической исторіи; главное вниманіе во всѣхъ статьяхъ обращено на подробное описаніе политическихъ партій и соціальныхъ отношеній въ различныхъ странахъ; государственный строй излагается лишь мелькомъ и то главнымъ образомъ съ политической точки зрѣнія. Изъ статей особенно должны быть отмѣчены Звѣздича объ Австро-Венгріи, Коврова о Германіи и Гурвича о С.-Штатахъ.

Здѣсь же должны быть упомянуты компилятивная, но интересно написанная книга *П. Мижуева* «*Главныя федераціи современнаго міра*» [1]) и дѣльная книга *Э. Фландена* «*Политическія учрежденія современной Европы. Англія. Бельгія.*». Съ точки зрѣнія популярности и чрезвычайной элементарности изложенія цѣнна брошюра *Л. Ольстона*, «*Общій обзоръ современныхъ конституцій*».

Научный центръ тяжести всѣхъ этихъ описаній, съ точки зрѣнія теоріи конституціоннаго права, представляетъ изслѣдованіе природы парламентарной системы. По отношенію къ разработкѣ этого послѣдняго вопроса первое мѣсто по праву принадлежитъ книгѣ *В. Беджгота*, «*Государственный строй Англіи*». Въ ней великолѣпно, чрезвычайно рельефно схвачена основная идея парламентаризма. Книга Беджгота (вышедшая впервые въ 1867 г., а вторымъ и послѣднимъ изданіемъ при жизни автора въ 1872 г.) въ свое время пролила новый свѣтъ на природу англійской конституціи (на мѣсто прежней теоріи раздѣленія властей какъ характернаго признака парламентаризма, она поставила теорію своеобразнаго сліянія исполнительной и законодательной властей) и сдѣлалась классической. Большимъ недостаткомъ книги Беджгота является непониманіе ея авторомъ демократическихъ стремленій современнаго міра. Беджготъ далъ лишь общій смыслъ, основные принципы парламентаризма, техника же и детали функціонированія каби-

[1]) См. ниже рецензію.

нетной системы изображены въ сочиненіи *Л. Дюпріе*, *«Государство и роль министровъ въ Англіи»*. [2]) Новое пониманіе современной англійской конституціи, порывающее съ традиціоннымъ представленіемъ о парламентарной системѣ, даетъ книга *Sidney Low* »*The Governance of England*. которая еще ждетъ русскаго перевода.

Здѣсь должна быть не забыта также и очень цѣнная книга *Шарля Боржо*, *«Учрежденіе и пересмотръ конституціи въ Америкѣ и Европѣ»*, являющаяся однимъ изъ самыхъ крупныхъ произведеній политической литературы.

А. Ященко.

---

[2]) Въ двухъ другихъ выпускахъ „Государство и роль министровъ въ Пруссіи, Германіи и Франціи" трактуется вопросъ объ организаціи исполнительной власти въ соотвѣтствующихъ странахъ. Всѣ эти три выпуска являются переводомъ нѣкоторой части книги *Duprier*, „Les ministres dans les principaux pays d'Europe et d'Amérique", 2 vol, P. 1892. Къ сожалѣнію, на русскомъ языкѣ еще не появились главы о Бельгіи, Италіи, С. Штатахъ и Швейцаріи и обѣщанъ выходъ только той части книги, которая относится къ двумъ послѣднимъ странамъ.

II. РЕЦЕНЗІИ.

Философскій отдѣлъ.

Гербертъ Спенсеръ. Соціальная статика. Изложеніе соціальныхъ законовъ, обусловливающихъ счастье человѣчества. *Цѣна 1 р. 50 к. Спб. 1906. Изданіе В. Врублевскаго. Стр. 534.*

«Соціальная статика»—первый большой трудъ Спенсера, начатый въ 1848 г., а изданный въ 1850 г. При своемъ появленіи, онъ не привлекъ къ себѣ большого круга читателей, но зато пріобрѣлъ цѣнителей, а автору друзей въ лицѣ такихъ выдающихся современниковъ, какъ Льюисъ, Эллiотъ, Д. С. Милль и др. Аналогичный успѣхъ, думается, будетъ имѣть эта книга и среди русской публики. Для читающей «массы» она слишкомъ уравновѣшена и безпартійна, для людей науки — старовата, элементарна и поотстала; но философъ или просто объективный наблюдатель совершающихся на нашихъ глазахъ рѣзкихъ переворотовъ въ соотношеніи и расцѣнкѣ политическихъ, соціальныхъ и нравственныхъ силъ именно теперь будетъ читать книгу Спенсера съ чувствомъ особеннаго удовлетворенія: многіе изъ его выводовъ такъ и просятся въ цитаты при обсужденіи нашей русской современности. Въ послѣднемъ случаѣ мы имѣемъ въ виду не тѣ иногда встрѣчающіяся у него замѣчанія собственно о Россіи, которыя и для своего времени были довольно неудачны (напр.: «русскіе, чувствующіе какъ бы потребность обожать своего императора, въ то же время откровенно признаются, что они мошенники, и смѣются надъ такимъ признаніемъ», стр. 477), а его формулы и обобщенія принципіальнаго характера. Идея цѣлесообразности и практической полезности для эволюціи человѣческихъ родовъ и обществъ какъ хищническаго и разбойническаго, такъ, съ другой стороны, и альтруистическаго или благожелательнаго инстинктовъ — каждаго въ свое время и при своеобразныхъ

условіяхъ,—съ признаніемъ, что конечной цѣлью и естественнымъ итогомъ человѣческаго развитія является все-таки торжество справедливости и гуманности, способна замѣчательно ободряющимъ образомъ дѣйствовать именно при современныхъ русскихъ условіяхъ. Она же даетъ ключъ и къ пониманію того, на первый взглядъ нѣсколько страннаго явленія, почему, напр., при каждомъ дѣйствительно достигнутомъ успѣхѣ нашего освободительнаго движенія отступаютъ на задній планъ чувство мстительности и желаніе сводить старые счеты съ побѣжденнымъ противникомъ: вѣдь это новый, альтруистическій строй торжествуетъ надъ старымъ, разбойничьимъ строемъ. Нельзя не привѣтствовать разсматриваемой книги и съ той точки зрѣнія, что съ ея появленіемъ мы стали еще на одинъ шагъ ближе къ полному русскому собранію сочиненій Спенсера. Переводъ сдѣланъ вполнѣ литературно и замѣтныхъ поводовъ къ упрекамъ не даетъ.

П. Тихомировъ.

Дж. Г. Маккай. Максъ Штирнеръ, его жизнь и ученіе. *Переводъ съ нѣм. подъ ред. А. Даманской. Спб. 1907. Ц. 60 к. Складъ изд. магазинъ «Право».*

Книга извѣстнаго венгерскаго писателя Маккая о Максѣ Штирнерѣ появилась въ хорошемъ русскомъ переводѣ г-жи Даманской. Маккай сдѣлалъ все возможное для воскрешенія памяти о забытомъ проповѣдникѣ эгоистическаго анархизма— Максѣ Штирнерѣ. Въ введеніи онъ разсказываетъ исторію своей работы—трогательную исторію борьбы частью съ непобѣдимой силой времени, которая стерла почти всѣ слѣды жизни Штирнера, частью съ людской ограниченностью и нетерпимостью, которая не хочетъ ничего знать объ оригинальномъ мыслителѣ, пошедшемъ своей странной, непонятной для большинства дорогой. Особенно интересно въ этомъ отношеніи описаніе сношеній Маккая съ женой Штирнера, той самой Маріей Дэнгардъ которой посвящено сочиненіе «Единственный и его собственность»: она не только не приняла Маккая лично, но, отвѣтивъ кратко на нѣкоторые письменные его вопросы о жизни Штирнера, категорически заявила, что впредь не будетъ отзываться на разспросы о человѣкѣ, котораго она никогда не уважала и

не любила. Здѣсь не мѣсто говорить по существу о философскомъ значеніи книги Штирнера, которую Маккай, съ увлеченіемъ фанатическаго поклонника, считаетъ геніальной и которая въ дѣйствительности цѣнна лишь, какъ оригинальное и смѣлое доведеніе до послѣдняго конца — и тѣмъ самымъ, до абсурда — нигилистическаго направленія лѣвыхъ гегельянцевъ 40-хъ годовъ (Фейербаха и Бруно Бауера). Авторъ интересно описываетъ кружокъ «свободныхъ», который собирался въ то время въ одномъ берлинскомъ кабачкѣ и изъ среды котораго вышелъ Штирнеръ со своимъ «Единственнымъ». Каспаръ Шмидтъ (таково настоящее имя Штирнера) — этотъ скромный учитель женской школы, поразившій своимъ неожиданнымъ дерзкимъ выступленіемъ не только противъ государства и религіи, но и противъ нравственности, во имя безграничнаго, ничѣмъ не смягчаемаго эгоизма,—былъ, несомнѣнно, самымъ талантливымъ членомъ кружка «свободныхъ» (переводчица не вполнѣ правильно называетъ его членовъ «свободомыслящими», что можетъ подать поводъ къ недоразумѣніямъ). Самостоятельное творчество Шмидта-Штирнера началось и кончилось «Единственнымъ»; послѣ этого онъ еще долго влачилъ незамѣтное существованіе въ непрерывной борьбѣ съ матеріальными лишеніями.—Книга Маккая интересна не только для поклонниковъ Штирнера, которые имѣются теперь и у насъ въ Россіи, но и для его философскихъ противниковъ. Какъ справедливо замѣтилъ одинъ вдумчивый ея критикъ (нѣмецкій философъ Карлъ Іоэль), проникающее ее чувство служитъ лучшимъ опроверженіемъ воззрѣній Штирнера. Проповѣдникъ эгоизма становится въ ней предметомъ трогательнаго преклоненія и безкорыстной преданности, ненавистникъ всякихъ «идей» и ихъ власти надъ людьми вдохновилъ Маккая на работу, впечатлѣніе отъ которой наводитъ на мысль, что самое великое и могущественное на свѣтѣ есть все-таки не эгоизмъ, а нравственная сила идеи.

С. Франкъ.

Проф. Г. Челпановъ. Введеніе въ философію. *2-е изданіе. Кіевъ, 1907. IV + 528. Изданіе книжнаго магазина В. А. Просяниченко. Ц. 2 р. 50 к.*

Успѣхъ книги проф. Челпанова, за короткій срокъ вышедшей вторымъ изданіемъ (первое изданіе появилось осенью

1905 г. [1]), свидѣтельствуетъ объ исключительно цѣнныхъ качествахъ этого сочиненія среди аналогичныхъ произведеній, имѣющихся уже въ достаточномъ количествѣ у насъ и преимущественно переведенныхъ съ иностранныхъ языковъ (объ этой литературѣ по «введенію въ философію» болѣе подробно сказано въ другомъ мѣстѣ этого сборника). Въ основу сочиненія положены многолѣтнія университетскія чтенія автора, и уже съ этимъ обстоятельствомъ въ значительной степени связана сравнительная систематичность и полная научность въ трактованіи затрагиваемыхъ проблемъ. Авторъ не задается цѣлью привести читателя къ опредѣленному рѣшенію того или другого вопроса, а имѣетъ въ виду намѣтить всѣ возможныя рѣшенія проблемы, показать историческое развитіе различныхъ оттѣнковъ въ этихъ рѣшеніяхъ и дать возможность уже самому читателю прійти къ окончательнымъ выводамъ. Въ книгѣ захвачены всѣ проблемы, составляющія обычное содержаніе «введеній въ философію»: гносеологическая проблема, онтологическая и космологическая, этическая и философско-религіозная. Кромѣ того, авторъ даетъ въ особомъ отдѣлѣ характеристику основныхъ типовъ философскихъ построеній: позитивизма (Контъ), агностицизма (Спенсеръ), неокантіанства (Ланге), метафизики (Гартманъ) и индуктивной метафизики (Вундтъ). Конечно, далеко не всѣ аргументы автора, при разборѣ извѣстныхъ философскихъ ученій, могутъ показаться вполнѣ убѣдительными для читателя. Равнымъ образомъ, не всегда можно согласиться съ авторомъ и въ его симпатіяхъ къ опредѣленнымъ философскимъ направленіямъ. Наконецъ, можно было бы выразить пожеланіе относительно болѣе подробной разработки послѣдняго отдѣла («Философія и религія»). Но все это не умаляетъ выдающихся положительныхъ качествъ сочиненія, такъ выгодно выдѣляющихъ его изъ среды не малочисленныхъ произведеній этого рода. Сюда нужно отнести полноту и обстоятельность въ трактованіи важнѣйшихъ философскихъ проблемъ (особенно это нужно сказать о пятомъ отдѣлѣ, посвященномъ этикѣ), широту исторической постановки при обсужденіи этихъ вопросовъ, замѣчательную простоту и ясность изложенія и, наконецъ,

[1]) Настоящее, второе изданіе не содержитъ въ себѣ никакихъ существенныхъ измѣненій по сравненію съ первымъ.

цѣнность литературныхъ указаній (какъ на русскомъ, такъ и на иностранныхъ языкахъ), сопровождающихъ каждую главу. Все это дѣлаетъ сочиненіе проф. Челпанова очень цѣннымъ въ цѣляхъ самообразованія, а обѣщанная передѣлка этого труда въ предѣлахъ элементарнаго курса (въ связи съ изданными частями этого курса «Учебникомъ психологіи» и «Учебникомъ логики») еще болѣе увеличитъ философско-просвѣтительныя заслуги проф. Челпанова передъ русскимъ обществомъ, которое уже давно знакомо съ интересными работами автора, относящимися къ различнымъ областямъ философскаго вѣдѣнія.

Н. Виноградовъ.

Литературный отдѣлъ.

1. **Полное собраніе сочиненій Ѳ. М. Достоевскаго**. *Юбилейное (шестое) изданіе. Въ 14-ти томахъ. Спб. 1906 г. Цѣна 25 руб.*

2. **Полное собраніе сочиненій Ѳ. М. Достоевскаго.** *Изданіе седьмое въ 12-ти томахъ. Спб. 1906 г. Цѣна 10 руб.*

3. **Музей памяти Ѳ. М. Достоевскаго** *въ Императорскомъ Россійскомъ историческомъ музеѣ памяти императора Александра III-го въ Москвѣ, 1846—1903 гг. съ портретомъ и видомъ. Составила А. Г. Достоевская. Спб. 1906 г. 392 стр. Цѣна 5 руб.*

28 января 1906 года исполнилось 25 лѣтъ со дня смерти Ѳ. М. Достоевскаго. Въ этомъ году вдовой великаго русскаго писателя, А. Г. Достоевской, было предпринято юбилейное изданіе полнаго собранія сочиненій сразу въ двухъ изданіяхъ, болѣе дорогомъ и менѣе дорогомъ. Теперь оба изданія закончены печатаніемъ и вышли въ свѣтъ.

Вышедшія теперь шестое и седьмое изданія далеко не равнаго достоинства. Шестое (юбилейное изданіе, очень хорошо изданное съ внѣшней стороны) является безусловно самымъ полнымъ изъ всѣхъ имѣющихся до сихъ поръ. Самое цѣнное въ немъ—это выборки изъ „матеріаловъ къ роману «Бѣсы»“, нигдѣ еще не напечатанныя до сихъ поръ, и „Отрывокъ изъ

ненапечатанной главы «Бѣсовъ»". Все это помѣщено въ 8-мъ томѣ новаго изданія и дѣлаетъ его самымъ значительнымъ.

Достоевскій имѣлъ обыкновеніе записывать начерно въ записныхъ книжкахъ отдѣльныя мѣста, сцены, варіанты, образы по мѣрѣ того, какъ они слагались въ его внутренней творческой работѣ, а потомъ, принимаясь за романъ, писалъ его уже набѣло, всегда спѣшно, почти безъ передышки. Такихъ тетрадей послѣ смерти Ѳ. М. Достоевскаго, по словамъ его вдовы, сохранилось пятнадцать. Въ нихъ, на ряду съ чисто литературнымъ матеріаломъ, много личныхъ записокъ и замѣтокъ; въ послѣдніе годы жизни, когда къ Достоевскому люди ходили, какъ въ исповѣдальню, сюда же часто заносились имъ признанія и повѣствованія его посѣтителей. Вмѣстѣ со слѣдами серьезной творческой работы и внутренней жизни Ѳ. М. записки эти включаютъ въ себя порою мелочи и прозу повседневности, литературные матеріалы часто прерываются счетами, разсчетами, или рисунками, которые чертитъ Ѳ. М. въ задумчивости, замѣчаніями о дѣтяхъ своихъ и пр. Въ настоящее время записныя книги еще закрыты для литературнаго изученія. Только двѣ тетради этихъ записныхъ книжекъ, содержащія въ себѣ матеріалы „Бѣсовъ", отданы А. Г. Достоевской въ „Музей памяти Ѳ. М. Достоевскаго", устроенный при ея содѣйствіи въ одной изъ башенъ Историческаго Музея. Изъ этихъ матеріаловъ были сдѣланы болѣе значительныя выборки покойнымъ Н. Н. Страховымъ еще для изданія 1883 года, но по нѣкоторымъ обстоятельствамъ только теперь попали въ печать въ 8-й томъ юбилейнаго изданія.

Эти черновые наброски даютъ богатый матеріалъ для психологіи творчества Достоевскаго вообще, для творческаго генезиса нѣкоторыхъ образовъ въ его «Бѣсахъ» въ частности. Въ иномъ свѣтѣ представленъ здѣсь Шатовъ, параллельно съ нимъ Достоевскимъ задумывался другой истинно-положительный типъ Голубова, который въ концѣ-концовъ не удался и вовсе не вошелъ въ романъ. Больше же всего въ матеріалахъ записано о Ставрогинѣ: въ него переселилъ авторъ и Голубова. Примѣчательно, что дѣйствующія лица въ матеріалахъ носятъ явственные слѣды своего жизненнаго происхожденія. Здѣсь прямо названъ Нечаевъ, Гр-ій, Тургеневъ и т. д. Самыя замѣчательныя въ этихъ отрывкахъ—бесѣды Ставрогина съ Шатовымъ.

Здѣсь есть мѣста, по силѣ и значительности превосходящія то, что вошло въ романъ. «Отрывокъ изъ ненапечатанной главы» рисуетъ посѣщеніе Ставрогинымъ старца (Тихона). Эта замѣчательная сцена вводитъ читателя въ исповѣдь Ставрогина, которая остается до сихъ поръ по нѣкоторымъ, чисто внѣшнимъ мотивамъ, ненапечатанной. Она извѣстна публикѣ по темнымъ, тайно шуршащимъ слухамъ, о ней бросилъ жуткое замѣчаніе Д. С. Мережковскій въ своей извѣстной книгѣ «Левъ Толстой и Достоевскій», о происхожденіи ея существуетъ много апокриѳовъ, касаться которыхъ здѣсь мы не считаемъ возможнымъ.

Къ первому тому 6-го изданія приложено 12 снимковъ, изъ которыхъ нѣкоторые очень цѣнны: портреты родителей Достоевскаго и фотографіи самого Ѳ. М. 1858, 1860, 1862, 1872 и 1880 года, снимокъ съ маски, затѣмъ менѣе значительные снимки — съ бюста работы Бернштама, съ могилы въ первые ея дни, съ дома Достоевскаго въ Старой Руссѣ и съ кабинета въ этомъ домѣ.

По установившейся традиціи, собранію сочиненій Достоевскаго предпослана вступительная статья С. Н. Булгакова Черезъ 25 лѣтъ», опытъ религіозно - публицистической оцѣнки. Обѣщана была статья Д. С. Мережковскаго (вышедшая теперь отдѣльной брошюрой «Пророкъ русской революціи»), но она не удовлетворила требованій издательницы; вмѣсто нея напечатано извинительное письмо Мережковскаго. Надо замѣтить, что если вообще классическое изданіе собранія сочиненій Достоевскаго нуждается теперь во вступительной статьѣ, то тоже классической, филологической по преимуществу. Какъ ни интересны статьи Булгакова и Мережковскаго сами по себѣ, но Достоевскій черезъ 25 лѣтъ уже совершенно не нуждается въ рекомендаціяхъ. Строго научное, хотя бы и болѣе сухое вступленіе было бы болѣе желательно и умѣстно теперь.

Изданіе съ технической стороны выполнено, если не роскошно, то, во всякомъ случаѣ, очень хорошо, но цѣна его непомѣрно велика.

Дешевое же седьмое изданіе тоже очень не дешево, и по цѣнѣ своей (10 р.) мало доступно широкимъ слоямъ читателей; но формату и печати оно лучше и удобнѣе изданія Маркса, но напечатано на очень посредственной бумагѣ. Къ этому

(7-му) изданію не только не приложены ненапечатанные отрывки, но даже и вступительная статья. Данъ всего только одинъ портретъ 1880 года, съ автографомъ Достоевскаго: «Моей доброй Анѣ отъ меня». Единственное приложеніе этого 7-го изданія—«Краткія біографическія свѣдѣнія о Ѳ. М. Достоевскомъ, продиктованныя самимъ Достоевскимъ его женѣ для передачи редактору одной газеты, просившему доставить біографическія данныя». Здѣсь Достоевскій поддерживаетъ тотъ варіантъ, мало правдоподобный, что императоръ Николай I-й пожалѣлъ въ немъ «молодость и талантъ». О «Преступленіи и наказаніи», «Идіотѣ» и «Бѣсахъ» Ѳ. М. говоритъ, что «Достоевскій, можетъ-быть, *слишкомъ жестоко* отнесся въ нихъ къ современному русскому обществу». Есть и еще здѣсь интересныя замѣчанія Достоевскаго о самомъ себѣ, такъ сказать, со стороны.

Въ заключеніе скажемъ нѣсколько словъ еще о «Музеѣ памяти Ѳ. М. Достоевскаго». Эта огромная, роскошно изданная книга составлена А. Г. Достоевской. Здѣсь дано «подробнѣйшее описаніе «Музея памяти Ѳ. М. Достоевскаго», устроеннаго въ Москвѣ. Самымъ цѣннымъ является здѣсь очень подробный указатель литературы о Достоевскомъ. Исчерпывающимъ его нельзя назвать, но все же онъ очень полный. Доведенъ онъ только до 1902 года, включаетъ въ себя около 3000 названій. Все это собрано въ Музеѣ Ѳ. М. Достоевскаго въ Москвѣ. Устройствомъ Музея и изданіемъ обстоятельнаго описанія его А. Г. Достоевская сдѣлала цѣнный вкладъ въ дѣло изученія Достоевскаго.

А. С. Волжскій.

Библіотека великихъ писателей подъ редакціей С. А. Венгерова. Пушкинъ. *Вып. I. Изд. Брокгаузъ-Ефрона. Спб. 1907. Ц. 1 р. 50 к.*

С. А. Венгеровъ говоритъ въ предисловіи, что хочетъ дать «своего рода Пушкинскую энциклопедію», которая была бы «въ такой же степени собраніемъ сочиненій Пушкина, какъ и изслѣдованіемъ его жизни и творчества». Въ 1 вып. находимъ и критику текста, и біографическія розысканія, и историко-литературные очерки, и эстетическія оцѣнки, а въ художественной части—и портреты, и виды мѣстностей, и иллюстраціи къ различнымъ произведеніямъ, и стильныя украшенія, характе-

ризующія эпоху. До нѣкоторой степени это понятно: за 70 лѣтъ, прошедшихъ со смерти Пушкина, мы все еще не успѣли «изслѣдовать его жизнь и творчество» сколько-нибудь обстоятельно, и издателю его сочиненій невольно приходится быть «и академикомъ, и героемъ, и мореплавателемъ, и плотникомъ». Но преслѣдовать нѣсколько цѣлей одновременно, особенно въ изданіи, выходящемъ въ свѣтъ отдѣльными выпусками, можно только при строго и детально разработанномъ планѣ всей работы. Намъ кажется, что отсутствіемъ такого плана и объясняются недостатки, какіе замѣчаемъ мы въ I вып. изданія.

Прежде всего въ книгѣ не мало лишняго. Такъ, мы находимъ въ ней портретъ, во всю страницу, Петра Великаго, гдѣ *не* изображенъ предокъ Пушкина, Ганнибалъ (стр. 15); снимокъ съ дома Клюгиныхъ, въ Москвѣ, въ которомъ *не* родился Пушкинъ (стр. 26); портретъ, во всю страницу, артистки Клэронъ, игры которой *не* видѣлъ Пушкинъ и имя которой онъ употребилъ лишь «какъ синонимъ знаменитой актрисы» (стр. 129); стихотвореніе Парни, занявшее два столбца, которое *не* послужило образцомъ Пушкину (стр. 117—118); два значительныхъ изслѣдованія объ Оссіанѣ, занявшихъ 28 столбцовъ, доказывающихъ, что Оссіанъ почти *не* оказалъ вліянія на Пушкина (стр. 98—114) Среди этого «лишняго» многое очень любопытно и цѣнно, но не должно ли въ изданіи, разсчитанномъ на «сравнительно небольшой объемъ», жертвовать даже любопытнымъ и цѣннымъ ради необходимаго? Если Оссіану въ I вып. удѣлено 18 страницъ, сколько же придется отдать въ слѣдующихъ—Чаадаеву, Раевскимъ, Осиповымъ?

Вмѣстѣ съ тѣмъ біографическіе и историко-литературные матеріалы въ I вып. рѣшительно затираютъ произведенія самого Пушкина. Изъ 160 страницъ стихамъ Пушкина уступлено лишь 27, т.-е. комментарій занялъ $^5/_6$ всей книги. По поводу чтенія одного слова («тасуюсь» или «тосуюсь») дано изслѣдованіе въ два столбца и цѣлая страница воспроизведеній. Въ I выпускѣ все это еще можно оправдать тѣмъ, что здѣсь собраны самыя раннія стихотворенія Пушкина, дѣйствительно интересныя только какъ біографическій матеріалъ, а не непосредственно, какъ поэтическія созданія. Но если и въ дальнѣйшихъ выпускахъ «сочиненія Пушкина» будутъ тонуть въ «сочиненіяхъ о Пуш-

кинѣ», изданіе превратится въ исключительно ученое. По нему можно будетъ изучать Пушкина, но никакъ не читать его.

Кромѣ того, различныя лица, составлявшія комментаріи къ отдѣльнымъ стихотвореніямъ, стояли часто на совершенно различныхъ точкахъ зрѣнія. Комментаріи, написанные г. Венгеровымъ, даютъ разностороннюю характеристику произведенія, касаются критики текста, входятъ въ эстетическую оцѣнку. Напротивъ, г. Лернеръ, въ своихъ комментаріяхъ, почти исключительно интересуется біографическими вопросами. Г. Малеинъ по поводу эпиграммы, переведенной Пушкинымъ съ французскаго, написалъ очень интересное изслѣдованіе объ античныхъ ея образцахъ, указывая даже мѣсто храненія и составъ тѣхъ старинныхъ рукописей, по которымъ мы ихъ знаемъ. Г. Морозовъ, напротивъ, счелъ достаточнымъ сослаться на «Избранныя эпиграммы греческой антологіи» въ русскомъ переводѣ В. Алексѣева,—источникъ не авторитетный и даже сомнительный. А г. Браиловскій даже нашелъ нужнымъ истолковывать читателямъ, что «Назонъ т.-е. Овидій, до ссылки на берега Чернаго моря, прославился Героидами и любовными элегіями».

Изъ отдѣльныхъ мелкихъ промаховъ, отмѣченныхъ нами въ I вып., укажемъ слѣдующіе. На стр. 39 помѣщенъ «Видъ на Лицей» и объяснено, что онъ воспроизведенъ «съ рѣдкой, временъ пребыванія Пушкина въ Лицеѣ, литографіи». Это маловѣроятно, потому что во время пребыванія Пушкина въ Лицеѣ (1811—1817 г.) литографія еще совсѣмъ не примѣнялась въ Россіи. На стр. 155 стихи озаглавлены: «Къ Н. Г. Ломоносову». Это не совсѣмъ точно, такъ какъ въ «Россійскомъ Музеумѣ» 1815 г., откуда мы знаемъ это стихотвореніе, оно озаглавлено безъ предлога: «Н. Г. Ломоносову». На стр. 94 редакторъ объясняетъ, что, придерживаясь орѳографіи Пушкина, онъ измѣнилъ обычное чтеніе «тьма» на «тма». Это произвольно, потому что въ рукописяхъ Пушкина встрѣчается и форма «тьма». Къ нѣсколькимъ, уже указаннымъ критикой, опечаткамъ, которыя однако могутъ быть и поправками редактора, (напримѣръ, «въ сердце» вмѣсто обычнаго «въ сердцѣ», стр. 128) мы можемъ прибавить еще одну. Въ посланіи къ Батюшкову (стр. 147) въ стихѣ 74 пропущено слово «совсѣмъ», черезъ что въ стихѣ недостаетъ стопы.

Что касается отдѣльныхъ *достоинствъ* новаго изданія, то прежде всего надо указать на текстъ стихотвореній, значительно улучшенный, сравнительно съ Академическимъ изданіемъ, по первоисточникамъ, а въ двухъ мѣстахъ (стихотв. «Леда» и «Посланіе къ Натальѣ») и пополненный по позднѣйшимъ изслѣдованіямъ. Очень обстоятельна основанная на архивныхъ данныхъ статья Б. Модзалевскаго о родѣ Пушкина, и вполнѣ добросовѣстно составлены статьи В. Сиповскаго о дѣтствѣ Пушкина и Н. Лернера о пребываніи Пушкина въ Лицеѣ. Очень цѣнно воспроизведеніе метрической записи о рожденіи Пушкина и fac-simile первой изъ сохранившихся его рукописей («О Делія драгая»), оставшейся неизвѣстной Академическому изданію. Среди иллюстрацій очень интересны воспроизведенія въ краскахъ портретовъ отца и матери поэта, дающія совершенно иное впечатлѣніе, чѣмъ воспроизведенія тѣхъ же портретовъ въ одинъ тонъ, и воспроизведеніе, тоже въ краскахъ, портрета сестры Пушкина (1844 г.),—до сихъ поръ не обнародованнаго. Наконецъ, и вся иллюстраціонная часть задумана съ большимъ вкусомъ.

Въ общемъ, несмотря на отдѣльные недочеты, изданіе, предпринятое г. Венгеровымъ, будетъ, вѣроятно, лучшимъ изъ существующихъ у насъ изданій Пушкина.

Валерій Брюсовъ.

Сочиненія Пушкина. *Изданіе Имп. Академіи Наукъ.* **Переписка,** *подъ редакціей и съ примѣчаніями В. И. Саитова. Томъ I. Спб. 1906. IX+394 стр. Ц. не указ.*

Наша эпоха выдвинула рядъ неслыханныхъ прежде, серьезныхъ научныхъ требованій, предъявляемыхъ къ изданію классиковъ. Времена издателей узко-библіографическаго толка, какъ П. А. Ефремовъ, или редакторовъ-эстетиковъ, въ родѣ П. Я. Анненкова, миновали безвозвратно. Народился читатель-критикъ, который не только читаетъ, но и изучаетъ любимыхъ писателей; выдающіеся классики родного слова становятся предметомъ чисто-научныхъ изслѣдованій; назовемъ работу проф. Е. Ѳ. Будде о грамматикѣ пушкинскаго языка, изслѣдованіе академика Ѳ. Е. Корша о пушкинскомъ стихосложеніи. Выяснилась необходимость снабжать каждое изданіе Пушкина сложными критическими, историческими и библіографическими

комментаріями, безъ которыхъ многое ускользаетъ отъ пониманія обыкновеннаго читателя, не-специалиста, и—что, конечно, всего важнѣе—дать тщательно провѣренный, научно установленный текстъ. Именно съ послѣдней стороны болѣе всего и останавливаетъ на себѣ вниманіе разбираемая книга.

Предназначенное для цѣлей научнаго изслѣдованія, академическое изданіе переписки великаго поэта поставило своей цѣлью установленіе вѣрнаго, «каноническаго» пушкинскаго текста, бывшаго раньше обычной жертвой издательской небрежности и съ теченіемъ времени, когда умножилось количество «вольныхъ и невольныхъ» редакторскихъ грѣховъ и промаховъ, значительно отдалившагося отъ идеала. Редактируемое В. И. Саитовымъ собраніе писемъ Пушкина, первый томъ котораго обнимаетъ періодъ 1815—1826 гг., впервые даетъ возможно правильный пушкинскій текстъ, т.-е. воспроизводитъ письма въ такомъ видѣ, въ какомъ они вышли изъ-подъ пера поэта; всѣ они «были провѣрены по подлинникамъ или по фотографическимъ копіямъ, если только представлялась какая-либо возможность получить то или другое». Въ результатѣ получился настоящій пушкинскій текстъ, подчасъ очень мало похожій на ту искаженную сознательными поправками и непреднамѣренною небрежностью передачу, которая раньше выдавалась за подлиннаго «Пушкина». При сличеніи новаго изданія съ любымъ изъ прежнихъ эта разница сразу даетъ себя чувствовать; оказывается, что издатели, которыхъ еще можно оправдать въ непониманіи важности соблюденія орѳографіи и пунктуаціи Пушкина, посягали даже на его синтаксисъ, кое-гдѣ вставляя слова, кое-гдѣ отбрасывая, мѣняя порядокъ словъ. Примѣровъ не приводимъ, такъ какъ ихъ множество. Другая заслуга редактора состоитъ въ весьма удачномъ хронологическомъ расположеніи писемъ, прежде носившихъ произвольныя или перепутанныя даты, для чего нужно было хорошо знать какъ личную жизнь поэта, такъ и литературную и общественную исторію пушкинской эпохи При письмахъ помѣщены нѣкоторые сохранившіеся черновые наброски. Благодаря внесенію въ собраніе и писемъ *къ Пушкину*, прежде разсѣянныхъ во множествѣ разныхъ изданій, письма самого поэта сдѣлались во многихъ отношеніяхъ понятнѣе и удобочитаемѣе. Есть въ собраніи и цѣ-

лый рядъ новинокъ — писемъ какъ Пушкина, такъ и его корреспондентовъ, впервые появившихся въ академическомъ изданіи. Ново черновое письмо къ Вяземскому, изъ Одессы, 5 іюля 1824 г. (№ 85); въ немъ любопытно мнѣніе Пушкина о Вольтерѣ, какъ объ историкѣ, который «первый пошелъ по новой дорогѣ и внесъ свѣтильникъ философіи въ темные архивы исторіи». Очень интересно для характеристики пережитыхъ Пушкинымъ въ михайловской ссылкѣ настроеній и его тогдашнихъ занятій письмо его къ Вяземскому, 13 сентября 1825 г. (№ 208); поэтъ жалуется на литературные нравы, на отношеніе къ нему правительства и разсказываетъ о процессѣ созданія «Бориса Годунова». Объ одномъ романическомъ эпизодѣ михайловской жизни Пушкина повѣствуетъ письмо его, отъ начала мая 1826 г. (№ 251), къ Вяземскому, съ просьбою отправить въ Болдино («въ мою вотчину, гдѣ водятся курицы, пѣтухи и медвѣди») обольщенную поэтомъ дѣвушку. Среди новоопубликованныхъ писемъ къ Пушкину особенно замѣчательны шесть любовныхъ писемъ Анны Николаевны Вульфъ, его деревенской сосѣдки, бывшей предметомъ его слабаго и мимолетнаго увлеченія, и письма Вяземскаго (№№ 12, 15, 97, 284). Съ нетерпѣніемъ ждемъ продолженія этого прекраснаго изданія, замѣчательнаго и богатствомъ матеріаловъ, и высокими достоинствами редакціи.

Н. Лернеръ.

Алексѣй Ремизовъ. Посолонь. *Изданіе журнала «Золотое Руно». Москва. 1907 года. Стр. 78. Ц. 1 р.*

Любая историческая эпоха имѣетъ индивидуальную физіономію. Эта опредѣленная физіономія, своеобразно преломляясь въ разнообразныхъ отрасляхъ человѣческой дѣятельности, все же накладываетъ свой отпечатокъ въ сферѣ науки, искусства, религіи и общественныхъ отношеній. Разнообразныя литературныя группы одного и того же періода представляютъ собою нѣчто общее постольку, поскольку онѣ раздѣляютъ индивидуальную особенность эпохи. Такого рода индивидуализмъ есть индивидуализмъ коллективный. На границѣ двухъ индивидуально-коллективныхъ эпохъ въ сферѣ ихъ взаимнаго соприкосновенія часто развивается индивидуализмъ въ собственномъ смыслѣ, когда данная историческая эпоха проходитъ и не-

извѣстно, въ какія индивидуально - коллективныя формы отольется эпоха послѣдующая. Такъ возникаетъ бунтъ личности. Индивидуализмъ—только способъ оттолкнуться отъ стараго. Слѣдующая эпоха есть эпоха, когда въ глубинѣ индивидуальности открывается сверхъ-индивидуальное начало. Будетъ ли это сверхъ - индивидуальное начало метафизическимъ или религіознымъ, или оно окажется идеей грядущаго историческаго періода, это другой вопросъ. Но чѣмъ интенсивнѣе развивается индивидуализмъ, тѣмъ скорѣе возникаетъ вопросъ о преодолѣніи его.

Только что мы пережили эпоху индивидуализма въ искусствѣ. Теперь всюду въ сферѣ искусства возникаютъ школы, корни которыхъ убѣгаютъ въ индивидуализмъ, но которыя призваны начать новую эпоху.

Въ группѣ русскихъ писателей - индивидуалистовъ мы наблюдаемъ теперь дифференціацію. Распаденіе еще недавно соединенныхъ между собой писателей - индивидуалистовъ происходитъ въ зависимости отъ преодолѣнія индивидуализма въ ту или другую сторону. Сологубъ договаривается до абсолютнаго «*Я*». Но это «*Я*» напоминаетъ скорѣе сверхъ-индивидуальный субъектъ познанія. Мережковскій, Гиппіусъ строятъ мостъ отъ индивидуализма къ религіи. Брюсовъ становится классикомъ. Наконецъ существуютъ попытки найти въ глубочайшихъ переживаніяхъ современныхъ индивидуалистовъ связь съ миѳотворчествомъ народа. Индивидуальные образы народнаго творчества (миѳологія) оживаютъ вновь передъ ними, находятъ откликъ въ ихъ душѣ. Къ такимъ писателямъ принадлежитъ А. М. Ремизовъ. Въ первомъ его романѣ «*Прудъ*» мы находимъ еще сильное вліяніе Пшибышевскаго и Гамсуна. Но въ послѣдующихъ его разсказахъ и миніатюрахъ начинаютъ сквозить старинные образы славянской миѳологіи. Онъ воскрешаетъ старыя слова, старыя представленія. Но онъ вкладываетъ въ нихъ тотъ эзотеризмъ переживаній, который никогда не расцвѣлъ бы такъ пышно, если бы передъ нимъ не прошли мы періодъ чистаго индивидуализма. Въ глубинѣ своей личности находитъ онъ старыхъ боговъ. И вотъ русская природа начинаетъ говорить съ нимъ голосами старинными: «Ильинскій олень окунулъ рога въ рѣчкѣ, — стала вода холоднѣе», «долговязый Кузьма-Демьянъ, повязанный по-бабьи, пѣтухомъ

пѣтушится», «Шандырь-шептунъ» пускаетъ по вѣтру нашепты, куетъ кузнецъ вѣковой вѣнокъ, бродятъ по небу нагія бабы и т. д. «*Посолонь*»—собраніе миніатюръ, въ безукоризно-отточенной формѣ рисующихъ намъ приходъ Весны-Красны, Лѣта Краснаго, Осени Темной, Зимы Лютой. Здѣсь каждая фраза звучитъ чистотой необычайной, музыкой стихійной. Много стихійности въ творчествѣ Ремизова. Не удивительно, что стихіи смотрятъ на него многими ликами, говорятъ вѣдовскимъ нарѣчіемъ. Но эта стихійность всюду покорена властнымъ словомъ художника. Художникъ въ Ремизовѣ покоряетъ стихіи. Оттого-то всюду въ «*Посолони*» такая побѣда надъ формой. Каждая его миніатюра производитъ впечатлѣніе драгоцѣннаго камушка. *Камушекъ* искрится, переливается свѣтомъ—любо-весело! Но чѣмъ больше вглядываешься въ этотъ *камушекъ*, тѣмъ больше любуешься филигранной работой, начинаешь цѣнить подборъ фразъ, упиваешься ихъ музыкой, восхищаешься словами. Неологизмы тонко перемѣшаны съ хорошими, забытыми русскими словами. Нѣтъ той неуклюжести въ построеніи словъ, которая претитъ намъ даже у В. Иванова. Все у Ремизова легко, прозрачно, весело. Все улыбается будущимъ. Поблагодаримъ художника за цѣнный подарокъ русской словесности съ тѣмъ большимъ удовольствіемъ, что не часто приходится намъ благодарить молодыхъ писателей русскихъ.

Андрей Бѣлый.

Т. Шевченко. Кобзарь. *Видання „Общества имени Т. Г. Шевченка..." и т. д. (подъ ред. В. Доманицкаго). Спб. 1907. XVI+635 стр. Ц. 1 р. 50 к.*

Передъ нами первое полное изданіе «Кобзаря», не только безъ прежнихъ цензурныхъ пропусковъ, но дополненное еще вновь найденными произведеніями Шевченка. Для правильной и всесторонней оцѣнки великаго украинскаго поэта такая полнота изданія имѣетъ весьма существенное значеніе. Если цензурныя урѣзки и искаженія мѣшали въ свое время полной оцѣнкѣ поэтической дѣятельности Пушкина, то по отношенію къ Шевченку они шли гораздо дальше, лишая насъ возможности видѣть не только богатство его художественныхъ пріемовъ, но и его міросозерцаніе, въ особенности его соціально-политическіе взгляды.

Оригинальность и своеобразность Шевченка заключается въ тѣсномъ и гармоническомъ сочетаніи мощнаго поэтическаго таланта съ необыкновенно сильной народностью, которой, такъ сказать, насыщена его поэзія; трудно опредѣлить, гдѣ кончается у него народно-поэтическое начало и начинается личное, индивидуальное. Отъ этого даже тѣ литературныя вліянія, которыя испыталъ Шевченко, напримѣръ, со стороны Мицкевича, а отчасти — Пушкина и Лермонтова (вліянія эти по преимуществу отразились въ поэмахъ) не легко обнаруживаются; романтическій элементъ, идущій отъ этихъ вліяній, тѣснѣйшимъ образомъ сливается здѣсь съ элементомъ народно-поэтическимъ. Это народное начало поэтъ смѣло вноситъ даже въ библейскіе сюжеты и порою достигаетъ этимъ путемъ трогательной и величавой простоты (напр., въ поэмѣ «Марія»).

Другая особенность пѣвца Украйны—необыкновенно широкій діапазонъ его настроенія и разнообразіе мотивовъ. Отъ нѣжной мелодіи соловьиной пѣсни до страстнаго вопля измученной души, отъ примиряющей любви и смиренія до грозныхъ проклятій и упрековъ Богу, отъ дѣтской шутки до горькаго сарказма—въ такихъ предѣлахъ модулируется настроеніе поэта.

Что касается мотивовъ поэзіи Шевченка, то они представляютъ очень богатый матеріалъ, который ждетъ еще изученія. Не останавливаясь на тѣхъ болѣе или менѣе извѣстныхъ національныхъ мотивахъ, гдѣ поэтъ возсоздаетъ прошлое и настоящее своей родины, ея пѣсни и стоны, мы обращаемъ вниманіе на соціальный элементъ въ его творчествѣ, который придаетъ поэзіи Шевченка высокую общечеловѣческую цѣнность. Настоящій сынъ народа, выносившій въ себѣ его нужду и горе, Шевченко въ то же время прикосновененъ къ эпохѣ 40-хъ годовъ, обвѣянъ ея высокимъ идеализмомъ и, наконецъ, онъ—жертва правительственнаго режима той же эпохи. Эти условія имѣли преимущественное значеніе для его міросозерцанія. Гуманистъ въ широкомъ смыслѣ этого слова, Шевченко, прежде всего, защитникъ «униженныхъ и оскорбленныхъ», обездоленнаго люда, сиротства, опозореннаго материнства, безпомощнаго дѣтства. Нѣтъ правды на землѣ, она попрана сильными и богатыми — таковъ одинъ изъ главныхъ мотивовъ его поэзіи, и отъ кроткихъ словъ любви къ обиженнымъ,

поэтъ переходитъ къ словамъ «гнѣва и скорби», бичующимъ насиліе и произволъ; для него ненавистенъ деспотизмъ во всякомъ видѣ, будь это ветхозавѣтный царь Давидъ или Николай I, потому что «де нема святоі волі, не буде тамъ добра николі».

За деспотами идутъ богатые насильники, поработившіе меньшаго брата, всѣ тѣ, которые подъ общимъ именемъ «пановъ» живутъ на счетъ трудящагося народа; поэтъ безпощадно обрушивается на этихъ поработителей, и не разъ грознымъ пророчествомъ звучитъ его стихъ.

Шевченко — поэтъ демократическій, въ истинномъ смыслѣ этого слова. Его муза тоскуетъ среди городскихъ громадъ, воздвигнутыхъ на народныхъ костяхъ, и зоветъ поэта «въ селища» къ простому трудовому народу; въ своихъ «Молитвахъ» поэтъ, посылая проклятія деспотамъ, призываетъ благословеніе на трудъ:

«Рабочим головам, рукам
На сій окраденій землі
Свою Ти сілу ниспошли...»

И въ этихъ мотивахъ творчества, въ этой страстной тоскѣ о «святой правдѣ» поэтъ отражаетъ чисто народный общерусскій идеалъ «правды».

Этотъ общечеловѣческій элементъ въ поэзіи Шевченка, помимо ея художественной цѣнности, даетъ ей право на глубокій интересъ со стороны русскихъ читателей, которымъ хотя отчасти знакомъ малорусскій языкъ.

Остается пожалѣть, что въ этомъ превосходномъ изданіи нѣтъ хотя бы краткой біографіи Шевченка; жизнь «геніальнаго горемыки» такъ богата драматизмомъ, что сама по себѣ представляетъ интересъ, не говоря уже объ ея тѣсной связи съ творчествомъ поэта.

А. Калишевскій.

А. Мицкевичъ. Панъ Тадеушъ, поэма. *Переводъ съ польскаго Н. В. Берга. Изданіе второе (Л. Ф. Пантельева), безъ пропусковъ. Спб. 1907 г. Стр. XVI + 301. Цѣна 1 руб.*

Появленіе болѣе полнаго, свободнаго отъ пропусковъ и цензурныхъ сокращеній перевода знаменитой поэмы Мицкевича

нельзя, конечно, не привѣтствовать a priori. Несмотря на то, что эпоха, изображенная въ «Панѣ Тадеушѣ», далеко отошла отъ насъ, при чемъ и польскій, и русскій народъ такъ много испытали за этотъ промежутокъ времени, многія мѣста въ поэмѣ производятъ и теперь сильное, захватывающее впечатлѣніе, а какъ бытовая картина, она представляетъ собою нѣчто поразительно яркое, типичное и разнообразное. Грустно думать, что до послѣдняго времени польскія изданія «Тадеуша», выходившія въ предѣлахъ Россіи,—возьмемъ хотя бы юбилейное изданіе сочиненій Мицкевича (Wydanie Jubileuszowe, Warszawa, 1897),—являлись далеко не полными, такъ какъ въ нихъ не было многихъ мѣстъ, особенно сильныхъ, пламенныхъ или рѣзкихъ, которыя мы находимъ въ дополненномъ русскомъ переводѣ поэмы, тогда какъ раньше они находились подъ цензурнымъ запретомъ. Жаль только, что переводъ Н. В. Берга, въ иныхъ своихъ частяхъ вполнѣ удовлетворительный, не блещетъ поэтическими красотами, не отличается изяществомъ и тонкою отдѣлкою слога и поэтому даетъ только приблизительное понятіе о достоинствахъ подлинника. Попадаются — и довольно часто—тяжелыя, неудачныя, звучащія не по-русски или носящія архаическую окраску выраженія, напр.: «какъ враны на часахъ», «къ зеленымъ Нѣмана и Виліи брегамъ», «вслѣдъ за хозяиномъ все рушилося съ поля», «звонками брякая, влекутся изъ дубровы», «вертнуть своимъ носкомъ», «онъ былъ звонкоголосъ и человѣкъ живой», «всадникъ нашъ охоту узиралъ», «вся элеганція, кто только побогаче», «на рамена могучи», «торопко глядящіе во тьму», «ждутъ, чтобъ заурчала въ котлѣ заранѣе налитая вода», «озвался ключникъ тутъ», и т. п. Очень непріятное впечатлѣніе производитъ частая перестановка ударенія въ отдѣльныхъ словахъ, совершаемая переводчикомъ вполнѣ произвольно, въ угоду риѳмѣ или размѣру: «позàди», «òконныя щели», «изъ одного лукà», «дèржащій», «на похорòнахъ», «òбвилъ», «отъ своихъ заповѣдныхъ жилищей», «ỳлитый», «сòбралъ», «къ вèснѣ» и т. п. Въ иныхъ случаяхъ переводчикомъ оставлены безъ перевода польскія выраженія, которыя являются совершенно неумѣстными среди русской рѣчи: «его крулевской мости», «віписци дьябли», «жидиско», «всякіе псу-браты»... Еще хуже то, что во многихъ

мѣстахъ переводъ является очень вольнымъ, кое-гдѣ пропущено по 2—3 строки сряду, или прибавлено то, чего нѣтъ въ подлинникѣ. Попадаются и ошибки, — напр., «miasto Czestochow» переводчикъ передалъ черезъ «*мѣсто* Ченстоховъ»... Нельзя не пожелать, чтобы поэма Мицкевича дождалось со временемъ новаго перевода.

Ю. Весселовскій.

В. Саводникъ. Очерки по исторіи русской литературы XIX в. *Часть 1-я. Изд. 3-е. Ц. 1 р. 35 к. М. 1907 г. Стр. IV + 404.*

Книга г. Саводника при первомъ появленіи своемъ въ прошломъ году была встрѣчена благопріятными отзывами печати. Назначенная служить учебнымъ руководствомъ или пособіемъ при самостоятельныхъ занятіяхъ, она выгодно отличалась отъ общепринятыхъ учебниковъ объективностью тона, содержательностью, ясностью изложенія и удачностью литературныхъ характеристикъ. Въ упрекъ ей можно было поставить чрезмѣрную иногда осторожность въ указаніяхъ на тѣневыя стороны литературы и жизни, а также замалчиваніе связи между художественной литературой и тѣми умственными и общественными теченіями, на почвѣ которыхъ она возникла.

Въ новомъ изданіи послѣдній недостатокъ сглаженъ: прибавлено двѣ главы, одна изъ которыхъ даетъ сжатый очеркъ умственныхъ и политическихъ идей, господствовавшихъ въ русскомъ обществѣ въ первой половинѣ XIX в., а вторая слѣдитъ за развитіемъ критической литературы, всего подробнѣе останавливаясь на дѣятельности Бѣлинскаго. Эти главы, конечно, не приводятъ всего матеріала книги въ связь съ общественной атмосферой, но тѣмъ не менѣе составляютъ существенное улучшеніе книги; обѣ онѣ написаны свойственнымъ автору умѣреннымъ и суховатымъ тономъ, но вполнѣ объективно, серьезно и содержательно. — Въ общемъ книга несомнѣнно полезная и нужная. Отмѣтимъ, какъ наиболѣе цѣнную, главу о Пушкинѣ, живую и обстоятельную; она занимаетъ четвертую часть книги.

А. Е. Грузинскій.

Ивановъ-Разумникъ. Исторія русской общественной мысли. Индивидуализмъ и мѣщанство въ русской литературѣ и жизни XIX вѣка. *Спб. 1906. 2 тома. Стр. 328 и 494. Ц. 3 р.*

Трудъ г. Иванова-Разумника представляетъ интересъ не какъ историко-критическое изслѣдованіе, каковымъ онъ является по своей внѣшней формѣ, а какъ попытка философскаго изслѣдованія столь популярнаго у насъ и — можетъ-быть, именно въ силу этого—весьма неопредѣленнаго понятія «интеллигенція». Вмѣстѣ съ тѣмъ книга г. Иванова-Разумника имѣетъ довольно существенное симптоматическое значеніе, какъ показатель того глубокаго и еще далеко невыяснившагося перелома, который переживаетъ въ настоящее время традиціонное философско-политическое міросозерцаніе русской интеллигенціи.

Г. Ивановъ-Разумникъ изображаетъ и толкуетъ всю исторію русской общественной мысли въ XIX в., какъ исторію борьбы индивидуализма противъ мѣщанства; при этомъ оба борющихся направленія понимаются не въ соціально-политическомъ, а въ этическомъ или культурно-философскомъ смыслѣ. «Мѣщанство» означаетъ «узость, плоскость и безличность». «сплоченную посредственность», консерватизмъ, въ смыслѣ традиціонной покорности мнѣніямъ господствующей толпы. Противоположное и враждебное ему направленіе «индивидуализма» означаетъ духовную оригинальность, стремленіе къ индивидуальному своеобразію и самостоятельности личности. Эти категоріи играютъ въ книгѣ г. Иванова-Разумника двоякую роль: съ одной стороны, онѣ служатъ ему объективными критеріями для опредѣленія историческаго понятія «интеллигенціи» и для характеристики дѣятельности послѣдней, смыслъ которой онъ видитъ именно въ этой борьбѣ индивидуализма противъ мѣщанства; съ другой стороны, эти же категоріи являются у автора субъективнымъ мѣриломъ оцѣнки различныхъ направленій и міровоззрѣній. Такая двойственность, незамѣчаемая самимъ авторомъ, невыгодно отражается на его работѣ, внося въ нее неясности и порождая недоумѣнія. Авторъ, повидимому, не уяснилъ себѣ, что его формулы даютъ совершенно своеобразное и субъективное освѣщеніе понятія интеллигенціи, такъ какъ онѣ основаны на нѣкоторыхъ по-

выхъ идеяхъ, чуждыхъ господствующему «интеллигентскому» міросозерцанію, и что поэтому онѣ не могутъ служить объективными признаками анализируемаго имъ явленія. Кромѣ этой главной неясности, имѣется еще иная: понятія «мѣщанства» и «индивидуализма» берутся то въ своемъ основномъ, чисто формальномъ значеніи, совмѣстимомъ съ любымъ содержаніемъ (оригинальность и самобытность, какъ и традиціонность и безличность, возможны, конечно, въ соединеніи съ любымъ міровоззрѣніемъ), то связываются съ совершенно опредѣленнымъ міросозерцаніемъ (именно, «прогрессивнымъ» въ политическомъ смыслѣ). Благодаря этому получаются, напр., такіе курьезы, что Бѣлинскій попадаетъ въ разрядъ «мѣщанъ» въ ту минуту, когда пишетъ «Бородинскую годовщину», или что Толстой признается «мѣщаниномъ», поскольку онъ проповѣдуетъ «личное самосовершенствованіе». Въ результатѣ вмѣсто объективной характеристики интеллигенціи или вмѣсто субъективной,—но цѣнной по новизнѣ точки зрѣнія—критики ея міровоззрѣнія авторъ даетъ часто совершенно фальшивыя и натянутыя объясненія, не подходящія ни подъ ту, ни подъ другую форму отношенія къ темѣ. Такимъ образомъ главный недостатокъ книги г. Иванова-Разумника сводится къ тому, что авторъ стремится дать апологію русской интеллигенціи, тогда какъ его собственные взгляды по существу вынуждаютъ его дать ея критику. Но именно въ этой двойственности разсматриваемая работа хорошо отражаетъ всю шаткость современнаго умственнаго состоянія, когда старыя истины еще почитаются, но уже утратили внутреннюю власть надъ умами, когда потребность въ перестройкѣ традиціоннаго этическаго и философскаго уклада мыслей уже ощущается, но высказывается еще робко и неувѣренно. Поэтому трудъ г. Иванова-Разумника, несмотря на отмѣченные его недостатки, быть-можетъ, не останется безъ вліянія. Кромѣ того, отдѣльныя мѣста въ немъ написаны безспорно талантливо, иногда даже съ рѣдкой вдумчивостью, и читатель, ищущій не готовыхъ выводовъ, а матеріала для размышленій, найдетъ въ немъ, несомнѣнно, много поучительнаго и будящаго мысль.

С. Франкъ.

Проф. П. В. Знаменскій. Полемика 60-хъ годовъ объ отношеніи православія къ современной жизни (А. М. Бухаревъ). *Православіе и современная жизнь. Изд. „Свободная Совѣсть". М. 1906. 87 стр. Цѣна 30 коп.*

Всякій подъемъ общественно-политической жизни въ Россіи сопровождается переоцѣнкой прежнихъ цѣнностей и въ томъ числѣ критическимъ отношеніемъ къ вопросамъ вѣры, религіи, религіозной обрядности и пр. Шестидесятые годы были въ этомъ отношеніи не исключеніемъ изъ правила. Благодаря перу въ особенности Добролюбова и Антоновича, многіе вопросы въ этой области получили свое настоящее освѣщеніе, которое донельзя волновало круги духовной бюрократіи и изувѣрствовавшую часть общества. Особенно опаснымъ врагомъ государственной и полицейской церковности всегда, разумѣется, являлись отцы Григоріи Петровы, искушенные во всѣхъ премудростяхъ своего противника и умѣвшіе бить его его же собственнымъ оружіемъ. Въ ту эпоху однимъ изъ такихъ Петровыхъ былъ архимандритъ Ѳедоръ Бухаревъ, монахъ по духу, человѣкъ идеи и пламенной непоколебимой вѣры, хорошо понимавшій ложь и лицемѣріе своихъ коллегъ малаго и большого чина. Разумѣется, на него накинулись разъяренные псы въ родѣ пресловутаго Аскоченскаго, издателя-редактора изувѣрствовавшей и доносившей „Домашней Бесѣды", типичнаго, по современной терминологіи, органа черносотенцевъ. Полемика велась очень зло и оживленно, пока Бухаревъ не сложилъ съ себя священническій санъ и не сдѣлался простымъ міряниномъ. Проф. Знаменскій, извѣстный историкъ нашей церкви, нарисовалъ фигуры двухъ противниковъ очень недурно, несмотря на свое явное несочувствіе къ передовымъ элементамъ эпохи шестидесятыхъ годовъ, позволяющее ему даже утверждать то, что уже недопустимо вообще для историка: указывать на нравственную распущенность этихъ элементовъ, которая, если и констатировалась когда-либо, то исключительно Катковымъ и его соратниками. Брошюра прочтется съ интересомъ всякимъ, кто интересуется этой стороной все еще мало разработанной исторіи шестидесятыхъ годовъ.

Мих. Лемке.

Искусство.

Полное собраніе писемъ М. И. Глинки. *Томъ I. Собралъ и издалъ Ник. Финдейзенъ, Спб. 1907. Стр. 276 (безъ указанія цѣны).*

До сихъ поръ существовало въ печати лишь единственное собраніе писемъ М. И. Глинки, изданное въ 1887 г. подъ редакціей В. В. Стасова въ одной книгѣ съ «Записками» Глинки. Но это собраніе, включавшее 86 писемъ Глинки, было далеко не полное; въ немъ отсутствовала даже такая важная для біографіи Глинки переписка, какъ письма къ Ширкову, составителю и автору значительной части либретто «Руслана и Людмилы». Теперь, благодаря содѣйствію грузинскаго музыкальнаго дѣятеля М. А. Баланчивадзе, явилась возможность издать первое дѣйствительно полное собраніе писемъ Глинки. Издателемъ-редакторомъ этого изданія является Н. Ф. Финдейзенъ, редакторъ-издатель «Русской Музыкальной Газеты», которому «Глинкіана» обязана уже нѣсколькими солидными трудами, между прочимъ, началомъ большой біографіи Глинки, каталогомъ нотныхъ рукописей, писемъ и портретовъ Глинки, хранящихся въ Императорской Публичной библіотекѣ, и друг. Кромѣ 86 указанныхъ выше писемъ и 50 другихъ, ранѣе напечатанныхъ, собраніе Финдейзена включаетъ 220 писемъ, впервые появляющихся въ печати (къ Ширкову, матери композитора, его сестрамъ, зятю Флери, М. Кржисевичъ, В. и Д. Стасовымъ и друг.); всего же въ него должно войти около 350 писемъ. Первый, уже вышедшій изъ печати томъ, охватываетъ періодъ отъ окончанія Глинкой Благороднаго пансіона до возвращенія его изъ Испаніи (1822—1847 гг.).

Новыя письма Глинки не даютъ неизвѣстныхъ доселѣ капитальныхъ данныхъ о Глинкѣ, но все же содержатъ немало интересныхъ новыхъ подробностей какъ о его жизни, такъ и о творчествѣ. Онѣ подтверждаютъ мнѣніе о Глинкѣ, какъ о человѣкѣ добромъ, но слабохарактерномъ, всегда нуждавшемся въ посторонней опекѣ, интересы котораго рѣдко подымались до высоты передовыхъ теченій времени. Въ этомъ отношеніи не лишена мѣткости шуточная эпитафія Глинки, сочиненная какъ-то однимъ изъ его пріятелей и начинавшаяся словами: «Любилъ онъ музыку и юбки». Зато письма Глинки, какъ и

его «Записки», лишены рисовки, отличаются своеобразной мѣткостью музыкальныхъ сужденій и подтверждаютъ взглядъ на Глинку, какъ на геніальнаго представителя творчества непосредственнаго, наивнаго, мало склоннаго къ рефлексіи.

Въ новыхъ письмахъ Глинки находимъ, между прочимъ, любопытныя указанія на то, что авторъ «Руслана» вмѣстѣ съ этимъ произведеніемъ не такъ уже безповоротно повернулъ на путь національной русской оперы, какъ это можно было думать раньше. Еще въ январѣ 1845 г. онъ изъ Парижа писалъ матери: «Писать для здѣшнихъ театровъ не вижу возможности... Живя за границей, я болѣе и болѣе убѣждаюсь въ томъ, что я душою русскій и мнѣ трудно поддѣлаться подъ чужой ладъ». Но черезъ мѣсяцъ онъ пишетъ оттуда же сестрѣ: «Я предполагаю написать оперу съ итальянскимъ текстомъ, но подожду, и для этого мнѣ необходима Испанія», а послѣ успѣха своего концерта въ Парижѣ въ письмѣ къ Флери онъ говоритъ: «Теперь на мнѣ нѣкоторымъ образомъ лежитъ обязанность работать для Европы, работая и для моего отечества». Изъ Парижа Глинка, какъ извѣстно, поѣхалъ въ Испанію, климатъ которой считалъ полезнымъ для своего слабаго здоровья; кромѣ того, онъ хотѣлъ изучать тамошніе напѣвы, потому что, писалъ онъ, «они сходны съ русскими и дадутъ мнѣ возможность приняться за новый большой трудъ». Изъ Испаніи (Гранады) Глинка писалъ матери въ 1846 г.: «Прилежно занимаюсь изученіемъ испанской музыки... Чтобы вполнѣ уразумѣть дѣло, учусь три раза въ недѣлю у перваго здѣшняго танцовальнаго учителя и работаю руками и ногами (Глинкѣ въ это время было 42 года). Вамъ это можетъ показаться странно, но здѣсь музыка и пляска неразлучны. Изученіе народной русской музыки въ моей молодости повело меня къ сочиненію «Жизни за Царя» и «Руслана». Надѣюсь, что и теперь не хлопочу понапрасну». Плодомъ этихъ «хлопотъ» и явились, какъ извѣстно, двѣ испанскія увертюры Глинки, написанныя имъ позднѣе, по прибытіи въ Россію. Независимо отъ біографическаго и музыкальнаго значенія, новыя письма Глинки представляютъ отчасти и общій интересъ; таковы страницы, рисующія черты тогдашнихъ нравовъ, описанія Парижа и особенно Испаніи и друг.

Ю. Энгель.

Историческій отдѣлъ.

Проф. С. Ѳ. Платоновъ. Московское правительство при первыхъ Романовыхъ. *Спб. 1906 г. Стр. 56. (Оттискъ изъ «Журн. Мин. Нар. Просв.» Ц. не обозначена).*

Выяснить путемъ пересмотра обстоятельствъ воцаренія и первоначальной практики династіи Романовыхъ, въ чьихъ рукахъ оказались судьбы московскаго общества послѣ пережитой имъ тяжелой смуты и изъ кого составилось московское правительство при новой династіи,—такова цѣль новаго труда проф. Платонова. Анализъ общественныхъ элементовъ, избравшихъ Михаила, пересмотръ преданія о данной имъ на себя ограничительной записи и изученіе правительственнаго круга, образовавшагося при новомъ царѣ — таково содержаніе этого труда. Изъ подробнаго разбора обстоятельствъ, при которыхъ избранъ былъ царь Михаилъ, авторъ приходитъ къ заключенію, что это избраніе было результатомъ соглашенія временнаго земскаго правительства и казачьей массы, остававшейся въ Москвѣ послѣ ея освобожденія отъ поляковъ. Боярство, «кн. Мстиславскій съ товарищи», какъ обозначали тогда боярскую думу, отсутствовало изъ Москвы при открытіи избирательнаго собора 1613 г. и вернулось въ столицу только послѣ избранія царя, такъ что не могло обусловить избранія составленной въ своихъ интересахъ записью. Въ дальнѣйшемъ рѣшительно опровергаются проф. Платоновымъ дошедшія до насъ извѣстія объ этой записи. Онъ дѣлитъ ихъ на двѣ группы. Одна—это свидѣтельства Татищева и иностранцевъ XVIII в.: Страленберга, Фокеродта и др. Эти извѣстія возникли изъ разговоровъ и воспоминаній о старинѣ, вызванныхъ политическими событіями текущей дѣйствительности, какую пришлось переживать людямъ 20-хъ и 30-хъ годовъ XVIII в. Очевидцы и участники реформы высшихъ государственныхъ учрежденій въ 20-хъ годахъ и попытки ограниченія верховной власти въ 1730 г. вспоминали по этимъ поводамъ прошлое, отыскивая въ немъ прецедентовъ, но вспоминали смутно, путали событія и распространяли на избраніе Михаила то, что знали объ избраніи Шуйскаго и Владислава. Въ такихъ кругахъ и сложилась легенда о Михаиловой записи, разсказанная затѣмъ иностранцами. Другую группу извѣстій представляютъ изъ себя два

свидѣтельства современниковъ Михаила. Одно находится въ принадлежащемъ неизвѣстному автору Псковскомъ сказаніи «О бѣдахъ и скорбѣхъ и напастѣхъ», въ которомъ мы читаемъ, что бояре «егда его (Михаила) на царство посадиша и къ ротѣ приведоша, еже отъ ихъ вельможска роду и болярска, аще и вина будетъ преступленію ихъ, не казнити ихъ, но разсылати въ затоки». Глубоко-простонародное воззрѣніе автора сказанія на ходъ политической жизни, незнаніе ея дѣйствительной обстановки, слѣпая ненависть къ сильнымъ міра—лишаютъ, по мнѣнію проф. Платонова, сказаніе значенія историческаго источника. Второе свидѣтельство—это извѣстный разсказъ Котошихина о томъ, какъ прежніе цари, въ томъ числѣ и Михаилъ, «давывали» письма «быть нежестокимъ и непалчивымъ, безъ суда и вины никого не казнити ни за что и т. д.», когда ихъ «обирали» на царство. Но этому разсказу проф. Платоновъ не вѣритъ, потому что Котошихинъ, «какъ во всемъ прочемъ былевомъ матеріалѣ, и здѣсь оказывается мало обстоятельнымъ и ненадежнымъ историкомъ» и лишь слегка и слишкомъ поверхностно касается излагаемаго факта. Такимъ образомъ при самомъ избраніи Михаилъ не могъ быть ограниченъ. Онъ не давалъ записи и впослѣдствіи, потому что очень скоро около него подобрался правительственный кругъ лицъ, куда вошли люди разныхъ политическихъ взглядовъ и гдѣ доминирующую роль играли и давали тонъ его родственники, такъ что въ этомъ кругу не могло возникнуть попытки ограниченія. Такой попытки не возникало и изъ среды земскаго собора. Уже до пріѣзда Филарета власть царя была ничѣмъ не стѣснена и съ пріѣздомъ Филарета ничего не измѣнилось въ составѣ и характерѣ московскаго правительственнаго круга.

Наиболѣе цѣнною частью очерка проф. Платонова намъ кажутся страницы, посвященныя выясненію состава правительства царя Михаила. Здѣсь изслѣдователь идетъ путемъ того необыкновенно тщательнаго, подчасъ микроскопическаго анализа источниковъ, въ которомъ проф. Платоновъ обладаетъ несравненнымъ мастерствомъ. Не можемъ сказать, чтобы опроверженіе извѣстій Псковскаго сказанія и Котошихина показалось намъ вполнѣ убѣдительнымъ. Слова Котошихина все же остаются загадочными. Не рѣшенъ вопросъ и о совпаденіи этихъ двухъ различныхъ, совершенно независимыхъ одинъ отъ

другого источниковъ, на нашъ взглядъ, знаменательномъ. Неужели случайно оба они говорятъ объ ограниченіи власти царя Михаила и въ значительной мѣрѣ одинаково обозначаютъ предѣлы этого ограниченія?

М. Богословскій.

Р. Г. Гаммеджъ. Исторія чартизма. *Переводъ съ англійскаго А. В. Погожевой. Изданіе книгоиздательства «Дѣло». Спб. 1907. Стр. VIII+506. Цѣна 2 руб.*

Сколько намъ извѣстно, на русскомъ языкѣ нѣтъ обстоятельной исторіи чартистскаго движенія, вслѣдствіе чего можно признать появленіе перевода книги Гаммеджа вполнѣ своевременнымъ. Книга Гаммеджа не представляетъ собою ученаго сочиненія, скорѣе ее можно назвать обработанными воспоминаніями современника и участника разсказываемыхъ въ ней событій. Авторъ справедливо замѣчаетъ въ предисловіи, что его «работа представляетъ скорѣе историческую хронику, чѣмъ оцѣнку событій, а также дѣятелей, принимавшихъ въ нихъ участіе». Исторія чартизма—тема крупнаго общественнаго интереса; крушеніе чартистской партіи—вопросъ высокой практической цѣны для дѣятельности той или другой политической партіи. Гаммеджъ даетъ подробный разсказъ внѣшняго характера о происхожденіи, расцвѣтѣ и гибели чартизма за 1838—1854 г.; изложеніе, сгруппированное въ четырнадцати главахъ, слѣдуетъ хронологическому порядку, что̀ заставляетъ автора обрывать отдѣльныя темы и возвращаться къ нимъ вновь, частью повторяться, частью оставлять читателя въ нѣкоторомъ недоумѣніи относительно подробностей. Любопытная въ цѣломъ, книга Гаммеджа мѣстами превращается какъ бы въ первоисточникъ, обильный перечисленіями именъ и фабрикъ. Въ общемъ изложеніе Гаммеджа доступно и просто, хотя, конечно, чтеніе его требуетъ элементарнаго знакомства съ исторіей Англіи XIX вѣка и вообще съ тою ролью, которая принадлежитъ въ Европѣ 1848-му году. Цѣль автора, по его собственнымъ словамъ,—«истина», но пониманіе этой исторической истины у него сводится не къ анализу сущности явленій, а къ правильности ихъ внѣшней формулировки и къ справедливости отзывовъ о дѣятельности лидеровъ чартизма,—справедливости въ смыслѣ безпартійности и строгаго безпристрастія. Соціальная подкладка всего движенія для автора очень ясна; онъ дѣлаетъ

немало цѣнныхъ замѣчаній объ ошибкахъ чартизма въ отношеніи его тактическихъ пріемовъ, но основная причина неуспѣха и гибели чартистской партіи, на сторонѣ которой всѣ его симпатіи, осталась ему непонятной. Всеобщее мужское избирательное право, тайная подача голосовъ, уничтоженіе избирательнаго ценза, равномѣрное распредѣленіе избирательныхъ правъ по округамъ, ежегодный парламентъ, вознагражденіе членовъ парламента,—вотъ и вся программа Всенародной Хартіи или Билля объ установленіи справедливаго представительства британскаго и ирландскаго народовъ въ палатѣ общинъ. Билль былъ предложенъ парламенту Фиргусомъ О'Конноромъ 10 апрѣля 1848 года, обсужденію подвергнутъ не былъ въ силу недоразумѣній съ подписями подъ петиціей, и, вопреки ожиданіямъ болѣе недальновидныхъ политиковъ, фактъ такого парламентскаго презрѣнія къ нуждамъ англійскаго народа въ части, лишенной избирательныхъ правъ, не вызвалъ активнаго выступленія рабочаго пролетаріата. По поводу такой программы не стоило произносить передъ рабочими рѣчей, построенныхъ на изреченіи: «За женъ и дѣтей мы будемъ бороться до ножей», или устраивать факельные митинги съ зажигательными надписями на знаменахъ и съ рѣчами, лишенными всякой сдержанности. Проходила ночь, исчезалъ чадъ митинга, и у рабочаго проваливалась всякая энергія въ борьбѣ за политическое право, за которымъ еще не видѣлось немедленнаго пріобрѣтенія жизненныхъ благъ. Съ большимъ интересомъ и вниманіемъ одолѣетъ толстую книгу Гаммеджа русскій читатель и вынесетъ изъ нея прежде всего прекрасный матеріалъ бытовой обстановки чартистскаго движенія. Переводъ не безъ нѣкоторыхъ шероховатостей, изданіе не безъ нѣкоторыхъ опечатокъ. Въ общемъ книга заслуживаетъ усиленной рекомендаціи.

В. Сторожевъ.

Генрихъ Эйкенъ. Исторія и система средневѣковаго міросозерцанія. *Перевелъ съ нѣмецкаго В. Н. Линдъ. Со вступительною статьею профессора И. М. Гревса С.-Петербургъ. 1907 г. цѣна 4 р. 50 к. Стр. XL+729.*

Книга Генриха Эйкена вышла въ свѣтъ въ 1887 году и только черезъ 20 лѣтъ послѣ своего появленія была переведена на русскій языкъ.

Признавая за книгой Эйкена важное научное значеніе и несомнѣнное право на вниманіе русскихъ читателей, нельзя, однако, удержаться отъ нѣкоторыхъ весьма существенныхъ возраженій противъ нея. Проф. Гревсъ въ своемъ предисловіи къ переводу, на основаніи анализа «двухъ главныхъ словъ, входящихъ въ заглавіе книги» — «средневѣковый» и «міросозерцаніе», показываетъ, что «первое изъ нихъ вообще устарѣло и стало безсодержательно, второе — нѣсколько узко понимается авторомъ». Въ этомъ упрекѣ, указывающемъ на основной недостатокъ книги, на несоотвѣтствіе между конкретной исторической дѣйствительностью, отраженіемъ которой она должна бы являться, и тѣмъ содержаніемъ, въ какое она вылилась, — нѣтъ ничего преувеличеннаго. Можно сказать, напротивъ, что слово средневѣковое міросозерцаніе понимается Эйкеномъ не нѣсколько, а слишкомъ узко. Въ сущности задачей Эйкена является «доказать, что оба съ равной силой выступающія стремленія средневѣковой Церкви къ отрицанію міра и къ власти надъ міромъ, повидимому, совершенно противоположныя по своей природѣ, и которыя, казалось бы, должны были взаимно исключать одно другое, были однозначащими по своей цѣли и сущности; что переходъ отъ міроотрицающаго ученія христіанства къ мірodержавной политикѣ папства долженъ былъ логически необходимо совершиться съ того момента, когда Церковь получила въ общемъ сознаніи значеніе священнаго спасительнаго учрежденія; что поэтому властное стремленіе средневѣковой іерархіи имѣло свою причину вовсе не въ произволѣ отдѣльныхъ личностей, а въ логикѣ самой религіозной системы». (III) Правда, Эйкенъ самъ указываетъ, что трудъ его вышелъ за предѣлы первоначально поставленной задачи, что задача его сдѣлалась шире. Но этотъ исходный пунктъ всего изслѣдованія наложилъ на него неизгладимую печать. Книга осталась изложеніемъ развитія средневѣковой католической идеи, а не характеристикой средневѣковаго міросозерцанія въ его цѣломъ. Читая Эйкена, не видишь и не слышишь ни средневѣковаго барона, ни рыцаря, ни горожанина, ни крестьянина, а слѣдишь за мыслями, возникшими въ головѣ монаха-аскета или схоластика-богослова. Всему населенію Западной Европы въ теченіе 10 вѣковъ приписываются, какъ основные и типичные, взгляды, типичные только для теорети-

ковъ богословія и людей, стоявшихъ на высотѣ тогдашняго образованія, т.-е. взгляды весьма и весьма ограниченнаго меньшинства. Поэтому въ книгѣ почти не нашлось мѣста для характеристики средневѣковыхъ сектантовъ и еретиковъ, для обрисовки народныхъ вѣрованій и суевѣрій, которыя, быть-можетъ, были жизненнѣе и типичнѣе, чѣмъ правовѣрная догматика Церкви. Католической идеѣ приписывается слишкомъ широкое творческое значеніе, и недостаточно указанъ тотъ отпоръ, который давала ей сама жизнь, и котораго не могли остановить пытки и костры инквизиціи. Попытка Эйкена съ отвлеченной точки зрѣнія освѣтить столь сложное явленіе, какимъ представляется средневѣковая дѣйствительность, доказываетъ лишній разъ, что нельзя вкладывать въ мертвыя неподвижныя рамки живое многообразіе жизни, хотя бы эти рамки и были абстрактными широкими схемами Гегелевской діалектики.

Лучше всего въ книгѣ главы III—VIII изъ третьей части. Здѣсь указанные недостатки въ значительной степени сглаживаются интересомъ собраннаго въ книгѣ матеріала, который говоритъ самъ за себя. Синтезъ христіанства съ культурами іудейской, греческой и римской, открывающій книгу Эйкена, сдѣланъ слишкомъ односторонне и абстрактно, а главы, говорящія объ отношеніи между папской и императорской властью, не представляютъ собою оригинальнаго изслѣдованія. Заключительная часть книги, характеризующая разложеніе средневѣковаго міросозерцанія, какъ его понимаетъ Эйкенъ, слишкомъ сжата и нѣсколько насильственно и натянуто приходитъ къ выясненію внутренней необходимости дѣятельности Лютера и реформаціи.

Н. Гольденвейзеръ.

Д-ръ Станиславъ Кутшеба, доцентъ Ягайлонскаго университета. Очеркъ исторіи государственнаго и общественнаго строя Польши. *Переводъ съ польскаго Ядвиги Пашковичъ. С.-Петербургъ. 1907. Стр. 287. Цѣна 1 руб. 50 коп.*

Настоящая книжка краковскаго историка Кутшебы представляетъ, несомнѣнно, лучшую, если не единственную удачную попытку изобразить основные этапы польскаго соціальнаго и политическаго развитія. Она даетъ полную и цѣльную

картину общественнаго строя Польши въ разныя эпохи существованія польскаго государства. Центръ тяжести книжки Кутшебы лежитъ какъ разъ въ описаніяхъ и характеристикахъ общественныхъ учрежденій. Вопросами развитія, выясненіемъ генезиса и эволюціи историческихъ явленій, авторъ мало занимается, а если и затрогиваетъ ихъ, то дѣлаетъ это далеко не всегда удачно. Онъ умалчиваетъ о надѣлавшемъ въ польской исторіографіи много шуму вопросѣ о возникновеніи польскаго государства, ни словомъ не проговаривается о причинахъ паденія Польши. Факторы роста шляхетскаго сословія съ XVI вѣка, хотя и указаны, но до такой степени несистематично, что читателю приходится самому вносить порядокъ и устанавливать главнѣйшія причины этого явленія. Не больше порядка и въ тѣхъ отдѣлахъ, гдѣ говорится о причинахъ анархіи и застоя въ періодъ «шляхетской республики» (стр. 170—175), о необходимости реформы во второй половинѣ XVIII вѣка (стр. 232—233). Иныя разсужденія автора о такихъ болѣе общихъ вопросахъ грѣшатъ не только хаотичностью, но прямо-таки наивностью: напримѣръ, пространное разсужденіе о заимствованіяхъ съ Запада, заканчивающееся словами: «такъ случилось и иначе случиться не могло» (стр. 79); то же самое можно сказать объ оцѣнкѣ реформъ конца XVIII столѣтія (стр. 284—285). Кутшеба не мастеръ выяснять и толковать, но зато онъ мастеръ характеризовать и систематизировать. Вводимая имъ схема подраздѣленія польской исторіи на періоды— самая удачная изъ всѣхъ, какія до сихъ поръ предлагались: первые три періода (кстати, мы дали бы имъ другія названія: «періодъ подготовки феодализма», «феодальный» и «разложенія феодализма») составляютъ польское средневѣковье (до половины XVI вѣка), четвертый періодъ «шляхетской республики»— это новая, пятый (конецъ XVIII вѣка)—начало новѣйшей исторіи Польши. Слишкомъ сжатой представляется намъ характеристика «вступительнаго періода», изображающая «родовой строй» славянъ до возникновенія польскаго государства: недостаетъ картины сельской общины, смѣнившей еще до X вѣка родовую общину (мы никакъ не можемъ согласиться съ авторомъ, будто понятіе объ общинѣ появляется въ Польшѣ лишь въ XIII вѣкѣ; а что такое «ополе»?). Весьма реально характеризуя процессъ феодализаціи польскаго общества и государ-

ства (стр. 14 — 20; 22 — 30) въ первомъ періодѣ, авторъ почему-то вдругъ замѣчаетъ: «Это было нѣчто въ родѣ феодальныхъ отношеній, хотя не совсѣмъ». Съ какой стати «не совсѣмъ»,—никакъ не поймешь. Слѣдующая дальше (стр. 31—74) картина общественнаго строя во второмъ періодѣ обладаетъ всѣми признаками, характерными для феодализма. Къ лучшимъ отдѣламъ книжки слѣдуетъ отнести характеристики перваго, второго и третьяго періодовъ. Читатель, мало-мальски знакомый съ исторіей другихъ европейскихъ обществъ, легко устранитъ недостатки и пополнитъ пробѣлы руководства. Такому читателю книжка Кутшебы можетъ оказать истинную пользу. Для неподготовленнаго читателя скорѣе пригодился бы «Очеркъ развитія государственнаго строя Польши» Елены Витковской. Судя по доброкачественности перевода труда Кутшебы, г-жа Пашковичъ съ полнымъ успѣхомъ могла бы перевести на русскій языкъ и этотъ небольшой учебникъ.

М. Кречмаръ.

Фюстель де Куланжъ. Исторія общественнаго строя древней Франціи. *Перев. подъ ред. проф. И. М. Гревса. Томъ IV. Аллодъ и сельское помѣстье въ меровингскую эпоху. XXVI+562. Ц. 3 р. 50 к. Спб. 1907. (Научно-историческая библіотека).*

Русская литература бѣдна крупными оригинальными изслѣдованіями о государствѣ и обществѣ ранняго средневѣковья. Она очень бѣдна даже соотвѣтствующими переводами. Безъ знанія иностранныхъ языковъ русскій не можетъ войти въ споръ между романистами и германистами, индивидуалистами и общинниками, теоріей расы и теоріей единой общеевропейской эволюціи, не можетъ познакомиться даже съ такими основоположными авторами, какъ Ротъ, Вайцъ, Зомъ, Гирке, Бруннеръ, Г. Маурерь, Гансенъ, Инама-Штернегъ, Лампрехтъ, Мейценъ, Гераръ, Вьолле, Флакъ, Кембль, Стебзъ, Мэтландъ, Сибомъ. Оттого нужно горячо привѣтствовать переводъ одной изъ крупнѣйшихъ работъ по раннему средневѣковью знаменитой книги Фюстеля. Выборъ сдѣланъ очень удачно. Шесть томовъ Фюстеля весьма важны не только какъ наиболѣе авторитетное изложеніе романистическихъ взглядовъ. Они чрезвычайно удобны для введенія въ самостоятельное изученіе трудной исторической эпохи. При всей своей строгости изложеніе от-

мѣчено сильнымъ литературнымъ талантомъ и удивительною ясностью мысли. Поучительны пріемы Фюстеля: постоянное стремленіе держаться какъ можно ближе къ источнику, систематическое разслѣдованіе точнаго смысла техническихъ терминовъ, смѣлое разрушеніе литературныхъ авторитетовъ во имя верховнаго авторитета источниковъ. Поучительно тяготѣніе къ соціологическимъ элементамъ историческаго изслѣдованія; въ предисловіи къ нашему тому исторія даже прямо отождествляется съ соціологіей. Поучительны самые недостатки Фюстеля. Историкъ, всего болѣе стремившійся къ точности, подвергался и подвергается упрекамъ въ парадоксальности, и, вѣроятно, даже горячіе поклонники согласятся съ тѣмъ, что строгость толкованія иногда превращается у Фюстеля въ натянутую буквальность толкованія. Принципіальный отказъ отъ пользованія поздними источниками отымаетъ возможность дѣлать Rückschlüsse, заключенія отъ извѣстнаго къ неизвѣстному, подчасъ необходимыя при изученіи столь слабо засвидѣтельствованной эпохи, какъ раннее средневѣковье.

Переводу предпослано воодушевленное предисловіе редактора, который сильными штрихами набрасываетъ основные выводы изслѣдованій Фюстеля о крупномъ помѣстьѣ и даетъ имъ чрезвычайно высокую оцѣнку. Къ сожалѣнію, проф. Гревсъ не указалъ съ достаточною ясностью, что его отношеніе къ Фюстелю вовсе не является преобладающимъ въ кругу медіевистовъ. Возможно, что проф. Гревсъ правъ, и что въ построеніяхъ Фюстеля надо видѣть ключъ къ основнымъ загадкамъ ранняго средневѣковья. Но большинство нѣмецкихъ, англійскихъ, русскихъ медіевистовъ не раздѣляетъ этого взгляда. И даже во Франціи школа Фюстеля встрѣчаетъ вліятельныхъ противниковъ.

Редакторъ перевода такой горячій поклонникъ Фюстеля, что въ переводѣ естественно ищешь благоговѣйнаго отношенія къ тексту французскаго историка. Я не нашелъ такого отношенія. Беру введеніе Фюстеля и сравниваю переводъ съ оригиналомъ. Въ переводѣ *совершенно пропущена* фраза. «Presque tout venait de la terre; presque tout se rapportait à elle». Зато въ предпослѣднемъ абзацѣ вставлены *лишнія* слова. Vie передается «соціальная жизнь». Это, правда, не мѣняетъ смысла. Но и смыслъ мѣняется, когда слова «si c'étaient les mêmes hommes qui posse-

daient et cultivaient» переданы такъ: «тѣ же лица *и группы* воздѣлывали землю, какія ею владѣли, какъ собственники». Есть и переводы отдѣльныхъ словъ, съ которыми нельзя согласиться: tenure — эксплуатація, leur conception de l'existence— общій строй ихъ жизни. Чтобы провѣрить себя, я сравнивалъ переводъ съ подлинникомъ для знаменитой V главы. И тамъ я нашелъ пропускъ. На стр. 208 пропущены двѣ фразы подлинника (172). На стр. 211 внесены въ переводъ лишнія слова (ср. подлинникъ 174) «благодаря ихъ стройности и цѣльности», не безразличныя для смысла. Довольно часто сильныя, сжатыя, строгія фразы Фюстеля безъ нужды выходятъ длинными, точно блѣднѣютъ и хирѣютъ. Это, конечно, мелочь, но Фюстель былъ великій стилистъ, и въ переводѣ хотѣлось бы видѣть вездѣ суровую, пуританскую красоту языка, о которой съ такою справедливою горячностью говоритъ въ своемъ предисловіи редакторъ.

Переводъ изданъ изящно. И все-таки онъ дорогъ для русскаго книжнаго рынка, дороже подлинника.

А. Савинъ.

Ч. Оманъ. Великое крестьянское возстаніе въ Англіи. *Переводъ съ англійскаго С. Г. Займовскаго. Товарищество „Міръ“. 124 стр. Москва, 1907 г. Ц. 50 к.*

Движеніе англійскихъ крестьянъ въ 1381 г. есть самое крупное крестьянское движеніе англійской исторіи. Оно захватило весьма значительную часть страны, сплотило на время большую часть крестьянскаго населенія. Повстанцы чуть было не стали господами положенія въ Лондонѣ, огнемъ и мечомъ расправились со своими высокопоставленными недругами, вынудили у короля большія, хотя и неискреннія, уступки. Временный успѣхъ повстанцевъ былъ больше успѣховъ нѣмецкаго революціоннаго крестьянства въ 1525 г. Уже эта яркость и напряженность движенія привлекаетъ къ себѣ. Пусть движеніе схлынуло такъ же быстро, какъ пришло, и не оставило по себѣ глубокихъ, длительныхъ слѣдовъ въ англійской деревнѣ, какъ не оставили ихъ по себѣ и нѣмецкіе повстанцы 1525 года. Именно эта порывистость, судорожность движенія и даетъ много драгоцѣнныхъ чертъ для массовой психологіи, въ частности для психологіи революціоннаго крестьянина. А потомъ

въ исторіи лѣтнихъ мѣсяцевъ 1381 года отразились не только эти, такъ сказать, надъ-историческія революціонныя настроенія, но и общественныя настроенія, характерныя спеціально для Англіи конца XIV вѣка. Въ программахъ и заявленіяхъ повстанцевъ встаетъ англійскій бытъ того времени и создаваемыя имъ представленія, вѣрованія, страхи, чаянія, порывы. Дни возстанія точно бенгальскимъ огнемъ освѣщаютъ политическіе, хозяйственные, религіозные порядки тогдашней Англіи. Изученіе возстанія прекрасно вводитъ въ англійскую жизнь поздняго средневѣковья и вскрываетъ ея главные узлы.

Русскіе только что пережили, если не самое интенсивное, то, конечно, самое экстенсивное аграрное движеніе европейской исторіи. Многіе все еще вѣрятъ, что мы не вышли изъ крестьянской революціи, что мы стоимъ у ея начала. Отсюда повышенный интересъ къ старымъ крестьянскимъ возстаніямъ, жажда сопоставленія, стремленіе воспользоваться историческимъ опытомъ другихъ странъ. Оттого небольшая книга оксфордскаго профессора Омана была переведена на русскій языкъ такъ скоро послѣ своего выхода въ свѣтъ (англійское предисловіе помѣчено 3 мая 1906). Русскимъ читателямъ, знакомымъ съ извѣстною диссертаціей профессора Петрушевскаго о возстаніи Уота Тайлера (т. I 1897 и т. II, 1901), книга Омана даетъ немного новаго и покажется элементарною. Оманъ работаетъ по первоисточникамъ, впрочемъ, въ значительной мѣрѣ собраннымъ другими учеными; но почему-то онъ не считаетъ нужнымъ давать систематическую критику источниковъ, безусловно необходимую для хроникъ. Какъ разсказъ о главныхъ эпизодахъ возстанія, книга подходитъ для большой публики, ибо опирается на источники и написана живо, хотя въ литературномъ отношеніи уступаетъ научно-популярному очерку Тревельяна въ его книгѣ «Англія въ эпоху Уиклифа» (1899), къ сожалѣнію, не переведенной на русскій языкъ. Переводчикъ знаетъ англійскій языкъ, но плохо подготовленъ для перевода работъ по средневѣковой исторіи. Онъ не справился съ такими простыми терминами, какъ township и copyholder; государственный архивъ (Record Office) превратился у него въ лѣтописный отдѣлъ. У очень многихъ англійскихъ графствъ есть два имени, длинное и короткое, напр.: Hampshire и Hants. Очень можетъ быть, что переводчикъ и знаетъ это. Но только ему никакъ не слѣ-

довало сбивать читателя и говорить въ одномъ мѣстѣ о «Гэмширѣ», въ другомъ о «Гэнтсѣ»; конечно. вездѣ надо было употреблять одно имя.

А. Савинъ.

Эллинская культура въ изложеніи Фр. Баумгартена, Фр. Поланда, Рих. Вагнера. *Пер. М. И. Бергъ подъ редакціей проф. Ѳ. Ф. Зѣлинскаго. Съ 7 хромолитографіями, 2 картами и 357 иллюстраціями въ текстѣ и на 2 таблицахъ. Спб. Изд. Брокгаузъ-Ефронъ. 1906. 5 вып. IV + 580 стр. 8⁰ (большого формата).*

Книга эта, вышедшая въ подлинникѣ въ концѣ 1905 г. и являющаяся произведеніемъ трехъ авторовъ, содержитъ, кромѣ «Введенія», касающагося «Земли и людей» (Поланда), «Языка и религіи» (Вагнера), описаніе культуры «Греческой древности», именно «Микенской эпохи» (Баумгартена), и затѣмъ, главнымъ образомъ, «Греческаго средневѣковья» и «Эпохи расцвѣта», при чемъ въ каждомъ изъ этихъ двухъ послѣднихъ періодовъ Поландъ взялъ на себя отдѣлъ государственной, частной и религіозной жизни, Баумгартенъ — изящныхъ искусствъ, а Вагнеръ—духовнаго развитія и письменности.

Въ Германіи «Эллинская культура» встрѣчена была очень сочувственно и имѣетъ большой успѣхъ. Она, правда, не отличается оригинальностью; но авторы и не имѣли въ виду пролить какой-либо новый свѣтъ на исторію греческой культуры. Это—хорошее научно-популярное пособіе: задачею авторовъ было представить результаты новѣйшихъ изслѣдованій въ доступной для каждаго образованнаго человѣка формѣ; среди расходящихся мнѣній они старались найти вѣрную середину и выбрать то, что казалось истиннымъ или наиболѣе правдоподобнымъ. При этомъ авторы обнаруживаютъ скорѣе консерватизмъ, нежели стремленіе къ новшествамъ,—напримѣръ, личность Ликурга признаютъ историческою, названіе класса зевгитовъ производятъ попрежнему отъ пары воловъ, которыми тѣ обрабатывали свои поля, и т. д. Грековъ въ научной литературѣ прежняго времени обыкновенно идеализировали; современная наука смотритъ на нихъ болѣе трезво, при чемъ иногда обнаруживается даже другая, противоположная крайность. Авторы «Эллинской культуры» стремятся «воздерживаться столько же отъ излишней идеализаціи», сколько и отъ «страстнаго осу-

жденія» (стр. 231); но все же у нихъ, особенно въ отдѣлѣ объ искусствахъ, преобладаетъ приподнятый тонъ, «высокій стиль», иногда отзывающійся риторикою. Пропорціональность въ изложеніи не всегда соблюдается надлежащимъ образомъ: отдѣлъ о государственной, частной и религіозной жизни изложенъ сравнительно кратче, нежели отдѣлъ объ искусствахъ; въ послѣднемъ чаще затрогиваются спорные вопросы и гипотезы. Есть тутъ и лишнія детали; напримѣръ, болѣе страницы убористаго шрифта (стр. 353) удѣлено характеристикѣ лошадей, изображенныхъ на фризѣ Парѳенона. Что касается подробностей относительно Микенской культуры, то онѣ не требуютъ оправданія (стр. 48); даже можно было бы желать еще болѣе подробнаго изложенія результатовъ новѣйшихъ раскопокъ на Критѣ. Вообще же хотѣлось бы больше подробностей относительно быта, частной и общественной жизни. Въ политическомъ отдѣлѣ есть нѣсколько замѣтныхъ пробѣловъ; напримѣръ, не указано характерное поземельное устройство въ Лаконіи. Внутренняя связь между разными сторонами исторической жизни грековъ, между перемѣнами въ разныхъ ея сферахъ, отмѣчена недостаточно ярко.

Въ книгѣ такого рода, какъ «Эллинская культура», чрезвычайно важны иллюстраціи, и эта сторона въ данномъ случаѣ безупречна: рисунки многочисленны, прекрасно исполнены, заимствованы нерѣдко изъ дорогихъ изданій. Русское изданіе съ внѣшней стороны хорошо, хотя и не такъ изящно, какъ подлинникъ. Что касается перевода, то за достоинство его ручается самое имя его редактора, проф. Ѳ. Ф. Зѣлинскаго. Но мы были бы противъ того, чтобы вносить въ текстъ добавленія; напримѣръ, на стр. 432 по поводу Аполлона Бельведерскаго приводятся цитаты изъ Пушкина и Майкова; какъ онѣ ни хороши, но въ нѣмецкомъ оригиналѣ ихъ, конечно, нѣтъ, и лучше было бы отнести ихъ въ примѣчаніе. Есть кое-гдѣ неточности, которыя, надѣемся, будутъ устранены при второмъ изданіи.

Въ такомъ пособіи, какъ «Эллинская культура» Баумгартена, Поланда и Вагнера, ощущалась нужда даже въ богатой нѣмецкой литературѣ, не говоря уже о нашей. Книга эта удовлетворяетъ главнымъ требованіямъ, какія могутъ быть предъявлены къ подобнаго рода произведеніямъ: она стоитъ на

уровнѣ современной науки, изложена доступно, прекрасно иллюстрирована и вообще является весьма полезнымъ пособіемъ.

В. Бузескулъ.

Экономическій отдѣлъ.

Проф. В. А. Косинскій. Къ аграрному вопросу. *Вып. 1. Крестьянское и помѣщичье хозяйство. Одесса. 1906 XIV+532.*

Настоящее произведеніе посвящено изученію „технико-экономической природы крестьянскаго (некапиталистическаго) и помѣщичьяго (капиталистическаго) хозяйства». Установивъ различіе между этими двумя типами хозяйствъ и выяснивъ, что крестьянское хозяйство сравнительно съ капиталистическимъ можетъ вестись болѣе интенсивно и способно выносить болѣе высокія цѣны на землю, авторъ приходитъ къ заключенію, что въ технико-экономической природѣ крестьянскаго хозяйства нѣтъ силъ, «которыя влекли бы его къ разоренію», а потому «передвигая землю въ руки трудящихся массъ, мы дѣйствуемъ въ полномъ согласіи съ законами развитія жизни, а слѣдовательно, и въ интересахъ всего общества». Изъ этихъ заключеній, кратко намѣченныхъ г. Косинскимъ въ предисловіи къ его труду, уже видно, какого серьезнаго и жгучаго вопроса нашей жизни касается изслѣдованіе г. Косинскаго, и какое крупное значеніе должно имѣть строго-научное обоснованіе положенія, о переводѣ земли въ руки трудящихся. И нужно сказать, что г. Косинскій дѣйствительно строго-научно обосновываетъ свой выводъ и установляетъ въ связи съ нимъ цѣлый рядъ весьма существенныхъ положеній, что̀ и придаетъ его труду довольно обширные размѣры. Къ сожалѣнію, при общемъ единствѣ мысли, связывающей всѣ части труда въ одно цѣлое, недостаточно установлено внѣшнее единство, и различныя главы труда имѣютъ далеко не одинаковое значеніе. Изъ всего числа 11-ти главъ наибольшее значеніе имѣютъ главы III — IX включительно, весьма убѣдительно устанавливающія различія между капиталистическими и некапиталистическими хозяйствами. Установивъ положеніе, что для крестьянина земля имѣетъ значеніе, какъ средство приложенія его труда, и потому для него чистый доходъ составляетъ не только

та часть дохода, изъ которой черпается прибыль и земельная рента, но и та часть продукта, которая приравнивается къ заработной платѣ, авторъ логически приходитъ отсюда къ выводу, что крестьянское хозяйство будетъ вестись съ выгодой и тогда, когда оно даетъ крестьянину не менѣе того, что онъ получилъ бы, прилагая свой трудъ въ чужомъ хозяйствѣ за обычную заработную плату. А въ такомъ случаѣ крестьянинъ найдетъ выгоднымъ обрабатывать и такіе участки земли, которые не даютъ капиталисту прибыли; точно такъ же онъ найдетъ выгоднымъ прилагать улучшенія и тогда, когда капиталистъ не станетъ ихъ дѣлать за отсутствіемъ обычной прибыли. Соотвѣтственно со всѣмъ этимъ крестьянинъ можетъ платить болѣе высокую арендную плату и болѣе высокую цѣну за землю. Два послѣдніе приведенные вывода провѣряются авторомъ на данныхъ, взятыхъ изъ жизни. По отношенію къ арендной платѣ авторъ беретъ статистическіе матеріалы, касающіеся Полтавской и частью Херсонской губерній. На этихъ матеріалахъ г. Косинскій повторяетъ установленный дедуктивно выводъ, что въ арендной платѣ за землю нашъ крестьянинъ уплачиваетъ землевладѣльцу ренту и прибыль, извлекаемую не только съ арендуемаго участка, но и съ того надѣльнаго, на которомъ крестьянинъ не могъ бы вести хозяйства, если бы не пріарендовалъ къ нему. Эта *возможность* для крестьянина платить такую высокую арендную плату вытекаетъ именно изъ того свойства некапиталистическаго предпріятія, что оно не гонится за прибылью; *необходимость* же платить ее обусловливается малоземельемъ. Отмѣченнымъ свойствомъ некапиталистическаго предпріятія обусловливается и *возможность* платить за землю ту высокую цѣну, которую платитъ русскій крестьянинъ при посредствѣ Крестьянскаго Банка. На основаніи этого г. Косинскій не находитъ возможнымъ вполнѣ присоединиться къ обвиненіямъ Крестьянскаго Банка въ томъ, что онъ способствуетъ подъему цѣнъ на земли. Намъ думается, что въ этомъ случаѣ г. Косинскій придаетъ недостаточное значеніе той *необходимости*, которая заставляетъ крестьянина платить эти высокія цѣны. А между тѣмъ самъ же г. Косинскій отмѣчаетъ, что Крестьянскій Банкъ, производя оцѣнку земли по арендной платѣ, капитализируетъ доходъ, добытый крестьяниномъ на его собственномъ участкѣ и передаваемый

землевладѣльцу вслѣдствіе крайне тяжелыхъ условій малоземелья, при чемъ весь смыслъ чрезмѣрныхъ цѣнъ и оцѣнокъ при покупкѣ крестьянами земли заключается въ выкупѣ ими при этомъ и собственной земли, экспропріированной крупнымъ землевладѣніемъ (стр. 331). Достаточно, по нашему мнѣнію, этого утвержденія, чтобы уже затѣмъ все, что сказано г. Косинскимъ какъ бы въ нѣкоторое оправданіе оцѣнокъ Крестьянскаго банка потеряло всякое значеніе. Нельзя не отмѣтить и нѣкоторые другіе недостатки труда г. Косинскаго, какъ, напр., стремленіе устранить обычно принимаемое различеніе капитала и силъ природы по отношенію къ тѣмъ свойствамъ земли, которыя не созданы трудомъ (стр. 127) или, наоборотъ, отнесеніе къ силамъ природы того, что вложено въ землю трудомъ (стр. 131); отсюда у автора вытекаетъ и такое заключеніе, согласно которому часть земельной ренты поступаетъ фермеру-арендатору (146—7), тогда какъ дѣйствительность намъ говоритъ совсѣмъ другое, а именно, что не фермеръ-арендаторъ получаетъ часть земельной ренты, а, напротивъ, землевладѣлецъ съ теченіемъ времени присвоиваетъ себѣ какъ ренту тотъ доходъ съ земли, который обусловливается улучшеніями, вложенными въ землю арендаторомъ. Недостатки эти вытекаютъ, однако, не изъ смѣшенія авторомъ понятій капитала и силъ природы, а изъ стремленія его объяснить все разнообразіе изслѣдуемыхъ явленій, исходя изъ опредѣленнаго основного положенія, примѣняемаго такъ сказать прямолинейно, безъ внесенія поправокъ, требуемыхъ дѣйствительностью. Не могу не указать также, что при отсутствіи безспорнаго признанія со стороны экономистовъ и агрономовъ такъ называемаго закона уменьшающагося плодородія, автору, признающему этотъ законъ закономъ природы, не слѣдовало бы въ качествѣ экономиста выступать съ такими пріемами самостоятельнаго доказательства этого закона, которые со стороны экономиста, не авторитетнаго въ вопросахъ естествознанія, ни для кого неубѣдительны.

Въ заключеніе считаю долгомъ еще разъ отмѣтить, что, несмотря на указанные недостатки, трудъ г. Косинскаго имѣетъ высокое научное значеніе по строгой обоснованности коренныхъ положеній, по многоразличію и правильности выводимыхъ заключеній и въ приложеніи ихъ къ такому объяс-

нію существеннѣйшихъ явленій нашей жизни, которое имѣетъ крупное практическое значеніе. Все это тѣмъ болѣе важно, что г. Косинскій сумѣлъ сохранить строго научное безпристрастіе на всемъ протяженіи своего труда, а это, въ связи съ содержаніемъ и характеромъ всего изслѣдованія, отводитъ ему мѣсто среди тѣхъ произведеній, которыя вносятъ въ науку много существеннаго и новаго.

Н. Каблуковъ.

Новыя изданія по земской статистикѣ. *Московская губернія по мѣстному обслѣдованію 1898—1900 г. Томъ IV. Земледѣльческое хозяйство и промыслы крестьянскаго населенія. Выпускъ I. Земледѣльческое хозяйство.* Москва, 1907.

Псковская губернія. (Сводъ данныхъ оцѣн. статист. изслѣд.). Томъ IV. Выпускъ I. Территорія, населеніе, землевладѣніе. Псковъ, 1907.

Псковская губ. (Сводъ данныхъ оцѣн. стат. изсл.). Томъ II. Новоторжскій уѣздъ. Крупное частновлад. хозяйство. Псковъ, 1907.

Н. М. Кисляковъ. Раздѣлъ общинныхъ земель въ Холмскомъ уѣздѣ Псковской губ. Изд. Псковского губ. земства. Псковъ, 1907.

Новая публикація статистическаго отдѣленія Московской губернской земской управы представляетъ собою обширную текстовую разработку матеріаловъ, написанную новымъ завѣдующимъ П. А. Вихляевымъ. Авторъ давно уже составилъ себѣ крупное имя въ области научныхъ изслѣдованій по русской хозяйственной статистикѣ. Новая книга изобилуетъ интересными фактами и выводами, о которыхъ въ предѣлахъ небольшой замѣтки, конечно, трудно дать надлежащее представленіе.

Программа трехъ первыхъ отдѣловъ въ общемъ соотвѣтствуетъ той программѣ, которую пишущій эти строки издавна предлагаетъ для характеристики факторовъ сельско-хозяйственнаго производства въ отдѣльной мѣстности (по той же программѣ въ 1897 г. П. А. Вихляевъ далъ характеристику крестьянскаго сельскаго хозяйства въ Тверской губерніи).

Болѣе половины площади Московской губерніи ($55,_8\%$) входитъ въ составъ крестьянскихъ надѣловъ. Частное землевладѣ-

ніе занимаетъ 36,$_2$% площади губерніи; средній размѣръ частнаго владѣнія 116 десятинъ; въ площади частнаго владѣнія крупное свыше 1000 дес., въ свою очередь, занимаетъ 36,$_5$%; мелкому владѣнію принадлежитъ лишь 11,$_1$%, стало-быть, болѣе половины площади частнаго владѣнія относится къ группѣ такъ называемаго средняго владѣнія отъ 100 до 1000 десятинъ.

Почти треть (32,$_1$%) крестьянскихъ общинъ имѣетъ земли, черезполосныя съ землями другихъ владѣльцевъ. Количество надѣльной земли на приписную мужскую душу 2,$_{39}$ десятины; это количество на 25% меньше, чѣмъ то, которое приходилось въ 1858 году. Въ составѣ приписного населенія безнадѣльныя семьи по переписи 1898—1900 показали 18,$_5$%. На одну надѣльную семью приходится 7,$_9$ дес. (отъ 11,$_2$ въ Дмитровскомъ уѣздѣ до 5,$_3$ дес. въ Бронницкомъ).

Число безхозяйныхъ или не обрабатывающихъ надѣла опредѣляется въ 12% общаго числа крестьянскихъ семействъ; намъ кажется, что этотъ процентъ было бы правильнѣе опредѣлять къ числу только надѣльныхъ семействъ, и тогда онъ получитъ величину 14,$_8$%; интересно, что этотъ послѣдній процентъ совершенно совпадаетъ съ тѣмъ, который получается изъ данныхъ, собранныхъ въ 1883 г. В. И. Орловымъ при помощи волостныхъ правленій [1]). За 16 лѣтъ процентъ безхозяйныхъ въ Московской губерніи не увеличился, если брать долю надѣльнаго населенія (въ 1877—78 гг. такой же процентъ былъ выше 16,$_7$%). Если же брать всѣ семьи, не ведущія земледѣльческаго хозяйства, то ихъ доля въ крестьянскомъ населеніи 1898—1900 гг. 30,$_3$%, а въ 1877—81 гг. была 26,$_6$%. Московскій уѣздъ представляетъ исключеніе: въ немъ съ несомнѣнностью констатирована обратная тяга въ деревню за послѣднія 2 десятилѣтія XIX вѣка. Количество земли на одинъ хозяйствующій дворъ 9,$_3$ дес. на 14% менѣе, чѣмъ въ 1877—81 гг. Увеличеніе этого количества отмѣчено лишь для Рузскаго уѣзда, который какъ бы «вступилъ въ стадію обезлюденія деревни». Купчая крестьянская земля въ Московской губерніи составляетъ только 7,$_8$% по отношенію къ надѣльной площади; арендуемая крестьянами внѣнадѣльная земля не достигаетъ

[1]) Сравненій съ данными 1883 г. въ текстѣ П. А. Вихляева мы не встрѣтили.

четверти ($23,_6$%) удобной площади надѣловъ. Общій размѣръ крестьянскаго землепользованія составляетъ въ среднемъ на хозяйствующій дворъ $12,_{27}$ дес. (на наличный $10,_{52}$ дес., на приписной $6,_5$ дес.).

Средній размѣръ приписной крестьянской семьи $5,_{64}$ душъ, наличной $6,_{22}$, отсутствующей $3,_{18}$ душъ. Къ найму батраковъ прибѣгаетъ только 4% общаго числа наличныхъ семействъ. Грамотность населенія затронута текстомъ лишь для трехъ уѣздовъ: Московскаго, Бронницкаго и Волоколамскаго; во всѣхъ этихъ уѣздахъ мужская грамотность возрастаетъ совершенно правильно съ увеличеніемъ земельнаго надѣла (по шести группамъ, изъ которыхъ одна безъ надѣла); это совпадаетъ съ выводами, которые дѣлалъ В. И. Анисимовъ въ «Русскомъ Богатствѣ» за 1898 г.

Не имѣя возможности остановиться на любопытныхъ данныхъ, касающихся построекъ, скота, посѣвовъ и продовольственныхъ запасовъ въ крестьянскомъ хозяйствѣ Московской губерніи, отсылаемъ интересующихся къ самой книгѣ, которая займетъ почетное мѣсто среди земско-статистическихъ текстовъ. Приложеніями къ книгѣ являются планы расположенія крестьянскихъ угодій и десять таблицъ, въ составленіи которыхъ участвовали Н. Я. Казимировъ, Е. Э. Миллеръ и другія лица.

Что касается Псковской губерніи, то Торопецкій уѣздъ подвергался мѣстному изслѣдованію еще въ 1898 году. Почвенное описаніе произведено было С. Л. Федоровскимъ и Н. Н. Клепининымъ подъ руководствомъ проф. К. Д. Глинки, которымъ написаны и нѣкоторыя главы текста. Текстъ по населенію составленъ С. Г. Кононовымъ, по землевладѣнію—В. Л. Горномъ. Редакція сборника принадлежитъ завѣдующему статист. отдѣленіемъ Псковской управы, Н. М. Кислякову, уже четверть вѣка неустанно трудящемуся на поприщѣ земской статистики.

До послѣдняго времени въ Торопецкомъ уѣздѣ не чувствовалось земельнаго голода; еще и теперь тамъ очень распространена краткосрочная натуральная аренда внѣнадѣльныхъ земель, напоминающая отношенія, существовавшія при крѣпостномъ правѣ. Грамотность населенія въ Торопецкомъ уѣздѣ поразительно низка: среди мужчинъ 6,6%, среди женщинъ только $0,_3$% къ населенію всякаго возраста. На 1000 мужчинъ

учащіеся мальчики составляютъ $17,_4$, а на 1000 женщинъ приходится только одна учащаяся дѣвочка.

Почти три четверти Торопецкаго уѣзда находятся во владѣніи частной собственности ($72,_4$); крестьянскимъ надѣламъ принадлежитъ только четверть территоріи ($24,_9$%). Крестьяне почти исключительно бывшіе помѣщичьи. На одинъ наличный дворъ приходится $10,_9$ десятинъ удобной земли, на ѣдока $1,_7$ дес. Въ составѣ единоличной частной собственности преобладаетъ площадь крупнаго землевладѣнія, свыше 1000 десятинъ, занимающая $63,_2$%; мелкому владѣнію принадлежитъ только $9,_4$% площади. Средній размѣръ единоличнаго частнаго владѣнія $244,_3$ десятинъ. По шести пятилѣтіямъ съ 1869 г. число случаевъ покупки земли правильно возрастало. Средній процентъ ежегодной мобилизаціи въ Торопецкомъ уѣздѣ очень великъ: за 30 лѣтъ онъ составляетъ $5,_2$%, а за пятилѣтіе 1894—98 гг. 7% (въ Новоржевскомъ уѣздѣ за то же пятилѣтіе только $1,_4$%). Главные продавцы, конечно, дворяне; главные покупатели—крестьяне.

По частновладѣльческому хозяйству земская статистика, какъ извѣстно, значительно бѣднѣе матеріалами, чѣмъ по крестьянскому. Уже поэтому слѣдуетъ привѣтствовать новую работу псковскихъ статистиковъ о частновладѣльческомъ хозяйствѣ Новоржевскаго уѣзда. Текстъ составленъ А. Г. Бутковскимъ; введеніе принадлежитъ Н. М. Кислякову. Свѣдѣнія были собраны еще въ 1897 году, стало-быть, разработка ихъ порядочно запоздала.

Изъ 95 крупныхъ хозяйствъ, ведшихъ собственную запашку, посѣвъ травъ имѣли 49, а установившееся многополье отмѣчено только въ 29. Изъ травопольныхъ сѣвооборотовъ преобладали 6—9-польные съ двумя полями подъ клеверомъ и однимъ подъ льномъ (по клеверищу); мертвый инвентарь, къ сожалѣнію, регистровался лишь въ немногихъ хозяйствахъ. Улучшеннымъ инвентаремъ хозяйства были не богаты: на 27 имѣній насчитано 11 хозяйствъ съ молотилками, 4 съ сѣялками и только 1 съ косилкою.

Свѣдѣнія, сообщаемыя въ послѣднемъ изъ названныхъ трудовъ Н. М. Кисляковымъ, относятся къ семи деревнямъ Холмскаго уѣзда съ 64 дворами, 91 душевымъ надѣламъ и 618 десят. надѣльной земли. Въ этихъ деревняхъ со времени

освобожденія не было ни одного передѣла; пашня фактически находилась въ мелкомъ подворно наслѣдственномъ черезполосномъ пользованіи; покосъ дѣлился ежегодно, лѣсъ дѣлился періодически, пастбища и выгоны состояли въ общемъ пользованіи. Толчокъ къ разселенію дали эстонцы. Раздѣлы оформлены были приговорами. Изъ 7 деревень образовались 64 отдѣльныхъ участковыхъ владѣльца съ 32 названіями населенныхъ пунктовъ; 39 хозяевъ остались на прежнихъ усадьбахъ, къ которымъ прирѣзаны были вновь расположенные участки, 25 переселились на новое мѣсто. Основаніемъ разверстки взято было число душевыхъ надѣловъ, которымъ данный дворъ владѣлъ ко времени составленія приговора. Окончательное отграниченіе участковъ исполнено землемѣромъ. Намѣреніе «жаловаться по начальству» отмѣчено только въ одной деревнѣ. О результатахъ только что совершившагося разселенія судить, конечно, еще рано. Желательно, чтобъ холмскимъ крестьянамъ не пришлось пожалѣть объ уничтоженіи мірского владѣнія.

А. Ѳ. Фортунатовъ.

М. Я. Герценштейнъ. Нужна ли крестьянамъ земля? *Рѣчи въ Государственной Думѣ. Цѣна 5 коп.*

Г. Ф. Шершеневичъ. Аграрный вопросъ. *Цѣна 10 коп.*

Н. Шкляръ. Къ земельному вопросу. *Цѣна 5 коп.*

Юрій Баршевъ. Крестьянское малоземелье и способы борьбы съ нимъ. *Цѣна 5 коп.*

Шпирельманъ. Земельная реформа въ Ирландіи. *Цѣна 5 коп. Изданія „Народнаго права“. Москва 1906 г.*

Брошюры, заглавія которыхъ мы выписали, разсматриваютъ аграрный вопросъ съ точки зрѣнія партіи народной свободы. Наибольшій интересъ изъ нихъ представляетъ брошюра Герценштейна, содержащая рѣчи, произнесенныя въ первой Думѣ по аграрному вопросу бывшимъ главноуправляющимъ землеустройствомъ Стишинскимъ и товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ Гурко и отвѣтныя блестящія рѣчи Герценштейна. Какъ извѣстно, рѣчи эти, сразу выдвинувшія скромнаго до тѣхъ поръ депутата на одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ въ Думѣ, содержатъ безпощадную критику аграрной политики стараго режима. Критика эта не утратила своего интереса и

теперь, такъ какъ въ основныхъ своихъ чертахъ политика нашихъ теперешнихъ правящихъ сферъ по земельному вопросу остается та же, что и прежде. Попрежнему въ основаніи ея лежитъ защита неприкосновенности священнаго института частной собственности и отказъ отъ принудительнаго отчужденія частновладѣльческихъ земель.

Брошюры гг. Шкляра и Баршева рисуютъ бѣдственное положеніе крестьянскаго класса въ Россіи и излагаютъ съ точки зрѣнія аграрной программы партіи народной свободы мѣры для выхода изъ этого положенія. Г. Шкляръ, между прочимъ, останавливается на теоріи Джорджа о національзаціи земли и доказываетъ ея несостоятельность и непримѣнимость для Россіи. Обѣ брошюры настаиваютъ на томъ, что для разрѣшенія аграрнаго вопроса недостаточно одного дополнительнаго надѣленія землею, а необходимо общее поднятіе культуры и просвѣщенія и укрѣпленіе основъ политической свободы. Брошюры разсчитаны на широкую массу читателей и отличаются яснымъ и толковымъ изложеніемъ.

Что касается брошюры проф. Шершеневича, то она скорѣе имѣетъ въ виду болѣе культурнаго читателя. И здѣсь мы имѣемъ то же изложеніе аграрной программы партіи народной свободы, при чемъ авторъ удѣляетъ вниманіе и критикѣ аграрныхъ программъ другихъ партій.

Наконецъ брошюра г. Шпирельмана, въ общедоступной формѣ излагая исторію борьбы Ирландіи за земельную реформу, можетъ способствовать косвеннымъ образомъ выясненію для широкой массы и нѣкоторыхъ животрепещущихъ пунктовъ русской жизни.

А. Скляръ.

В. Канель. Рабочій договоръ. Къ вопросу о положеніи рабочаго класса въ Россіи. *Изд. Скирмунта. (Серія соціалъ-демократическая). М. 1907 г. 259 стр. Ц. 75 к.*

Авторъ уже извѣстенъ своими трудами въ области рабочаго вопроса.

Въ своемъ новомъ трудѣ В. Я. Канель даетъ исторію русскаго законодательства о договорѣ найма, характеризуетъ порядки до изданія перваго закона о наймѣ, анализируетъ законъ 1886 года, указываетъ недостатки его; и вообще договоръ

найма г. В. Канель разбираетъ въ свѣтѣ общей нашей политики, которой придерживалось у насъ правительство въ рабочемъ вопросѣ, и это придаетъ особый интересъ его работѣ. Все это сдѣлано авторомъ очень выпукло, ярко, съ большимъ знаніемъ дѣла, и книга можетъ быть съ большимъ интересомъ и пользой прочтена всѣми интересующимися. Она въ правѣ разсчитывать на широкое распространеніе, тѣмъ болѣе, что и цѣна ея не высока — 75 коп. (259 стр.).

Ив. Озеровъ.

А. В. Погожевъ. Учетъ численности и состава рабочихъ въ Россіи. *Матеріалы по статистикѣ труда. Изд. Императорской Академіи Наукъ. Съ приложеніемъ таблицъ и 18 картодіаграммъ 114 + 224. Ц. 5 р.*

Авторъ подробно разбираетъ нашу статистику по учету рабочихъ. Трудъ — весьма кропотливый, основанный на анализѣ сбивчивыхъ и противорѣчивыхъ источниковъ, и надо имѣть много любви къ дѣлу, чтобы взяться за такой трудъ.

Выводы, къ которымъ приходитъ авторъ, весьма печальны для нашей статистики, а именно: авторъ говоритъ, что полныя и точныя данныя о числѣ и составѣ рабочихъ могутъ быть получены лишь тогда, когда въ Россіи обратятся къ организаціи статистики труда по образцу другихъ государствъ и когда будутъ производиться промышленныя переписи (97).

Передать содержаніе труда въ высшей степени нелегко, такъ какъ все дѣло въ анализѣ, въ деталяхъ...

Очень интересны многія діаграммы, приложенныя къ труду.

Трудъ Погожева — весьма серьезный трудъ, но при чтеніи требуетъ большого напряженія и потому, да по самой темѣ, можетъ найти распространеніе только среди лицъ, спеціально занимающихся этими вопросами.

Помимо своего научнаго значенія, трудъ пріобрѣтаетъ въ настоящее время особый общественный интересъ: въ немъ ярко подчеркивается необходимость организаціи въ Россіи статистики труда.

Ив. Озеровъ.

Проф. П. П. Мигулинъ. Русскій государственный кредитъ. *Томъ III, вып. V. Итоги министерства Витте и обзоръ кред. госуд. операцій. Харьковъ. 1907. Ц. 1 р. 50 к.*

Въ своей новой книгѣ авторъ подводитъ итоги министерства Витте и вычисляетъ, что за 1893 — 1903 гг. государственные доходы, по обыкновенному и чрезвычайному бюджету, превышали расходы на $318,_4$ мил. руб. Однако этотъ излишекъ составился исключительно за счетъ двухъ внѣшнихъ займовъ (на $324,_2$ мил. руб.), такъ что «собственно система Вышнеградскаго-Витте: добиваться огромнаго превышенія обыкновенныхъ доходовъ надъ расходами, съ цѣлью накопленія нѣкоторыхъ свободныхъ запасовъ, практически потерпѣла фіаско». Проф. Мигулинъ указыветъ далѣе, что государственный долгъ при Витте «возросъ въ весьма умѣренныхъ размѣрахъ» (на 1.774 мил. руб., именно съ 4.905 мил. руб. до 6.679 мил. руб.) и «притомъ исключительно на производительныя надобности, по случаю перевода долговъ частныхъ жел.-дор. обществъ на казну при ихъ выкупѣ и вслѣдствіе конверсіонныхъ операцій». И если государственный долгъ возросъ на $36,_{16}$%, то государственные доходы увеличились на $110,_6$%, т.-е. это даетъ «самые утѣшительные результаты». Авторъ отмѣчаетъ также и крайне вредныя стороны финансовой политики Витте, особенно ужасающій ростъ внѣшняго долга: «Вся система Витте состояла только въ заниманіи за-границей денегъ направо и налѣво, на всякихъ условіяхъ, по всякому поводу, лишь бы сводить концы съ концами и уравнивать всегда невыгодный для насъ разсчетный балансъ. Такая «политика» можетъ вести, конечно, только къ банкротству и къ потерѣ кредита, во всякомъ случаѣ, къ сильному его ослабленію, что мы и почувствовали, когда грянула война и революція».

Въ послѣдней главѣ проф. Мигулинъ даетъ подробный перечень нашихъ государственныхъ долговъ, начиная съ 1769 г. За 135 лѣтъ Россіей было занято всего на $13.920,_8$ мил. руб. (изъ которыхъ погашено $7.241,_7$ мил. руб.), а въ дѣйствительности выручено по нимъ $10.258,_2$ мил. руб. Россія переплатила на своихъ займахъ $910,_2$ мил. руб., ибо ею занято непосредственно $11.168,_4$ мил. руб. (остальные долги на $2.752,_4$ мил. р. только переведены на казначейство, именно долги жел.-дор. обществъ и т. д.), а выручено $10.258,_2$ мил. руб. Проф. Ми-

гулинъ приводитъ затѣмъ интересныя свѣдѣнія о послѣднихъ военныхъ займахъ, которые были крайне невыгодны для Россіи. Общая сумма ихъ составляетъ 2.442,$_3$ мил. руб., а выручено по нимъ всего 2.177,$_9$ мил. руб. или 89,$_{78}$%. Особенно невыгоденъ былъ заемъ по указу 4 апрѣля 1906 г., заключенный правительствомъ во что бы то ни стало, «лишь бы имѣть въ своемъ распоряженіи необходимыя деньги на случай роспуска Государственной Думы или несогласія ея дать санкцію на заемъ»: заемъ заключенъ на 843,$_{75}$ мил. руб., а выручено всего 679 мил. руб.; подписка по курсу 88% была покрыта почти въ сто разъ, а банкирамъ заемъ уступленъ за 80½%, т.-е. они выговорили себѣ комиссію въ 7½%.

По мнѣнію Мигулина, наиболѣе мрачной стороной нашей задолженности является то обстоятельство, что государственный долгъ на сумму не менѣе 5.000 мил. руб. размѣщенъ за границей, такъ что Россія уплачиваетъ иностранцамъ «единственную въ мірѣ по своей величинѣ» дань въ minimum 200 мил. руб. ежегодно. Для устраненія подобнаго положенія проф. Мигулинъ предлагаетъ «вышибать клиномъ клинъ, т.-е. прибѣгнуть къ внѣшнимъ займамъ съ тѣмъ, чтобы, развивъ съ ихъ помощью производительныя силы страны, постепенно погасить новые и старые внѣшніе займы». При инертности нашего населенія поднять производительныя силы Россіи «безъ проведенія *принциповъ государственнаго соціализма*» (курс. подл.), по мнѣнію автора, однако, невозможно. Онъ предлагаетъ поэтому соорудить не менѣе 20—25 тысячъ верстъ новыхъ рельсовыхъ путей, организовать переселенческій и промышленный, и въ особенности, «широко поставленный» сельско-хозяйственный банки, развить дѣятельность крестьянскаго банка (соединивъ его съ дворянскимъ,—«для упрощенія дѣла»), ввести обязательное страхованіе урожаевъ, а также страхованіе рабочихъ. Послѣдняя, посвященная «проектамъ», часть труда проф. Мигулина представляетъ наименьшій интересъ въ его крупномъ изслѣдованіи, такъ какъ, придавая сравнительно мало значенія самодѣятельности общества и развиваемымъ имъ соціальнымъ и политическимъ силамъ, онъ слишкомъ склоненъ, несмотря на нашъ старый жизненный опытъ, приписывать чрезмѣрную роль искусству и знаніямъ лицъ, стоящихъ во главѣ государства.

П. Гензель.

Экономическое ученіе Карла Маркса. 2-й томъ «Капитала» въ изложеніи Карла Каутскаго и Отто Бауера. *Переводъ съ нѣмецкаго М. Шапиро и В. Мейера подъ редакціей В. В. Чекерель-Куша. Кіевъ. 1906. стр. 82.*

Экономическое ученіе Карла Маркса. 3-й томъ «Капитала» въ изложеніи Э. Бернштейна. Съ послѣсловіемъ Ф. Энгельса. *Переводъ съ нѣмецкаго К. Чекерель-Куша. Кіевъ. 1906. стр. 90.*

Авторъ первой брошюры полагаетъ, что трудность пониманія «Капитала» обусловливается сложностью самого предмета, а не формой изложенія Маркса. Съ этимъ нельзя согласиться. Не говоря уже о внѣшней формѣ изложенія, заимствованной у чуждой для насъ философіи Гегеля, свобода и легкость, съ какою Марксъ оперируетъ въ области отвлеченнаго мышленія, огромный запасъ фактическихъ данныхъ не всегда разсчитаны на средняго читателя. Чтеніе «Капитала» требуетъ, вдобавокъ, навыка къ отвлеченному мышленію, большого вниманія и много времени. Большинство читателей, и въ томъ числѣ немало лицъ, усвоившихъ себѣ общія основы марксистскаго міровоззрѣнія, не пошли далѣе первыхъ страницъ «Капитала». Поэтому популярное изложеніе ученія Маркса можетъ разсчитывать на обширный кругъ читателей.

Къ сожалѣнію, первая изъ указанныхъ брошюръ не совсѣмъ удовлетворяетъ своему назначенію. Она представляетъ собою выдержки отдѣльныхъ положеній, не всегда въ достаточной степени логически между собою связанныя и не всегда изложенныя достаточно просто и понятно, а иногда и совсѣмъ непонятныя. Такъ, напримѣръ, мало понятно изложено объясненіе формулы круговращенія денежнаго капитала (стр. 38), теорія кризисовъ (стр. 43 и сл.), отношенія нормы прибавочной цѣнности къ нормѣ прибыли (стр. 48) и др. Мало понятенъ споръ съ Лексисомъ (стр. 53 и сл.), взгляды котораго къ тому же неправильно переданы. Примѣчанія редактора мало помогаютъ дѣлу (примѣчаніе же на стр. 24 невѣрно), а неудовлетворительный переводъ во многихъ мѣстахъ окончательно сбиваетъ читателя.

Въ частности переводчику не удается правильно пользоваться словомъ «послѣдній», которое у него въ однихъ мѣстахъ относится не къ «послѣднему», а какъ разъ къ чему-либо, что предшествуетъ «послѣднему» (напр., на стр. 52), а въ другихъ—

неизвѣстно къ чему (стр. 48, 34). Слогъ, вообще неособенно гладкій, страдаетъ крупными погрѣшностями (напр.: книга «требуетъ огромное напряженіе вниманія и способности отвлеченно мыслить» и т. п.). Въ общемъ первый изъ названныхъ въ заголовкѣ трудовъ не въ состояніи дать читателю яснаго представленія о содержаніи 2 тома «Капитала» и можетъ поселить въ немъ преувеличенное убѣжденіе въ трудности самого предмета.

Вторая часть брошюры представляетъ «исправленіе» теоріи кризисовъ Маркса, принадлежащее Отто Бауеру. Вопросъ о кризисахъ относится къ труднѣйшимъ и спорнымъ вопросамъ теоріи; въ свое время онъ особенно интересовалъ русскихъ экономистовъ и имѣетъ обширную литературу въ журналахъ и монографіяхъ (см., напр., указаніе литературы «Русское Богатство» 1898 г. № 12, Ратнеръ. Теорія рынковъ).

Изложеніе 3-го тома «Капитала» сдѣлано удовлетворительно, такъ же, какъ и переводъ. Поэтому брошюра можетъ служить полезнымъ пособіемъ для ознакомленія съ ученіемъ Маркса. Къ недостаткамъ ея слѣдуетъ отнести то, что въ ней нѣтъ изложенія ренты; кромѣ того, вопросъ о превращеніи цѣнностей въ цѣны изложенъ слишкомъ догматично и не предусматриваетъ возможныхъ сомнѣній. Коррективомъ, однако, служатъ указанія по этому поводу во введеніи и особо посвященная данному вопросу статья въ концѣ брошюры. Въ ней проводится мысль, напоминающая въ общемъ идею Рикардо, что трудовыя цѣнности исторически предшествовали цѣнамъ съ равными нормами прибыли. Положеніе подтверждается ссылкой на обмѣнъ у первобытныхъ народовъ, въ средніе вѣка и явленія торга. Ссылки эти представляютъ, однако, скорѣе апріорныя допущенія, чѣмъ исторически доказанные факты.

Р. Орженцкій.

Михаилъ Туганъ-Барановскій. Современный соціализмъ въ своемъ историческомъ развитіи. *Спб. 259 стр. Ц. 75 коп.*

Соціалистическій строй не несбыточная мечта, не плодъ фантазіи, а неизбѣжный этапъ хозяйственнаго развитія. Хотя онъ и не можетъ быть осуществленъ немедленно, но уже и въ настоящее время онъ можетъ быть вполнѣ реальной цѣлью

практической политики; поэтому, по мнѣнію Туганъ-Барановскаго имѣетъ большой интересъ положительная сторона ученія о соціализмѣ: выясненіе и выработка соціалистическаго идеала. Ученіе объ эксплуатаціи труда, доказательство ея неизбѣжности при несоціалистическомъ хозяйственномъ строѣ составляетъ центральный пунктъ теоріи соціализма. Честь обоснованія этого ученія безусловно принадлежитъ сенъ-симонистамъ и въ особенности Пекеру. Теорія прибавочной цѣнности Маркса вслѣдствіе соединенія ея съ трудовой теоріей цѣнности представляетъ изъ себя шагъ назадъ по сравненію съ ними. Для обоснованія теоріи эксплуатаціи, совершенно правильно замѣчаетъ Т.-Б., нѣтъ нужды ни въ какой теоріи цѣнности. Честь открытія закона концентраціи производства и доходовъ также принадлежитъ утопистамъ. Марксъ несомнѣнно заимствовалъ ее у фурьеристовъ (84). Въ области критики капиталистическаго строя утописты создали большую часть того, что нынѣ образуетъ научный соціализмъ. Еще больше сдѣлано ими въ положительной части ученія, въ выработкѣ соціалистическаго идеала. Наиболѣе интересную часть книги Т.-Б. составляетъ изложеніе и критика различныхъ проектовъ соціалистическаго устройства общества. Такъ какъ наряду съ эксплуатаціей трудящихся величайшимъ зломъ современнаго хозяйственнаго режима является неорганизованность производства, то всѣ планы хозяйства будущаго разсматриваются Туганъ-Барановскимъ съ этихъ двухъ точекъ зрѣнія. Единственно пріемлемой формой для ближайшаго будущаго является, по его мнѣнію, централистическій соціализмъ, конечнымъ же общественнымъ идеаломъ является коммунизмъ, построенный на полной свободѣ потребленія. Но и другія системы, впрочемъ, не лишены нѣкотораго положительнаго значенія, такъ какъ онѣ могутъ являться переходной формой или же служить противовѣсомъ чрезмѣрному централизму. Насколько силенъ утопическій соціализмъ въ области теоріи, настолько же слабъ онъ въ области тактики. «Тактика современнаго соціализма создалась не учеными теоретиками, а самой жизнью». Первымъ провозвѣстникомъ былъ чартизмъ, теоретическое же выраженіе ей далъ Марксъ въ Коммунистическомъ Манифестѣ, выдвинувъ на первый планъ необходимость политической борьбы и захвата власти пролетаріатомъ. Впрочемъ, политическая программа Коммунистическаго

Манифеста требуетъ существенныхъ дополненій. Такими дополненіями являются муниципальный соціализмъ, кооперативное движеніе и рабочіе союзы. Истинными творцами современнаго соціализма, по мнѣнію Т.-Б., являются утописты; Марксъ далъ теорію капитализма, а не соціализма. Туганъ-Барановскій не находитъ словъ для выраженія научныхъ заслугъ соціалистовъ-утопистовъ, но въ своемъ справедливомъ преклоненіи предъ ними бываетъ порой несправедливъ къ другимъ представителямъ соціализма. Такъ, напр., излагая теорію ученія объ эксплуатаціи труда, онъ выдвигаетъ на первый планъ Пекера, не упоминая ни словомъ Родбертуса, величайшихъ заслугъ котораго въ этомъ вопросѣ нельзя отрицать, и это тѣмъ болѣе, что его теорія, по нашему мнѣнію, не страдаетъ и основнымъ, такъ правильно отмѣченнымъ Т.-Б. недостаткомъ теоріи прибавочной цѣнности Маркса. Она не стоитъ ни въ какой связи съ трудовой теоріей цѣнности.

Имя автора достаточно рекомендуетъ книгу. Здѣсь остается только прибавить, что обычныя достоинства Т.-Б., ясность и богатство мысли, живость и образность изложенія въ этой книгѣ проявляются, пожалуй, еще въ большей степени, чѣмъ въ другихъ его работахъ.

Н. Шапошниковъ.

М. Бургэнъ. Современныя соціалистическія системы и экономическое развитіе. *Ц. 2 р. 50 к. 523 стр.*

Первая, меньшая часть книги Бургэна посвящена изложенію и критикѣ различныхъ проектовъ соціалистическаго строя. Разборъ ихъ приводитъ Б. къ довольно пессимистическому взгляду; особенно отрицательно относится онъ къ системѣ чистаго коллективизма. Отсутствіе личнаго интереса, этого важнѣйшаго стимула техническаго прогресса и невозможность соблюденія экономическаго равновѣсія — вотъ основныя его возраженія. Вторая часть книги посвящена выясненію того, дѣйствительно ли экономическое развитіе современнаго общества неизбѣжно ведетъ въ сторону соціализма. Не отрицая тенденціи къ расширенію коллективистическаго начала, Б. не рѣшается, во всякомъ случаѣ, признать ее достаточно сильной, чтобы обезпечить побѣду соціализму. Неизбѣжность стихійнаго внутренняго кризиса капитализма (Zusammenbruchstheorie) рѣшительно имъ

отвергается. На сознательное разрушеніе капитализма также мало надежды. Врядъ ли когда исчезнутъ съ политическаго горизонта силы, враждебныя соціализму (напр., крестьянство). Выводъ этотъ не долженъ приводить въ уныніе друзей угнетенныхъ классовъ, такъ какъ, по мнѣнію Б., и на почвѣ современнаго хозяйственнаго строя путемъ организованной борьбы и широкаго законодательнаго вмѣшательства возможно значительное улучшеніе положенія трудящагося люда. Строго научный, объективный анализъ фактовъ не приводитъ къ убѣжденію неизбѣжности соціализма — вотъ основная идея Б. Всѣ противоположныя утвержденія только гипотезы болѣе или менѣе вѣроятныя. Съ этимъ выводомъ Б. нельзя не согласиться. Въ пришествіе соціализма можно вѣрить или не вѣрить, но вполнѣ научно доказать это не подъ силу современнымъ соціальнымъ наукамъ: въ будущемъ развитіи человѣчества слишкомъ много факторовъ, учесть которыхъ мы пока не въ состояніи. Научная объективность, трезвость мысли и богатство фактическаго матеріала — вотъ основныя достоинства книги Б. Существенно новаго здѣсь не найти, но зато Б. даетъ хорошую сводку фактамъ новѣйшаго хозяйственнаго развитія, что дѣлаетъ его книгу особенно цѣнной для лицъ, не имѣющихъ возможности знакомиться съ отдѣльными монографіями. Въ Западной Европѣ работа Бургэна возбудила къ себѣ большой интересъ: уже вышло второе изданіе (первое въ 1904 г.) и появился нѣмецкій переводъ. Надо ждать, что и наша читающая публика оцѣнитъ ее по достоинству.

Н. Шапошниковъ.

Моррисъ Хилквитъ. Исторія соціализма въ Соединенныхъ Штатахъ. *Перев. съ послѣдняго англійскаго изданія подъ ред. Е. Смирнова. Спб. 1907. Стр. 283. Цѣна 90 коп.*

Морицъ Хилкуитъ. Исторія соціализма въ Соединенныхъ Штатахъ. *Переводъ съ 4-го американскаго изданія М. И. Брагина. Спб. 1907. Стр. X + 275. Цѣна 75 коп. Изд. библіотеки «Общественной Пользы».*

Американскій писатель Моррисъ Хилквитъ взялъ на себя трудъ познакомить читателей съ исторіей соціалистическаго

движенія въ Соединенныхъ Штатахъ. Книга Хилквита дѣлится на 2 почти одинаковыя по объему части: исторію главнѣйшихъ коммунистическихъ общинъ—экспериментовъ утопическихъ соціалистовъ—и исторію современнаго соціалистическаго движенія.

Указавъ (къ сожалѣнію, въ нѣскольких словахъ) на главнѣйшія причины, благодаря которымъ Соединенные Штаты «сдѣлались главной ареной для экспериментовъ утопическихъ соціалистовъ всѣхъ націй», авторъ останавливается на исторіи лишь тѣхъ общинъ, которыя «при своемъ возникновеніи были прямо или косвенно связаны съ опредѣленной школой утопическаго соціализма». Для удобства обзора, онъ дѣлитъ описываемыя общины на 4 главныхъ группы: 1) *Сектантскія общины,* организованныя нѣмецкими иммигрантами для свободнаго осуществленія религіозныхъ идей. 2) *Оуэнистскія общины,* основанныя Оуэномъ и его послѣдователями для доказательства справедливости теоріи соціализма. 3) *Фурьеристскія общины* («фаланстеры»), основанныя учениками и послѣдователями Фурье и оказавшія огромное вліяніе на національно-реформистское движеніе и 4) *Икарійскія общины*, основанныя французомъ Этьеномъ Кабэ для своихъ соотечественниковъ.

Если большинство описанныхъ авторомъ коммунистическихъ экспериментовъ не было долговѣчно, такъ какъ далеко не всѣ общины сумѣли «плыть по теченію соціально-экономической эволюціи», то, по мнѣнію автора, ихъ благотворное вліяніе на физическое, моральное и умственное развитіе человѣка не подлежитъ сомнѣнію.

Современное соціалистическое движеніе въ Соединенныхъ Штатахъ, въ противоположность утопическому соціализму, покоившемуся «на чисто моральныхъ воззрѣніяхъ», является движеніемъ экономическимъ; оно возникло лишь во второй половинѣ XIX вѣка, когда соціальныя и промышленныя условія Соединенныхъ Штатовъ достигли необходимаго развитія для возникновенія «классового сознанія» американскаго пролетаріата. Исторію современнаго соціалистическаго движенія авторъ дѣлитъ на 4 періода.

Авторъ почти не затрагиваетъ вопроса объ отношеніи утопическаго и современнаго соціализма и многихъ другихъ вопросовъ философіи исторіи, для разрѣшенія которыхъ въ его

книгѣ имѣется богатый сырой матеріалъ, почему трудъ Морриса Хилквита нуждается въ дополнительной работѣ соціолога.

Необыкновенно дешевая цѣна (особенно изданія библіотеки «Общественной Пользы») и недурной переводъ обоихъ изданій книги будутъ несомнѣнно способствовать расширенію круга ея читателей.

Н. Бронштейнъ.

Генри Джорджъ. Общественныя задачи. *Переводъ съ англійскаго С. Д. Николаева съ предисловіемъ Л. Н. Толстого. Изд. книгоиздательства «Посредникъ» 278 стр. in 8, цѣна 40 коп.*

Черезъ четыре года по выходѣ въ свѣтъ главнаго сочиненія Г. Джорджа: «Прогрессъ и бѣдность», доставившаго автору міровую извѣстность, въ 1884 г. вышла его книга, Social Problems». Сюда вошли нѣкоторыя журнальныя статьи по различнымъ политическимъ и экономическимъ вопросамъ, которыя были въ болѣе «правильной и научной формѣ» разработаны въ книгѣ «Прогрессъ и бѣдность». Благодаря публицистическому характеру статей, рисующихъ съ удивительной силой и яркостью важнѣйшія болѣзненныя и уродливыя явленія въ жизни современнаго капиталистическаго общества, въ книгѣ съ особенной рельефностью выступаетъ крайняя утопичность проекта Г. Джорджа, старающагося разрѣшить въ корнѣ соціальный вопросъ, примирить классовую рознь, превратить нашу общественную жизнь изъ міра юдоли и печали въ царство соціальнаго счастья и свободы, путемъ націонализаціи земли или обложеніемъ ея особымъ налогомъ.

Націонализація земли—эта основная общественная задача, которая перестроитъ все общество на новыхъ началахъ,—«не можетъ быть достигнута, по мнѣнію Г. Джорджа, шумомъ и крикомъ, жалобами и оговорками, образованіемъ партій и устройствомъ революцій, она можетъ быть достигнута лишь побужденіемъ мысли и поступательнымъ движеніемъ въ мірѣ идей» (стр. 270). Таковъ путь осуществленія націонализаціи земли. Не отрицая всѣхъ тѣхъ перемѣнъ, которыя произойдутъ какъ въ области земледѣльческой культуры (быстрый ростъ ея, уничтоженіе земельнаго хищенія, обильный притокъ капитала къ землѣ), такъ и въ области промышленности, мы не раздѣляемъ утопическихъ ожиданій автора относительно исцѣленія этимъ

путемъ всѣхъ соціальныхъ золъ, такъ какъ предпринятое Г. Джорджемъ раздѣленіе современнаго общества на два враждебныхъ экономически и политически класса: класса крупныхъ землевладѣльцевъ и класса трудящихся (куда онъ помѣщаетъ рабочихъ и капиталистовъ) имѣетъ въ корнѣ неправильную теоретическую предпосылку, разсматривая прибыль, какъ результатъ естественнаго самовозрастанія капитала. Этимъ объясняется отрицаніе Джорджемъ глубокаго антагонизма между трудомъ и капиталомъ и непониманіе того, что національзація земли не будетъ въ состояніи открыть всѣмъ желающимъ доступъ къ земледѣлію и не сможетъ поэтому вывести современное общество изъ рамокъ капиталистическихъ отношеній (допуская даже правильность мысли Г. Джорджа, что суть реформы лежитъ не столько въ доступѣ къ земледѣлію, сколько въ возможности использованія обществомъ ренты), а, слѣдовательно, и привести человѣчество къ соціальному миру.

Въ предисловіи къ книгѣ Л. Н. Толстой, видящій въ установленіи единаго налога съ земли панацею отъ всѣхъ соціальныхъ золъ, утверждаетъ, что теорія Г. Джорджа есть лищь «сознательное выраженіе того, что всегда признавалась справедливымъ всѣмъ русскимъ народомъ, и мысль эта должна найти примѣненіе и завершить великимъ дѣломъ справедливости столь ложно и преступно направляемую революцію». У насъ въ Россіи нѣкоторыя политическія партіи требуютъ націонализаціи земли; всеспасающаго значенія за этой мѣрой онѣ, однако, не признаютъ.

Несмотря на неправильность теоретическихъ посылокъ автора, книга читается, благодаря важности затронутыхъ темъ и живому изложенію, съ большимъ интересомъ. При этомъ книга вполнѣ доступна и читателю, не получившему спеціальнаго образованія.

С. Разолинъ.

А. Лабріола. Реформизмъ и синдикализмъ, съ предксловіемъ автора къ русскому изданію. Перев. съ итальянскаго г. Кирдецова подъ редакціей и съ послѣсловіемъ А. Луначарскаго. *Цѣна 1 рубль. Изданіе «Шиповникъ» Спб. 1907.*

Книга Лабріолы представляетъ собой въ настоящее время особенный интересъ. Развитіе профессіональнаго движенія и

обнаружившіяся въ средѣ профессіоналистовъ симпатіи къ синдикализму дѣлаютъ необходимой точную характеристику этого своеобразнаго теченія рабочей мысли. Книга для уясненія синдикализма (и въ его наиболѣе умѣренной формѣ—итальянской) даетъ обширный и весьма поучительный матеріалъ. Здоровыя сѣмена, которыя имѣются въ синдикализмѣ, наряду со всѣми его недостатками, преувеличенными надеждами и чисто анархистскими построеніями, обнаруживаются достаточно рѣзко въ подлежащей нашей оцѣнкѣ книгѣ.

Лабріола даетъ въ общемъ вѣрную характеристику соціальной реформы, съ одной стороны, и соціальной революціи—съ другой. Реформа предполагаетъ сохраненіе существующаго государственнаго строя. Реформа очень часто является пріобрѣтеніемъ реакціи, а не прогресса. Господствующіе классы, сознавая свою дряхлость, готовы нѣсколько уступить напору новыхъ силъ, лишь бы сохранить за собой свое прежнее положеніе. Революція же прежде всего старается уничтожить существующую политическую власть, старается вырвать господство изъ рукъ класса-угнетателя.

Лабріола далѣе клеймитъ парламентскую тактику, основанную на компромиссѣ. Онъ рѣшительно не согласенъ съ тѣмъ, что парламентъ можетъ стать орудіемъ освобожденія пролетаріата. Парламентская дѣятельность служитъ выраженіемъ стремленій «преобразовать законодательство посредствомъ существующаго законнаго механизма, т.-е. съ согласія господствующихъ классовъ». Пролетаріатъ уже отказывается отъ власти, онъ уже не нападаетъ на государство, а стремится занять въ немъ кое какое мѣстечко, стремится обезпечить за собой кое какія уступки и выгоды. Реформистскій соціализмъ отнюдь не стоитъ въ противорѣчіи съ интересами буржуазіи. Напротивъ, соціальное законодательство, которое отстаивалъ, напр., Мильеранъ, способно, путемъ улучшенія условій жизни рабочихъ массъ, создать изъ нихъ въ рукахъ господствующихъ классовъ болѣе удобный матеріалъ для выжиманія пота и прибыли. Буржуазія всѣхъ странъ оставила уже, по мнѣнію Лабріолы, аггрессивныя дѣйствія по отношенію къ соціализму, благодаря реформистскимъ тенденціямъ, зарождающимся въ его нѣдрахъ.

Къ лучшимъ мѣстамъ книги нужно отнести тѣ, гдѣ Лабріола доказываетъ необходимость одновременной экономической и политической борьбы. Онъ громитъ жалкія попытки экономистовъ путемъ однихъ только матеріальныхъ уступокъ со стороны капитала примирить рабочій классъ съ существующимъ политическимъ строемъ. Во всѣхъ его разсужденіяхъ вѣрно схваченъ оппортюнизмъ нѣкоторыхъ соціалистическихъ теченій, буржуазный характеръ ревизіонизма, преобладаніе въ немъ компромисса надъ боевой тактикой. Но положительная программа Лабріолы страдаетъ тѣми недочетами, которые вообще свойственны революціонному синдикализму. Воплощеніемъ будущей формы производства и общежитія для Лабріолы служитъ синдикатъ. Не коллективизмъ съ его общимъ планомъ, стѣсняющимъ производство, а кооперативизмъ, т.-е. сосредоточеніе производства въ рукахъ мелкихъ группъ, которыя и составятъ особыя производственныя единицы, отдѣльныя общины, подчиняющіяся только своимъ стремленіямъ, служащія только своимъ нуждамъ. Нечего и говорить о томъ, что при такой формѣ производства неизбѣжна конкурренція между отдѣльными кооперативами, которая въ концѣ-концовъ неизбѣжно должна возстановить тѣ же порядки, противъ которыхъ приходится бороться въ капиталистическомъ строѣ.

Нельзя не отмѣтить и нѣкоторыхъ противорѣчій въ положительной части программы Лабріолы. Считая парламентаризмъ исчадіемъ ада, Л. въ то же время не отрицаетъ вліянія избирательныхъ бюллетеней и парламентской работы, которая, по его же словамъ, имѣетъ почтенную миссію (стр. 208). Единственнымъ серьезнымъ орудіемъ пролетарской борьбы служитъ, по мнѣнію Л., всеобщая стачка. Но она, какъ оказывается, не въ состояніи непосредственно осуществить революцію, а лишь «подготовляетъ тѣ условія, при которыхъ стало бы возможнымъ осуществить переворотъ». Но вѣдь и соціальное законодательство можетъ преслѣдовать тѣ же цѣли: создать почву, на которой лучше всего можетъ развернуться борьба за конечный идеалъ, за соціализмъ.

Несмотря на указанные недостатки, книга представляетъ собой выдающійся интересъ, и мы охотно рекомендуемъ ее читателю. Не можемъ не отмѣтить въ заключеніе тѣхъ симпатій, которыя питаетъ Лабріола къ русской соціалъ-демократіи, от-

тѣняя геройство ея представителей, презрѣніе ихъ къ жизни и холодное равнодушіе, съ которымъ они—мужчины и женщины— безстрашно идутъ навстрѣчу своимъ задачамъ.

В. Канель.

Поль Луи. Рабочій и государство. Сравнительная исторія рабочаго законодательства въ странахъ стараго и новаго свѣта. *Изд. В. М. Саблина. Москва. 1907. Цѣна 1 р. 75 коп. Стр. 538 + V.*

Изслѣдованіе П. Луи, небезъизвѣстнаго автора цѣлаго ряда работъ по вопросамъ соціализма [1]), изъ которыхъ нѣкоторыя переведены уже и на русскій языкъ, ставитъ себѣ задачей «дать краткій очеркъ рабочаго законодательства въ цивилизованныхъ странахъ». Съ этой задачей П. Луи справился блестяще; его книга представляетъ единственное въ своемъ родѣ руководство на русскомъ языкѣ, трактующее о самыхъ разнообразныхъ сторонахъ современной рабочей проблемы. Благодаря строгой систематичности, отсутствію излишняго балласта, наконецъ, простому и точному языку, она даетъ яркую картину положенія пролетаріата въ западно-европейскихъ странахъ.

Въ первой главѣ своего труда авторъ намѣчаетъ тѣ стадіи, которыя прошелъ рабочій вопросъ въ историческомъ развитіи. Онъ указываетъ на тѣ грандіозныя перемѣны, которыя внесли въ него образованіе міроваго рынка и революція въ области транспорта, сообщившія ему международный характеръ; онъ рисуетъ намъ, какъ новыя хозяйственныя условія, мощный ростъ пролетаріата и его организацій опрокидываютъ повсюду нѣкогда столь популярную буржуазную манчестерскую доктрину. На мѣстѣ исчезающаго отжившаго манчестерства пышно расцвѣтаетъ разностороннее государственное вмѣшательство, государственная реформаторская дѣятельность. Но этотъ «государственный соціализмъ», по мнѣнію П. Луи, является для промышленной буржуазіи лишь «необходимымъ убѣжищемъ, послѣднимъ ея оружіемъ, послѣднимъ маневромъ» (стр. 536). Вынуждаемая на уступки, промышленная буржуазія все шире

[1]) La guerre économique, 1900. L'histoire du scialismoe français, 1901. Les étapes du socialisme, 1903. L'ouvrier devant l'État, 1904 (это и есть рецензируемая выше книга).

раскрываетъ путь грядущему коллективистскому строю, призванному смѣнить капитализмъ, осужденный на гибель.

Параллельно съ фактическими завоеваніями повышается и моральное положеніе рабочаго. П. Луи на цѣломъ рядѣ историческихъ справокъ показываетъ, какую метаморфозу претерпѣло отношеніе представителей власти и капитала къ труду. Филантропія и подачки смѣняются сознательными требованіями и отстаиваніемъ своихъ правъ. Начало солидарности и взаимопомощи становятся на мѣсто «менѣе высокаго, понятнаго и плодотворнаго» христіанскаго принципа милосердія (стр. 29). Однако и эти всѣ успѣхи, по мнѣнію Луи, безсильны, чтобы обезпечить рабочаго человѣка «отъ превратностей жизненнаго пути съ колыбели до могилы». Законодательство, которое выполнило бы эту миссію не можетъ быть создано при капиталистическомъ строѣ (стр. 47). Таковы общія воззрѣнія Луи. Дальнѣйшее содержаніе его книги распадается на слѣдующія главы: «Анкеты и статистика», «Рабочій договоръ», «Выдача заработной платы и ея гарантіи», «Высота заработной платы», «Синдикаты и корпораціи», «Законодательство о стачкахъ», «Регламентація труда», «Гигіена и безопасность», «Система выжиманія пота и работа на дому», «Правила распорядка въ мастерскихъ», «Условія труда», «Несчастные случаи при работѣ», «Борьба съ болѣзнями», «Страхованіе отъ инвалидности и старости», «Борьба съ безработицей», «Пріисканіе работы», «Совѣты довѣренныхъ людей», «Примиреніе и третейскій судъ», «Заключеніе». Каждая глава—сжатый очеркъ законодательства по соотвѣтствующему вопросу. Свои выводы Луи подкрѣпляетъ обильнымъ статистическимъ матеріаломъ, собраннымъ до 1903 г.

Монографія представляетъ чрезвычайно цѣнный справочникъ, особенно для тѣхъ, кто не читаетъ на иностранныхъ языкахъ.

Переводъ очень хорошъ. Книга издана опрятно; цѣну можно признать невысокой.

Алексѣй Боровой.

П. Г. Мижуевъ. Восьмичасовой рабочій день. *Спб. 1907 г. Изд. Г. Ѳ. Львовича. Стр. 130. Ц. 70 к.*

Б. Кричевскій. Восьмичасовой рабочій день. *Спб. 1906 г. Изд. О. Н. Поповой. Стр. 62. Ц. 15 к.*

Д-ръ Н. В. Васильевъ. Восьмичасовой рабочій день и его культурное значеніе. *Спб. 1907 г. Изд. „Свободный трудъ“. Стр. 32. Ц. 8 к.*

Перечисленными выше изданіями обогатилась все растущая литература о восьмичасовомъ рабочемъ днѣ на русскомъ языкѣ. Всѣ они преслѣдуютъ одну цѣль—доказать практическую возможность введенія восьмичасового рабочаго дня. Многочисленными примѣрами иллюстрируется то завоевавшее себѣ уже право гражданства въ экономической наукѣ положеніе, что сокращеніе рабочаго времени не всегда влечетъ за собой сокращеніе производительности труда. Примѣры взяты почти исключительно изъ западно - европейской, американской и австралійской практики, хотя можно было бы уже привести примѣры и изъ опытовъ, произведенныхъ въ Россіи. Возможность введенія восьмичасового дня у насъ является сейчасъ наиболѣе интереснымъ вопросомъ, и распространительное толкованіе западно-европейскихъ примѣровъ примѣнительно къ русской дѣйствительности является для многихъ очень соблазнительнымъ. Г. Мижуевъ, въ объективно и обстоятельно написанной книжкѣ, въ которой переработаны, главнымъ образомъ, извѣстныя книги Вебба и Кокса и Джона Рое, намѣчаетъ лишь тенденціи общей реформы и отъ категорическихъ выводовъ справедливо воздерживается. Зато г. Кричевскій категорически утверждаетъ, что «экономически и технически 8-часовой рабочій день возможенъ и въ Россіи» и полагаетъ, что введеніе его зависитъ исключительно лишь отъ соотношенія силъ пролетаріата и буржуазіи. Всѣ доводы о разореніи промышленности ему представляются лицемѣрными. Между тѣмъ, если и несомнѣнно, что этимъ аргументомъ предприниматели пользуются часто лицемѣрно, и что во многихъ предпріятіяхъ 8-ми часовой день уже введенъ не только безъ ущерба для промышленности, но и безъ вреда для промышленниковъ, то такъ же несомнѣнно, что рядъ производствъ такого дня выдержать не могутъ, и въ этихъ случаяхъ никакое «соотношеніе силъ» не можетъ заставить фабриканта вести невыгодное для него предпріятіе. (Примѣры расчетовъ возможности и невозможности 8-часового рабочаго дня въ русской промышленности интересующіеся могутъ найти въ журнальныхъ статьяхъ: *В. Я. Александрова*: Изъ практики 8 - часового рабочаго дня въ

Россіи, «Вѣстникъ фабричнаго законодательства», мартъ, 1905 и *Н. Саввина*: 8-ми часовой рабочій день въ Россіи, «Свобода и Культура», май 1906 г.). Вотъ почему лишь *постепенное* введеніе 8-часового дня и предоставленіе фабрикантамъ болѣе или менѣе продолжительнаго времени, въ теченіе котораго можно сдѣлать всѣ необходимыя для короткаго дня техническія усовершенствованія, является единственно возможнымъ рѣшеніемъ вопроса.

Брошюра д-ра Васильева въ популярной формѣ, разсчитанной на читателей-рабочихъ, излагаетъ выгоды и возможность восьмичасового рабочаго дня и можетъ быть полезной агитаціонной книжкой.

О. Бужакскій.

М. Л. Хейсинъ. Профессіональные рабочіе союзы. *Спб. 1907 г. Изд. «Общ. Пользы». Стр. 150. Ц. 30 к.*

А. М. Рыкачевъ. Профессіональные союзы и ихъ значеніе для рабочихъ. *М. 1907 г. Изд. «Народное Право». Стр. 62. Ц. 10 к.*

В. В. Португаловъ. Союзы рабочихъ въ Россіи. *М. 1906 г. Изд. «Народное Право». Стр. 31. Ц. 4 к.*

Г. Гольдбергъ. Къ итогамъ профессіональнаго движенія въ Россіи. *Спб. 1907 г. Изд. «Профессіональный союзъ». Стр. 31. Ц. 8 к.*

К. Дмитріевъ. Профессіональные союзы въ Москвѣ. *Изд. «Новый Міръ». Стр. 48. Ц. 12 к.*

Книжка г. Хейсина знакомитъ съ основными вопросами профессіональнаго движенія. Авторъ послѣдовательно отвѣчаетъ на вопросы: почему рабочіе союзы образуются, къ чему они стремятся, какъ и кѣмъ организуются, какими мѣрами борются и чего могутъ достигнуть. Онъ останавливается также на вопросѣ объ отношеніи между профессіональнымъ и политическимъ движеніемъ, а въ рядѣ приложеній даетъ практическія указанія, касающіяся устройства союзовъ, и справки библіографическаго характера. Составленіе книжки надо признать весьма удачнымъ и къ главнымъ достоинствамъ отнести— полноту и живость изложенія, обиліе и свѣжесть приводимыхъ статистическихъ данныхъ. Нѣкоторая односторонность точки зрѣнія, вытекающая изъ правовѣрнаго соціалъ-демократическаго образа мыслей автора и сказывающаяся, главнымъ образомъ, на взглядѣ о «необходимости бороться въ союзахъ за

соціализмъ» съ избыткомъ искупается вышеприведенными достоинствами.

По тому же приблизительно плану составлена содержательная брошюра Рыкачева. Отдѣльныя главы ея носятъ характеръ лекцій, изъ которыхъ, очевидно, она и произошла. Въ первой главѣ авторъ останавливается на анализѣ понятія купли-продажи рабочей силы и затѣмъ излагаетъ организацію и способы дѣйствія союзовъ. Изложеніе болѣе объективно и, быть-можетъ, поэтому нѣсколько суше.

Брошюры Португалова, Гольдберга и Дмитріева касаются спеціально русскаго профессіональнаго движенія. Брошюра Португалова даетъ очеркъ роста движенія послѣ 9-го января 1905 года, которое «перевернуло все существо рабочаго человѣка» и послѣ котораго «рабочіе должны были прійти къ сознанію, что имъ необходимо имѣть свои постоянныя учрежденія, которыя могли бы поддерживать внутреннюю связь въ рабочей средѣ». Это — скромная брошюрка, въ которой лишь намѣчены нѣкоторые моменты возникновенія союзовъ, въ общихъ чертахъ описана ихъ организація и такъ же кратко говорится о задачахъ союзовъ. Картины русскаго профессіональнаго движенія она, естественно, дать не можетъ. Больше фактическихъ данныхъ въ брошюрѣ Г. Гольдберга, хотя и ихъ недостаточно для подведенія какихъ-либо «итоговъ». — К. Дмитріевъ, въ очеркѣ посвященномъ московскимъ рабочимъ союзамъ, отмѣчаетъ то «тѣсное единеніе и дружескія отношенія между союзами и партіей», которое установилось въ Москвѣ въ отличіе отъ другихъ городовъ. Но, къ сожалѣнію, изъ его же работы мы узнаемъ, что хотя «условія для закрѣпленія идейнаго вліянія на профессіональные союзы и для установленія взаимодѣйствія между союзами и партіей были весьма благопріятны», даже между обѣими московскими соціалъ-демократическими организаціями полнаго единогласія не существовало. «*Партійность суживала кругъ членовъ союза и приводила подчасъ къ образованію родственныхъ союзовъ*». Уже этотъ примѣръ является достаточно сильнымъ аргументомъ противъ партійности профессіональныхъ организацій? [1])

О. Бужанскій.

---

[1]) Отмѣтимъ кстати, что вопросу объ отношеніяхъ между профессіональными и политическими организаціями посвященъ рядъ вышедшихъ на русскомъ

И. И. Янжулъ. Изъ воспоминаній и переписки фабричнаго инспектора перваго призыва. Матеріалы для исторіи русскаго рабочаго вопроса и фабричнаго законодательства. *С.-Петербургъ. 1907. Цѣна 1 р. 50 к.*

Новый трудъ Янжула не имѣетъ въ виду, какъ это оттѣняется авторомъ въ предисловіи, выставить знамя какой-либо экономической или политической партіи и съ ея точки зрѣнія трактовать столь важный и модный нынѣ фабрично-рабочій вопросъ. Авторъ старался, наоборотъ, освѣтить лишь на основаніи дѣйствительныхъ фактовъ недавняго прошлаго, извлеченныхъ изъ его собственнаго опыта, какъ лица, непосредственно соприкасавшагося съ фабричнымъ міромъ, тѣ стороны этого вопроса, которыя ему хорошо знакомы и относительно которыхъ онъ можетъ сообщить нѣкоторыя небезъинтересныя, а, можетъ-быть, даже и важныя свѣдѣнія и соображенія.

Кто прочтетъ книгу Янжула (каковы бы ни были при этомъ политическія воззрѣнія читателя), согласится съ тѣмъ, что появленіе его книги въ настоящій моментъ, когда наша Государственная Дума должна рѣшить цѣлый рядъ важныхъ вопросовъ изъ этой области, безусловно крайне цѣнное пріобрѣтеніе, и это тѣмъ болѣе, что благодаря его политически крайне умѣреннымъ взглядамъ, свидѣтельства Янжула вродѣ: для пріобрѣтенія себѣ утраченнаго довѣрія и уваженія обѣихъ сторонъ требуется, чтобы наша инспекція кореннымъ образомъ порвала связь съ своими недавними традиціями и ея бывшимъ положеніемъ—не могутъ оспариваться никѣмъ, кто вообще желаетъ видѣть и слышать.

Въ виду трудности передать въ узкихъ рамкахъ рецензіи содержаніе столь богатаго матеріаломъ труда, я ограничусь только указаніемъ наиболѣе интересныхъ частей его. Къ таковымъ принадлежитъ характеристика дѣятельности министра финансовъ И. А. Вышнеградскаго, при которомъ всѣ попытки фабричной инспекціи заставить фабрикантовъ исполнять даже жалкія по содержанію предписанія нашего фабричнаго законодательства систематически тормазились, а всѣ начатыя судебнымъ порядкомъ преслѣдованія фабрикантовъ—по жалобѣ послѣднихъ — систематически клались подъ сукно, причемъ министръ ни-

---

языкѣ брошюръ какъ оригинальныхъ, такъ и переводныхъ. О нихъ мы скажемъ въ другомъ мѣстѣ.

сколько не скрывалъ своего сочувствія мысли: превратить фабричныхъ инспекторовъ въ нѣчто въ родѣ «становыхъ приставовъ». Не менѣе интересны, затѣмъ, сообщенія Янжула о практиковавшемся на нашихъ фабрикахъ — при помощи кредитованія товаровъ изъ фабричныхъ лавокъ—систематическомъ обираніи рабочихъ и о тѣхъ подлыхъ доносахъ, при помощи которыхъ недовольные неподкупностью фабричной инспекціи сторонники неограниченнаго промышленнаго абсолютизма стремились избавиться отъ необходимости выполненія законовъ.

Богатый матеріалъ книги, благодаря избранной авторомъ формѣ мемуаровъ, изобилуетъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ полемическими вставками, выпускъ которыхъ при вѣроятномъ новомъ изданіи былъ бы безусловно желательнымъ, и это тѣмъ болѣе, что ихъ можно было бы съ громадной пользой для дѣла замѣнить имѣющимися, какъ намъ извѣстно, въ рукахъ Янжула многочисленными крайне интересными актами и воспоминаніями, которыя имъ пока почему-то еще не напечатаны. Несогласны мы, затѣмъ, и съ оцѣнкой, даваемой Янжуломъ нѣкоторымъ важнымъ фактамъ нашей экономической жизни, напр., вѣроятнаго сокращенія промышленной дѣятельности Россіи въ случаѣ пониженія нашихъ покровительственныхъ пошлинъ, какъ и съ его противопоставленіемъ 5—6 милліон. постоянныхъ промышленныхъ рабочихъ 140 милл. населенія Россіи. Янжулъ упускаетъ изъ виду, что значительная часть этихъ 5—6 милл. обладаетъ семьями, такъ что даже при самомъ умѣренномъ расчетѣ вмѣсто 5—6 милл. получится цифра въ 12—15 милл. душъ. Несмотря на эти и нѣкоторые другіе мелкіе недочеты книга заслуживаетъ самаго широкаго распространенія.

І. М. Гольдштейнъ.

Юридическій отдѣлъ.

Основныя понятія русскаго государственнаго, гражданскаго и уголовнаго права. *Общедоступные очерки привать-доцентовъ Моск. Унив.* **В. М. Устинова, И. Б. Новицкаго и М. Н. Гернетъ.** *Съ предисловіемъ* **проф. В. М. Хвостова.** *Москва. 1907. V+252 стр. Ц. 1 р.*

Какъ показываетъ заглавіе книги, авторы ея поставили себѣ задачей сообщить наиболѣе общія свѣдѣнія по русскому государственному, гражданскому и уголовному праву. Превосходное выполненіе этой задачи свидѣтельствуетъ объ очень высокой постановкѣ разработки позитивнаго права въ Московскомъ Университетѣ, что въ значительной мѣрѣ является заслугой иниціатора разсматриваемой книги проф. В. М. Хвостова. Авторы ея дали чрезвычайно содержательные, очень сжатые очерки дѣйствующаго государственнаго, гражданскаго и уголовнаго права. Изучая ихъ, широкая читающая публика можетъ систематизировать и пополнять свое неполное и отрывочное знакомство съ дѣйствующими системами права. Но въ первую очередь книга эта предназначена для учащейся молодежи средней школы, составляя какъ бы продолженіе «Общей теоріи права» проф. В. М. Хвостова, вышедшей въ прошломъ году третьимъ изданіемъ и уже принятой въ качествѣ руководства въ нѣкоторыхъ гимназіяхъ.

Этотъ коллективный трудъ имѣетъ въ виду также и тѣ первостепенныя нужды, которыя связаны съ переживаемымъ Россіей историческимъ моментомъ. Въ своемъ предисловіи проф. В. М. Хвостовъ говоритъ: «Государственный строй Россіи подвергся коренному обновленію въ духѣ политической свободы. За этой коренной реформой должно послѣдовать переустройство всѣхъ остальныхъ отдѣловъ нашего права въ духѣ тѣхъ же началъ». Но такъ какъ дальнѣйшія реформы должны совершаться при активномъ участіи русскихъ гражданъ, то настоятельной потребностью времени является сознательное отношеніе къ нимъ. Этой послѣдней цѣли очерки удовлетворяютъ, давая краткія свѣдѣнія относительно правового развитія и современныхъ правовыхъ системъ въ другихъ странахъ. Впрочемъ, сравнительнаго метода придерживаются только В. М. Устиновъ и М. Н. Гернетъ при изложеніи русскаго государственнаго и уголовнаго права. Напротивъ, И. Б. Новицкій, излагая гражданское право, строго слѣдуетъ X тому, части 1 Свода Законовъ и даже не принимаетъ во вниманіе Кодекса Наполеона, который, какъ извѣстно, дѣйствуетъ и на части территоріи Русской Имперіи въ Царствѣ Польскомъ. Эту особенность очерка гражданскаго права нельзя не признать его

крупнымъ недостаткомъ, который обязательно долженъ быть устраненъ при послѣдующихъ изданіяхъ.

Въ заключеніе считаемъ нужнымъ предупредить читателя, что разсматриваемые очерки могутъ только сообщить важнѣйшія свѣдѣнія изъ области права, но не научить юридически мыслить. Для послѣдней цѣли необходимо серьезное и методологически продуманное изученіе правовыхъ системъ, которое могутъ дать только университетскіе курсы. Умѣть юридически мыслить это значитъ не только пріобрѣсти и имѣть правильныя юридическія понятія, но и быть способнымъ анализировать и самостоятельно вырабатывать ихъ. Поэтому во избѣжаніе недоразумѣнія, можетъ-быть, слѣдовало бы переименовать очерки изъ «основныхъ понятій» въ «основныя положенія».

Б. Кистяковскій.

Проф. Эд. Дженксъ. Происхожденіе верховной власти. *Перев. съ англ. Э. Серебрякова, Спб. 1907. Книгоиздательство «Глашатай» 152 стр. in 8⁰. Ц. 60 к.*

Задача автора—описать возможно кратко и ясно зарожденіе и развитіе правительственныхъ учрежденій, начиная съ первобытной организаціи человѣческихъ обществъ вплоть до образованія государственнаго устройства нашего времени. Нормальный ходъ этого развитія сводится авторомъ къ послѣдовательной смѣнѣ трехъ типовъ общежитія: дикарскаго общества, патріархальнаго и современнаго политическаго общества, или государства.

Дикарское общество соотвѣтствуетъ состоянію охотничьей бродячей культуры; организація его выражается въ образованіи тотемическихъ группъ и не идетъ далѣе регламентаціи группового брака. Количественное нарастаніе населенія вызываетъ необходимость усовершенствованія способовъ пріобрѣтенія средствъ къ существованію; усовершенствованіе это направлено на то, чтобы съ одной и той же площади земли можно было прокармливать все большее и большее количество людей. На этомъ пути совершается переходъ отъ звѣроловства чрезъ прирученіе животныхъ къ скотоводству, а затѣмъ отъ скотоводства къ земледѣлію. Болѣе интенсивный трудъ требуетъ болѣе упорядоченнаго сотрудничества, которое приводитъ къ

болѣе сложной общественной организаціи. На почвѣ пастушеской скотоводческой культуры сложилось патріархальное общество въ формѣ крупныхъ племенныхъ группъ съ правительственною властью племенныхъ вождей и совѣтовъ старѣйшинъ. Переходъ къ земледѣлію вызвалъ дальнѣйшую дифференціацію патріархальнаго общества, выразившуюся въ выдѣленіи болѣе мелкихъ патріархальныхъ группъ, именно, клановъ (*кланъ* — кельтское названіе патріархальныхъ сельскихъ общинъ, соотвѣтствующее славянской *задругѣ*). Обрабатывающая промышленность и торговля привели къ организаціи цеховъ и гильдій, слагавшихся по основному типу клана. Высшей стадіей развитія патріархальнаго общества проф. Дженксъ считаетъ государство-городъ классической древности. Типическими чертами патріархальнаго общества являются: лежащая въ основѣ его личная связь въ противоположность территоріальной связи позднѣйшаго государства; племенная исключительность; консерватизмъ патріархальнаго обычнаго права; поглощеніе личности въ цѣломъ рядѣ группъ, начиная съ семейной, кончая племенной.

Третій типъ—политическое общество, или государство ведетъ свое происхожденіе отъ военной организаціи. Въ патріархальномъ обществѣ война носила случайный характеръ, являясь результатомъ кровавой мести. Приростъ населенія, накопленіе богатства и усовершенствованіе оружія превратили войну въ постоянное занятіе, послѣдствіемъ чего явилась правильная военная организація, послужившая исходной точкой для организаціи государственной. Основой послѣдней служитъ не племенное родство, а территорія, все населеніе которой подчиняется единой власти, независимо отъ различія племенного происхожденія. «Главной связью новаго общества,—говоритъ авторъ,—явилась *военная вѣрность*» (76), дѣйствіе которой сохранилось, по мнѣнію автора, вплоть до нашихъ дней (2). Въ основу правительственной организаціи государства была положена власть короля-военачальника и королевскаго совѣта, составленнаго изъ бывшихъ дружинниковъ. Къ этимъ двумъ элементамъ присоединился впослѣдствіи парламентъ, имѣвшій первоначально значеніе принудительнаго привлеченія населенія къ удовлетворенію военныхъ и неразрывныхъ съ ними фискальныхъ потребностей государства; благодаря, однако, обычаю

просьбъ. или петицій, парламентъ превратился со временемъ въ законодательное учрежденіе.

Какъ видно, книга проф. Дженкса должна служить соціологическимъ введеніемъ въ изученіе современнаго государства. Авторъ основывается на соціологическихъ воззрѣніяхъ Спенсера, но, къ сожалѣнію, чрезмѣрно ихъ упрощаетъ. Изъ патріархальнаго типа общества авторъ совершенно исключаетъ существенный для него элементъ хищничества. Зато развитіе государства основывается авторомъ исключительно на потребностяхъ военной организаціи при полномъ игнорированіи экономики, въ частности, — постепеннаго процесса образованія народнаго хозяйства. Отъ указанной односторонности могло бы предохранить автора глубоко правильное замѣчаніе Спенсера о томъ, что воинственный и промышленный типы общества никогда и нигдѣ не проявлялись въ чистомъ видѣ, но лишь въ разнообразныхъ сочетаніяхъ.

Ѳ. В. Тарановскій.

Проф. Г. Еллинекъ. Конституціи, ихъ измѣненія и преобразованія. *Пер. съ нѣмец. подъ редакціей и съ вступительной статьейБ. А. Кистяковскаго. Спб. 1907 г. Книгоиздат «Право». XXI + 93 стр. Ц. 30 к.*

Имя Г. Еллинека достаточно хорошо извѣстно русской читающей публикѣ: широкую извѣстность получила у насъ и его большая книга «Право современнаго государства», и отдѣльные этюды, какъ «Декларація правъ», «Права меньшинства» и «Множественное избирательное право». Намъ нѣтъ надобности говорить о достоинствахъ, которыя присущи произведеніямъ Еллинека; его юридическая виртуозность никогда не переходитъ въ бездушный юридическій формализмъ, и строгое проведеніе правовой точки зрѣнія не лишаетъ его способности видѣть все разнообразіе реальныхъ факторовъ жизни. Это отсутствіе односторонности, это чувство мѣры и такта характеризуютъ и новую работу, появившуюся въ прекрасномъ русскомъ переводѣ.

Еллинекъ ставитъ вопросъ, какъ измѣняется государственное устройство страны? Его интересуетъ не столько измѣненіе самыхъ конституціонныхъ текстовъ, сколько измѣненіе внутренняго смысла, вкладываемаго въ эти установленныя и записанныя нормы. На примѣрѣ германскаго Союзнаго Совѣта,

который изъ органа, періодически собираемаго, обратился въ постоянно дѣйствующее учрежденіе, авторъ показываетъ, насколько измѣнился смыслъ, вкладываемый въ одинъ и тотъ же параграфъ конституціи. Другое естественное сомнѣніе, возникающее при разборѣ конституціонныхъ текстовъ, касается того, насколько при отсутствіи примѣненія какого-либо института онъ теряетъ силу. Здѣсь весьма умѣстно Еллинекъ ссылается на значеніе въ конституціонной жизни государства права veto, предоставленнаго монарху или президенту.

Наиболѣе интереса, однако, представляетъ въ работѣ Еллинека попытка очертить эволюцію современнаго конституціоннаго государства. Нельзя не согласиться здѣсь съ признаніемъ растущей важности за референдумомъ и другими формами непосредственной демократіи и въ особенности оцѣнки «процесса развивающейся самоорганизаціи», которымъ охвачено современное общество (с. 91),—при чемъ эта самоорганизація осуществляется въ разнообразныхъ корпораціяхъ и союзахъ, органахъ внѣпарламентской народной воли.

Гораздо болѣе спорнымъ представляется утвержденіе Еллинека, будто эпоха парламентаризма приходитъ къ концу. Авторъ весьма преувеличиваетъ жалобы на упадокъ парламентаризма, какъ-будто бы не раздается еще болѣе жалобъ, напримѣръ, противъ неизбѣжной демократизаціи конституціоннаго государства. Никакъ нельзя также согласиться съ признаніемъ, будто увеличивающееся значеніе общихъ выборовъ и того вотума, который ими дѣлаетъ нація, заключаетъ въ себѣ тенденцію, противоположную духу парламентаризма. Вѣдь весь перевѣсъ, напримѣръ, нижней англійской палаты надъ палатой лордовъ основывается на томъ, что первая служитъ представительствомъ — особенно со времени реформъ 1832 г. — широкихъ слоевъ населенія.

Это предвзятое понятіе о парламентаризмѣ вообще и объ англійскомъ парламентаризмѣ въ особенности мѣшаетъ Еллинеку оцѣнить связь парламентарнаго строя и примѣненія королевской санкціи (46). Едва ли также англичане согласятся съ той характеристикой растущаго вліянія королевской власти, которая получается изъ сравненія царствованія Эдуарда VII и Викторіи (82 стр.). Но нѣмецкіе юристы со вре-

мени Гнейста положительно лишены способности безпристрастной оцѣнки парламентарнаго режима.

Все это, конечно, не ослабляетъ высокаго интереса работы Еллинека, тѣмъ болѣе, что она связана съ *самыми* основными вопросами политической и соціальной философіи, какъ вопросъ о народномъ суверенитетѣ, о природѣ власти и т. п., коихъ традиціонныя рѣшенія подлежатъ, очевидно, глубокому критическому пересмотру, выставленному всѣмъ развитіемъ современной мысли.

С. Котляревскій.

П. Г. Мижуевъ. Главныя федераціи современнаго міра. *Спб. 1907. Изд. Львовича. 252 стр. Ц. 1 р. 25 к.*

Книга Мижуева представляетъ компиляцію нѣкоторыхъ основныхъ сочиненій по конституціонному праву Германіи, Соед. Штатовъ и Швейцаріи, но компиляцію интересно и живо написанную со стремленіемъ понять не только внѣшнюю условную форму конституцій изучаемыхъ странъ, но и политическое значеніе отдѣльныхъ учрежденій и ихъ дѣйствительное соотношеніе.

Очеркъ Германской конституціи, составленный по книгамъ Лоуэлля, Дюпріе и Фландена, безусловно интересенъ. Тонко показана природа мнимаго конституціонализма Пруссіи и Германіи и несоотвѣтствіе внѣшней конституціонной буквы закона съ абсолютической сущностью фактовъ. Въ частности, говоря о Пруссіи, авторъ указываетъ на абсолютное veto короля, на неотвѣтственность министровъ, на полную зависимость каждаго министра отъ короля, на уродливую выборную систему, по которой фактически 25 избирателей перваго класса равняются 9.700 избирателямъ третьяго класса, на очень ограниченное бюджетное право ландтага, оправдываемое своеобразной теоріей, что абсолютное право палаты отвергать бюджетъ не отвѣчаетъ ни цѣлямъ государства, ни конституціонному сотрудничеству короля и представительства, на запрещеніе правительственнымъ чиновникамъ давать показанія парламентскимъ комиссіямъ и т. д. Говоря о Германіи, Мижуевъ умѣло обрисовалъ дѣйствительную роль Союзнаго Совѣта и имперскаго канцлера, какъ всемогущихъ органовъ императорской власти, и слабое значеніе рейхстага.

Въ главѣ о Швейцаріи Мижуевъ очень живо описываетъ, какъ функціонируютъ нѣкоторыя изъ своеобразныхъ учрежденій, свойственныхъ этой демократической странѣ. Пользуясь книгой Фландена, онъ даетъ живописную картину мірскихъ сходовъ, подробно останавливается на референдумѣ, подчеркивая особенно то, что на практикѣ референдумъ оказался враждебнымъ всякимъ крайнимъ и радикальнымъ мѣрамъ, знакомитъ читателя и съ народной законодательной иниціативой. Въ статьѣ о Соединенныхъ Штатахъ, Мижуевъ останавливается на своеобразной системѣ комитетовъ федеральной палаты депутатовъ.

Книга предназначена для широкаго читателя и вполнѣ удовлетворяетъ этой скромной цѣли.

А. Ященко.

Бентамъ. Тактика законодательныхъ собраній. *Изданіе Велихова. Спб. 1907 г. 186 стр. Ц. 1 рубль.*

Написанное по преимуществу въ руководство французскому учредительному собранію 1789 г., это сочиненіе знаменитаго англійскаго юриста въ свое время имѣло огромное значеніе и сыграло крупную роль. Оно не только оказало вліяніе на порядокъ дѣлопроизводства французскихъ законодательныхъ собраній, но въ существенныхъ частяхъ отразилось на регламентахъ парламентовъ и другихъ странъ.

Основываясь главнымъ образомъ на практикѣ англійскаго парламента, Бентамъ устанавливаетъ здѣсь точныя и ясныя, вполнѣ практическія правила относительно порядка разсмотрѣнія законопроектовъ, о внесеніи предложеній, объ ихъ редакціи, о руководительствѣ преніями, о голосованіяхъ и т. д. Въ настоящее время многія изъ положеній, развиваемыхъ Бентамомъ, не представляютъ теоретическаго интереса: они сдѣлались настолько обиходными, настолько общеизвѣстными, что кажутся труизмами. Съ другой стороны, изложеніе Бентама, съ современной точки зрѣнія, является неполнымъ: онъ ни слова не говоритъ о порядкѣ предъявленія министрамъ запросовъ и интерпелляцій, которые играютъ такую большую роль въ дѣятельности современныхъ парламентовъ. Это объясняется тѣмъ, что во время составленія «Тактики законодательныхъ собраній» парламентаризмъ даже въ Англіи только

еще нарождался. Тѣмъ не менѣе знакомство съ книгой Бентама, какъ съ классическимъ произведеніемъ и литературнымъ первоисточникомъ по данному вопросу, несомнѣнно очень полезно. Съ особеннымъ интересомъ могутъ быть прочитаны главы о гласности и раздѣленіи законодательнаго корпуса на двѣ палаты.

Надо, впрочемъ, оговорить, что въ вопросѣ о двухпалатной системѣ взгляды Бентама впослѣдствіи измѣнились. Если въ «Тактикѣ законодательныхъ собраній» онъ еще колеблется въ предпочтеніи одной палаты двумъ,—то въ послѣдующихъ своихъ сочиненіяхъ, особенно въ «Конституціонномъ кодексѣ» онъ категорически высказывается за однопалатную систему. Такую же оговорку надо сдѣлать и относительно сужденій Бентама о всеобщемъ избирательномъ правѣ. Тѣ ограниченія этого права, которыя онъ устанавливаетъ въ «Тактикѣ», безусловно отвергаются въ «Конституціонномъ кодексѣ». Это слѣдуетъ не забывать особенно при чтеніи тѣхъ страницъ «Тактики», гдѣ Бентамъ высказывается за необходимость ограниченія правъ женщинъ. Почти курьезное впечатлѣніе производятъ его разсужденія о необходимости запретить самый доступъ женщинъ въ законодательныя собранія, ибо это ведетъ къ искаженію ихъ дѣятельности. Впослѣдствіи Бентамъ отрѣшился отъ этихъ предразсудковъ и отстаивалъ избирательныя права женщинъ.

В. Устиновъ.

Ренэ Штурмъ. Бюджетъ. *Переводъ А. С. Изгоева, съ пятаго изданія, пересмотрѣннаго и приведеннаго въ соотвѣтствіе съ новѣйшими данными. Съ приложеніемъ статьи доцента М. Фридмана: „Наше законодательство о бюджетѣ“. Изд. Общественной Пользы. Спб. 1907 г. 598 стр. Ц. 2 руб.*

Во французскомъ изданіи трудъ Р. Стурма носитъ названіе «Le budget et son mécanisme“, и это заглавіе гораздо точнѣе опредѣляетъ содержаніе книги. Въ своей книгѣ французскій ученый описываетъ бюджетное право, установившееся въ современныхъ конституціонныхъ государствахъ. Всѣ стадіи современнаго финансоваго управленія, отъ момента составленія бюджета министромъ финансовъ вплоть до дѣйствій счетныхъ палатъ, проходитъ предъ глазами читателя. Книга дѣлится

поэтому на четыре части, посвященныя главнымъ подраздѣленіямъ бюджетной процедуры — составленію, вотированію бюджета въ законодательныхъ учрежденіяхъ, исполненію бюджета органами исполнительной власти и контролю бюджета органами государственнаго контроля.

Трудъ Р. Стурма представляетъ собой полную противоположность извѣстнымъ трудамъ германскихъ ученыхъ по вопросу о бюджетномъ правѣ. Авторъ придерживается исключительно описательнаго метода. Въ то время какъ нѣмецкіе ученые—Гнейстъ, Еллинекъ, Лабандъ, Зейдлеръ и многіе другіе подвергаютъ всевозможному анализу спорные вопросы современнаго бюджетнаго права, какъ, напр., о границахъ между компетенціями законодательной и правительственной власти, о матеріальномъ или формальномъ характерѣ финансоваго закона, о правѣ народныхъ представителей отказывать правительству въ утвержденіи росписи доходовъ и расходовъ, — Стурмъ лишь излагаетъ современное положительное законодательство о бюджетѣ, придерживаясь, правда, наиболѣе прогрессивной, преимущественно французской точки зрѣнія на бюджетное право народнаго представительства. Въ книгѣ читатель не найдетъ поэтому ни теоретическаго обоснованія, ни анализа сложныхъ вопросовъ современнаго бюджетнаго права, но зато онъ получитъ вполнѣ ясную и точную картину относительно установившейся въ современныхъ конституціонныхъ государствахъ бюджетной практики. По каждому вопросу бюджетнаго права Стурмъ приводитъ цѣлый рядъ прецедентовъ и историческихъ примѣровъ и при этомъ не только изъ исторіи Франціи, но также и изъ исторіи другихъ государствъ, преимущественно Англіи, Германіи и Бельгіи. Весь трудъ пересыпанъ множествомъ такихъ историческихъ фактовъ, отрывковъ изъ парламентарныхъ рѣчей извѣстныхъ государственныхъ дѣятелей, и это обстоятельство, вмѣстѣ съ легкимъ изложеніемъ, придаетъ обширному труду, полному спеціальныхъ тонкостей бюджетнаго механизма, значительный интересъ и легкость усвоенія.

Изложенію современной организаціи бюджетнаго механизма предшествуетъ въ видѣ введенія небольшая, но очень интересная глава о происхожденіи бюджетнаго права. «Только конституціонныя страны способны составить правильный бюд-

жетъ»,—говоритъ въ одномъ мѣстѣ этой главы авторъ, и эта мысль составляетъ, можно сказать, основную идею его труда. Исторія бюджетнаго права есть исторія революцій, ибо всюду на землѣ, въ Англіи, Франціи, Германіи, Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ, борьба народа съ правительствомъ совершалась во имя права народа въ лицѣ своихъ представителей вотировать государственные доходы и расходы. Бюджетное право народныхъ представителей составляетъ неотъемлемую часть народнаго суверенитета. Бюджетное право должно принадлежать широкимъ народнымъ массамъ не въ силу факта платежа налоговъ, но въ силу участія въ осуществленіи народнаго суверенитета. «Каждый членъ общества обладаетъ бюджетнымъ правомъ въ соотвѣтствіи съ удѣленной ему частью суверенитета». Таково второе положеніе Стурма. Мы настойчиво рекомендуемъ читателямъ эту главу разбираемаго нами труда, такъ какъ затронутый въ ней вопросъ имѣетъ особенно выдающійся интересъ для русскаго общества въ настоящій моментъ. Нашему, самому молодому въ мірѣ народному представительству предстоитъ упорная и сложная борьба за расширеніе бюджетнаго права. Первая глава труда Стурма даетъ прекрасное принципіальное обоснованіе необходимости этой борьбы [1]).

Обширный объемъ книги, множество мелкихъ, подчасъ чисто формальныхъ вопросовъ бюджетнаго права дѣлаютъ книгу доступной скорѣе всего спеціалистамъ. Но отдѣльныя главы, какъ, напр., указанное нами введеніе и вторая часть, въ которой весьма интересно излагается процедура вотированія бюджета, борьба между народными представителями и прави-

---

[1]) Въ виду остраго интереса, который представляетъ этотъ вопросъ въ настоящее время для Россіи редакція позволяетъ себѣ обратить вниманіе еще на слѣдующее. Однимъ изъ крайнихъ средствъ борьбы за права народнаго представительства является отказъ въ бюджетѣ. Г. Стурмъ въ особой главѣ останавливается на этомъ средствѣ и доказываетъ безусловную конституціонность его. Но неутвержденіе бюджета народнымъ представительствомъ, будучи вполнѣ конституціонной мѣрой, по своимъ послѣдствіямъ равносильно революціи. Въ виду этого авторъ считаетъ, что къ этому средству можно прибѣгать только въ исключительныхъ случаяхъ, когда нѣтъ другого выхода. Свое мнѣніе онъ подтверждаетъ историческими данными, показывающими, какъ рѣдко въ конституціонномъ развитіи другихъ странъ народное представительство пользовалось этимъ крайнимъ средствомъ.

тельствомъ, границы между компетенціей верхней и компетенціей нижней палаты, могутъ быть доступны широкому кругу читателей.

Переводъ сдѣланъ удовлетворительно, хотя мѣстами и страдаетъ шероховатостью слога и неточностью выраженій. Значительное количество опечатокъ, и притомъ не только типографскихъ, но и такихъ, которыя могутъ быть отнесены на счетъ перевода, требуетъ осторожнаго чтенія. Французское имя Stourm переведено вдобавокъ по-нѣмецки «Штурмъ», хотя въ одномъ мѣстѣ (стр. 6 прим.) переводчикъ и переводитъ вполнѣ правильно черезъ Стурмъ. Появленіе книги въ настоящій моментъ, въ который такъ необходимо пониманіе значенія бюджетнаго права, какъ орудія борьбы за свободу, можно только привѣтствовать.

С. Загорскій.

Проф. А. С. Алексѣевъ. Безотвѣтственность монарха и отвѣтственность правительства. *М. 1907. Изд. Т-ва Сытина. 70 стр. Ц. 25 к.*

Сюжетъ, затронутый въ брошюрѣ проф. Алексѣева, принадлежитъ для русскаго читателя къ самымъ жгучимъ. Насколько совмѣстима установленная нашими основными законами и закрѣпленная практикой полная независимость исполнительной власти отъ законодательнаго органа съ обязанностью, которую возложилъ на этотъ органъ манифестъ 17 октября, — съ обязанностью «дѣятельнаго участія въ надзорѣ за закономѣрностью правительственныхъ властей?»

Основная мысль проф. Алексѣева, что министерская отвѣтственность есть необходимое завершеніе конституціоннаго строя; поэтому онъ считаетъ рѣшительно невозможнымъ принять традиціонное ученіе о дуалистической монархіи, какъ особомъ типѣ конституціоннаго государства.

Министерская отвѣтственность есть коррелатъ безотвѣтственности монарха, принадлежащей послѣднему не въ качествѣ вмѣстителя какой-то особенной мистической силы, а въ качествѣ верховнаго государственнаго органа. Современное правовое государство есть союзъ не личнаго, а общественнаго господства, поэтому не только въ области законодательства, но и въ области верховнаго управленія долженъ властвовать не личный произволъ, а начало *государственной* воли государ-

ства, какъ «организованнаго въ юридическое цѣлое народа». Поэтому министерство есть органъ не монарха, а государства. Постулатомъ правильной государственной жизни является парламентъ и правительство; въ этомъ и заключается смыслъ права, принадлежащаго монарху — при разногласіи ихъ распускать парламентъ или дать отставку министерству. Такимъ образомъ вопросъ объ отвѣтственности правительства передъ представительствомъ сводится къ вопросу объ ихъ единеніи — а «это единеніе—говоритъ проф. Алексѣевъ,—есть не что иное, какъ единеніе между народомъ и властью, то единеніе, безъ котораго власть безвластна, а народъ безволенъ, т.-е. безсиленъ и безпомощенъ» (стр. 70.)

Брошюра проф. Алексѣева, несомнѣнно, принесетъ большую пользу въ дѣлѣ разсѣянія различныхъ недоразумѣній, которыя накопились около вопроса о министерской отвѣтственности—какъ по недостатку знаній, историческихъ и юридическихъ, такъ и по мотивамъ партійно-корыстнымъ, объясняющимся *желаніемъ* отстоять безотвѣтственность бюрократіи.

С. Котляревскій.

К. Черри. Развитіе карательной власти въ древнихъ общинахъ. *Переводъ съ англійскаго съ предисловіемъ и примѣчаніями П. И. Люблинскаго. Спб. 1907 г. 111 стр. Ц. 50 коп.*

Черри ставитъ своею задачею дать историческій очеркъ развитія уголовнаго права въ древнѣйшихъ обществахъ. Онъ довольно подробно останавливается на древнемъ ирландскомъ, еврейскомъ, магометанскомъ, римскомъ и англійскомъ правахъ. Автора интересуютъ два древнѣйшіе періода въ исторіи уголовнаго права: періодъ мести и выкуповъ и постепенный переходъ отъ частной мести къ выкупамъ. Онъ иллюстрируетъ свой очеркъ множествомъ примѣровъ и обычаевъ древнихъ евреевъ, магометанъ, римлянъ и другихъ народовъ. Къ числу недостатковъ книги надо отнести, какъ это правильно указываетъ переводчикъ, слишкомъ малое вниманіе со стороны автора къ экономическимъ факторамъ перехода отъ періода мести къ выкупамъ и чрезмѣрное преувеличеніе значенія религіи. Г. Люблинскій говоритъ въ своемъ предисловіи относительно общедоступности изложенія Черри. Мы, однако, думаемъ, что

книга едва ли можетъ разсчитывать на широкіе круги читателей, такъ какъ для правильнаго ея пониманія необходимо обладать нѣкоторыми свѣдѣніями изъ области права.

М. Гернетъ.

М. Гернетъ, прив.-доц. Общественныя причины преступности. Соціалистическое направленіе въ наукѣ уголовнаго права. *Изд. Скирмунта. Москва. 1906. 210 стр. Ц. 75 коп.*

Такъ называемое «соціологическое» направленіе въ уголовномъ правѣ до сихъ поръ почти вовсе не находило своихъ представителей въ академической средѣ русскихъ криминалистовъ. Не богаты мы и соотвѣтствующей оригинальной и переводной литературой. Тѣмъ большій интересъ пріобрѣтаетъ при такихъ условіяхъ просто и съ несомнѣннымъ знаніемъ предмета составленная книга г. Гернета. Авторъ является горячимъ сторонникомъ соціологической школы въ уголовномъ правѣ и, опираясь главнымъ образомъ на данныя уголовной статистики и трудъ извѣстнаго итальянскаго соціалиста-криминалиста Колоянни, довольно подробно развиваетъ основную свою мысль о вліяніи общественныхъ условій (и прежде всего бѣдности) на преступность. При этомъ авторъ подвергаетъ рѣзкой и безпощадной критикѣ современныя формы борьбы съ преступностью, доказывая, съ одной стороны, безцѣльность, съ другой—полное безсиліе господствующей пенитенціарной системы, которая, въ свою очередь, обратилась теперь въ одинъ изъ «факторовъ» преступности. Поэтому авторъ и поддерживаетъ съ особенной настойчивостью то основное положеніе доктрины криминалистовъ - соціологовъ, согласно которому государство должно направлять свои силы не столько на борьбу съ преступникомъ, сколько на борьбу съ преступленіемъ, какъ соціальнымъ бѣдствіемъ. На первую очередь должны быть, такимъ образомъ, выдвинуты мѣры предупредительнаго характера, которыя устраняли бы самыя *причины* преступности, т. - е. необходимы широкія соціальныя реформы. Впрочемъ, г. Гернетъ отнюдь не отрицаетъ неизбѣжности карательной дѣятельности государства; вотъ почему въ заключительной главѣ своей книги онъ говоритъ объ «уголовномъ правѣ будущаго», находя «мечты» нѣкоторыхъ представителей соціализма о полномъ уничтоженіи карательной власти государства даже и въ дале-

комъ «идеальномъ» будущемъ въ значительной мѣрѣ иллюзорными, утопическими. Мы указали уже, что въ своихъ построеніяхъ г. Гернетъ слѣдуетъ преимущественно Колоянни, но наряду съ этимъ онъ знакомитъ читателя также и съ другими представителями «лѣваго» (соціалистическаго) крыла криминалистовъ соціологическаго направленія, развивая вмѣстѣ съ тѣмъ и второе свое положеніе о томъ, что ближайшими предшественниками соціологической школы въ наукѣ уголовнаго права были не основатели такъ называемой «моральной статистики» Кетлэ и Герри, а «первые представители соціализма». Мысль эту авторъ заимствуетъ у бельгійскаго проф. Дэни. Таково въ самыхъ общихъ чертахъ содержаніе интересной и во многомъ поучительной книги г. Гернета, которую мы охотно рекомендуемъ читателю.

Б. И. Сыромятниковъ.

Тардъ. Сравнительная преступность. *Москва. 1907. Изд. Сытина, 267 стр. Ц. 80 к.*

«La criminalité comparée» (Сравнительная преступность) — подъ этимъ названіемъ Тардъ соединилъ рядъ этюдовъ изъ области науки уголовнаго права (въ широкомъ смыслѣ этого выраженія), уже ранѣе напечатанныхъ имъ въ «La Revue philosophique». Книга даетъ нѣсколько больше, чѣмъ обѣщаетъ ея заглавіе. Сравнительное изученіе преступности при различныхъ біологическихъ и соціальныхъ условіяхъ составляетъ лишь главное, но не единственное содержаніе книги: кромѣ вопросовъ этіологіи преступности, Тардъ трактуетъ въ ней также со свойственной ему оригинальностью мысли вопросъ о главныхъ условіяхъ уголовной отвѣтственности. Впрочемъ, если бы читатель хотѣлъ познакомиться съ воззрѣніями Тарда по вопросамъ, затронутымъ въ «La criminalité comparée» въ ихъ окончательно сложившемся видѣ, онъ долженъ былъ бы обратиться къ болѣе позднему и болѣе крупному произведенію Тарда «La philosophie pénale». Это—шедевръ Тарда, который не имѣетъ себѣ равныхъ во всей обширной криминалистической литературѣ, созданной новыми (соціологическимъ и антропологическимъ) направленіями въ наукѣ уголовнаго права.

Если бы кто-либо пожелалъ составить себѣ представленіе о «La criminalité comparée» по русскому переводу этой книги,

то онъ прежде всего былъ бы затрудненъ отсутствіемъ оглавленія; если бы затѣмъ, перелистывая книгу, онъ просмотрѣлъ названіе отдѣльныхъ главъ и параграфовъ, то и это мало помогло бы ему оріентироваться въ книгѣ, такъ какъ названіе III главы (ихъ всего четыре) «Problèmes de pénalité» переведено не «Вопросы наказуемости», какъ слѣдовало бы, а «Проблемы карательныхъ мѣръ» (о карательныхъ мѣрахъ въ этой главѣ почти ни слова не говорится), названіе перваго отдѣленія той же главы «Degré requis de conviction judiciaire» переведено «Необходимая степень судебныхъ уликъ» (что это значитъ?) вмѣсто: «необходимая степень убѣжденія судьи» въ виновности обвиняемаго для примѣненія къ нему наказанія); названіе перваго отдѣленія четвертой главы «géographie criminelle» переведено — вѣрится съ трудомъ — «преступная географія»! Если бы затѣмъ читатель приступилъ къ изученію самой книги, то онъ скоро бросилъ бы это безплодное и скучное занятіе, такъ какъ на каждомъ шагу ему попадались бы фразы, смысла которыхъ онъ не понималъ бы. Что, напр., значитъ такое сочетаніе фразъ: «Для величины объема круглая форма головы выгоднѣе длинной. По этому поводу замѣчаютъ, что галлъ, вѣроятно, думалъ правильно, такъ какъ шишка жестокости у него находится около висковъ»? Въ дѣйствительности Тардъ, знакомя читателей съ ученіями, которыя пытаются установить зависимость наклонности къ совершенію преступленій отъ формы головы и количества мозга, говоритъ, между прочимъ, слѣдующее: «По этому вопросу замѣчаютъ, что интуиція Галля (извѣстный френологъ), пожалуй, не обманывала его, когда онъ шишку жестокости помѣщалъ у висковъ».

Тардъ былъ не только философомъ и ученымъ, но и рѣдкимъ мастеромъ слова; въ самую сухую матерію научныхъ построеній и даже цифръ онъ умѣлъ вплетать золотистыя нити тонкой поэзіи. Языкъ Тарда — своеобразный и изящный, богатый образами и фигуральными выраженіями — представляетъ исключительныя трудности для перевода. Поэтому долженъ былъ обладать большою смѣлостью переводчикъ, взявшій на себя трудъ познакомить читателей съ однимъ изъ крупныхъ произведеній Тарда, не зная французскаго языка и даже не умѣя сносно выражаться по-русски.

Н. Полянскій.

Ломброзо и Ляски. Политическая преступность и революція по отношенію къ праву, уголовной антропологіи и государственной наукѣ. *Перев. К. К. Толстого. Въ двухъ част. 255 стр. Спб. 1907. Ц. 1 р. 25 к.*

Эта работа уже давно была переведена съ итальянскаго языка на французскій и нѣмецкій языки, къ намъ же въ Россію былъ запрещенъ доступъ ея какъ въ оригиналѣ, такъ и въ переводахъ. Въ свое время это сочиненіе криминалистовъ уголовно-антропологической школы привлекло къ себѣ широкое общественное вниманіе и вызвало живѣйшую критику. Но послѣ той побѣды, которая была одержана надъ школой Ломброзо сторонниками соціологическаго направленія, когда была доказана ошибочная поспѣшность многихъ выводовъ Ломброзо и его послѣдователей, нельзя уже сомнѣваться, что переведенная теперь на русскій языкъ книга не имѣетъ большого научнаго значенія. Теперь безпристрастный критикъ имѣетъ всѣ основанія утверждать, что въ разсматриваемой книгѣ болѣе ошибочныхъ, чѣмъ вѣрныхъ положеній. Нѣкоторые изъ выводовъ авторовъ теперь вызываютъ лишь улыбку, напримѣръ, ихъ утвержденіе, что наиболѣе склонными къ совершенію политическихъ преступленій являются блондины, или что высота политической преступности зависитъ отъ геологическаго строенія почвы и отъ климата.

Авторы различаютъ понятіе революціи отъ бунта и разсматриваютъ факторы тѣхъ и другихъ. Для нихъ революція дѣло народа, всѣхъ его классовъ, а бунтъ—дѣло группы лицъ, какого-нибудь сословія или одного класса; революція—явленіе подготовленное, необходимое, результатъ долгой работы, а бунтъ—внезапное, искусственное, неподготовленное событіе; революція—физіологическое явленіе, а бунтъ патологическое, скорѣе конвульсивное движеніе, чѣмъ нормальное—«выкидышъ революціи». Ломброзо и Ляски разсмотрѣли вопросъ съ антропологической, соціологической и юридической точекъ зрѣнія. Наибольшее вниманіе они удѣлили выясненію личныхъ особенностей политическихъ преступниковъ и наименьшее юридической сторонѣ. Методъ авторовъ, главнымъ образомъ,—позитивный—наблюденія. Но нельзя не замѣтить, что нѣкоторыя доказательства, которыми пользуются Ломброзо и Ляски, были взяты ими безъ научной провѣрки и поражаютъ своею пара-

доксальностью (напримѣръ, утвержденіе, что въ Москвѣ XVII вѣка во время голода торговали человѣческимъ мясомъ и что въ одномъ этомъ городѣ умерло милліонъ человѣкъ).

Книга читается легко и съ интересомъ. Переводъ хорошъ, хотя и не безъ нѣкоторыхъ ошибокъ (напримѣръ, на стр. 12 переведено: рабы «обѣдали за однимъ столомъ съ господиномъ», а слѣдовало перевести «господинъ прислуживалъ своимъ рабамъ» и др.). Не сказано, съ какого языка сдѣланъ переводъ, но, очевидно, съ французскаго перевода. Выпущенъ переводъ приложенія къ VI главѣ и четырехъ приложеній къ второй части (всего 35 стр.). Не помѣщена карта съ 20 портретами политическихъ преступниковъ по страсти и, въ томъ числѣ, Желябова, Гельфманъ, Бакунина, Осинскаго, Соловьева и др.

М. Гернетъ.

П. И. Люблинскій. Свобода личности въ уголовномъ процессѣ. *Спб. 1906. VIII+701 стр. Ц. 3 р. 50 к.*

Капитальной работѣ г. Люблинскаго несомнѣнно суждено сыграть видную роль, когда будетъ поставленъ на очередь вопросъ о реформѣ нашего уголовнаго процесса примѣнительно къ тѣмъ началамъ, на которыхъ должно быть построено дѣло правосудія въ правовомъ государствѣ. Она посвящена вопросу о «мѣрахъ обезпеченія», точнѣе, о мѣрахъ, препятствующихъ обвиняемому уклониться отъ правосудія.

Широкая постановка вопроса, яркое освѣщеніе его съ точки зрѣнія общихъ ученій о правѣ и государствѣ, живое изложеніе весьма богатаго матеріала—вотъ тѣ качества, которыя отличаютъ книгу г. Люблинскаго и благодаря которымъ ей, по справедливости, принадлежитъ выдающееся мѣсто въ русской научной литературѣ по уголовному процессу.

Въ своихъ построеніяхъ авторъ исходитъ изъ высокаго понятія объ уставѣ уголовно-судебномъ, какъ о «сводѣ правъ гражданина, которыя ему предоставлены по отношенію къ дѣятельности судебной власти». Отправляясь отъ этого опредѣленія и давъ въ первой, меньшей части книги, сравнительный обзоръ западно-европейскихъ законодательствъ о мѣрахъ обезпеченія, авторъ во второй части подвергаетъ систематической критикѣ постановленія нашего устава уголовнаго судопроизводства по тому же предмету. Эта критика приводитъ его къ вы-

воду, что «у насъ имѣются поразительные недостатки въ системѣ дознанія и предварительнаго слѣдствія».

Весьма отчетливо г. Люблинскій выясняетъ, къ какимъ опаснымъ для свободы личности послѣдствіямъ приводитъ существующее въ нашемъ уголовномъ процессѣ смѣшеніе двухъ видовъ ареста: какъ средства представленія въ судъ и какъ мѣры, лишающей возможности лицо, уже представленное въ распоряженіе судебной власти, уклониться отъ правосудія. Какъ извѣстно, у насъ полиція имѣетъ право по собственной иниціативѣ примѣнять не только арестъ перваго вида (предварительный), но и арестъ второго вида, который, составляя слѣдственное дѣйствіе, долженъ былъ бы всецѣло и исключительно быть предоставленъ судебной власти. Этотъ коренной недостатокъ постановленій устава уголовнаго судопроизводства о предварительномъ слѣдствіи до сихъ поръ не обращалъ на себя въ нашей литературѣ того вниманія, какого онъ заслуживаетъ, и потому должное выясненіе его слѣдуетъ поставить въ заслугу г. Люблинскому.

Въ послѣдней главѣ второй части г. Люблинскій разсматриваетъ вопросъ о коррективахъ подслѣдственнаго заключенія, считая такими коррективами зачетъ подслѣдственнаго ареста въ наказаніе и вознагражденіе за арестъ, которому подвергалось лицо, безъ вины привлеченное къ слѣдствію.

Заключеніе книги содержитъ въ себѣ набросанную въ общихъ чертахъ программу необходимыхъ улучшеній въ области уголовнаго процесса въ цѣляхъ усиленія гарантій личной свободы. Въ основу ограниченій послѣдней авторъ кладетъ принципъ наибольшей экономіи принудительныхъ мѣръ. Напрасно только онъ полагаетъ, что этотъ принципъ отличаетъ принудительныя мѣры процессуальнаго характера отъ лишенія свободы, какъ наказанія: экономія репрессіи составляетъ не менѣе важное начало для матеріальнаго уголовнаго процесса, чѣмъ экономія въ примѣненіи принужденія—для процессуальнаго права.

Книга г. Люблинскаго написана не тѣмъ сухимъ языкомъ, какимъ у насъ, къ сожалѣнію, обычно пишутся спеціальные труды. Онъ любитъ картинныя выраженія, часто пользуется сравненіями; иллюстрируетъ (намъ кажется рѣже, чѣмъ слѣдовало бы) свое изложеніе примѣрами. При всемъ томъ въ

упрекъ г. Люблинскому можно поставить именно видимую спѣшность литературной обработки огромнаго матеріала. Такія неблагозвучныя выраженія, какъ «это обозначеніе имѣетъ не одно словесное значеніе» и такія стилистическія погрѣшности, какъ «въ мировой юстиціи весьма часты и *продолжительны случаи* подслѣдственнаго заключенія», къ сожалѣнію, встрѣчаются въ книгѣ нерѣдко.

Н. Полянскій.

Максимъ Леруа. Старое и новое право. Къ столѣтію кодекса Наполеона. *Переводъ съ французскаго Ю. Стеклова. Книгоиздательство «Свободный Трудъ». С.-Петербургъ. 1907. 104 стр. Ц. 60 к.*

Появляющаяся на русскомъ языкѣ подъ приведеннымъ заглавіемъ брошюра Максима Леруа составилась изъ статей, помѣщенныхъ авторомъ въ Revue de Paris по поводу столѣтія кодекса Наполеона и объединенныхъ затѣмъ въ 22 выпускѣ Bibliothèque socialiste (Le code civil et le droit nouveau. Paris. 1904).

Какъ въ этой работѣ, такъ и въ другихъ, посвященныхъ преобразованіямъ въ области уголовной практики и публичной власти (Les transformations de la jurisprudence pénale. 1901. Les transformations de la puissance publique. 1907), Максимъ Леруа является послѣдовательнымъ выразителемъ и однимъ изъ наиболѣе видныхъ теоретикомъ французскаго реформизма. Борьба классовъ не разсматривается уже исключительно съ точки зрѣнія экономическихъ феноменовъ, но оцѣнивается и приспособляется къ тѣмъ юридическимъ формамъ и учрежденіямъ, которыя создало бужуазное общество. Такимъ образомъ вѣра въ конечную катастрофу замѣняется надеждой на мирное разрѣшеніе конфликта труда и капитала и возлагаетъ на своихъ сторонниковъ лишь задачу ускорить процессъ и выработать правовыя основы новаго порядка.

Главное препятствіе для этой работы ставитъ во Франціи ея кодифицированное законодательство и въ частности гражданскій кодексъ Наполеона. Онъ пользуется большимъ уваженіемъ въ широкихъ кругахъ населенія, какъ памятникъ революціоннаго законодательства и какъ національное созданіе, усвоенное законодательствами романскихъ народовъ. А между тѣмъ въ статьяхъ кодекса буржуазія начертала свои побѣды

надъ старымъ режимомъ и увѣковѣчила свои воззрѣнія на собственность, трудъ и семью. Поэтому Леруа и посвящаетъ двѣ первыя главы своей работы разрушенію «легенды о гражданскомъ кодексѣ» и «происхожденію гражданскаго кодекса». Въ духѣ трезваго историзма онъ анализируетъ обстоятельства, при которыхъ появился кодексъ, и приходитъ къ заключенію, что твореніе консуловъ... «является дѣтищемъ своей эпохи» (стр. 47) и что люди терпѣли всегда неудачу, когда хотѣли опередить свою эпоху, какъ показываетъ «грандіозное и плачевное фіаско революціоннаго законодательства» (стр. 102). Отсюда естественъ переходъ къ разсмотрѣнію и характеристикѣ гражданскаго кодекса (главы III и IV) и выводъ, что онъ не соотвѣтствуетъ современнымъ воззрѣніямъ и «наше право такъ же далеко отъ права временъ Имперіи, какъ наши философы отъ Ройе-Колара и Ларомигьера» (стр. 7). Тутъ партійный теоретикъ встрѣчается съ представителями науки и соединяется съ ними въ требованіи произвести общій пересмотръ стараго кодекса или даже составить новый (ср. Le code civil. Livre du centenaire. Tome II, IV partie: la question de la revision). Но тутъ же сейчасъ обнаруживается разница во взглядахъ на принципы совершающейся эволюціи. Для Леруа центральнымъ началомъ, придающимъ единство новому праву, является мастерская и трудъ, и они одни должны лечь въ основу реформируемаго права. Всѣ измѣненія въ человѣческихъ отношеніяхъ, а слѣдовательно, и въ юридическихъ принципахъ произвелъ «машинизмъ» (стр. 7), и новое право,—«свое» право,—«промышленный пролетаріатъ вырабатываетъ въ своихъ профессіональныхъ организаціяхъ» (стр. 104).

Конечно, подтвердить въ такомъ одностороннемъ освѣщеніи характеристику новаго права Леруа не удается, и онъ самъ указываетъ, какъ соединялись въ мирной работѣ надъ медленной, но непрерывной реорганизаціей семьи, собственности и труда (стр. 53—99) и суды, начиная съ низшихъ инстанцій и кончая кассаціоннымъ судомъ, и незамѣтная практика нотаріальныхъ учрежденій, и спокойная работа научныхъ изслѣдованій. Въ стремленіи подчеркнуть принципы новаго права авторъ произвольно относится къ законодательству, не исходившему непосредственно изъ рабочихъ движеній, и выбираетъ лишь яркіе образцы, а между тѣмъ оно производитъ немало принци-

піальныхъ измѣненій путемъ медленной преемственной работы. Достаточно указать наряду съ разсмотрѣннымъ Леруа закономъ 1889 года о защитѣ дѣтей и ограниченіяхъ родительской власти (вплоть до ея отнятія по судебному приговору) на предшествовававшій ему законъ 1874 г. и окончательно санкціонировавшіе его 1898 и 1901 гг. Положенію собственности въ новомъ правѣ посвящено всего 3 страницы, хотя значительный интересъ могъ бы представить анализъ законовъ о земельной собственности (1881, 1889, 1890 и 1897), составившихъ отдѣльный кодексъ. Ничѣмъ не помянуты не возстановленныя до сихъ поръ статьи кодекса 1804 г. о разводѣ по взаимному согласію.

Отдѣлъ, посвященный организаціи труда (стр. 53—81), отличается особенной полнотой и написанъ съ вѣрнымъ историческимъ пониманіемъ. Переводъ удовлетворителенъ.

В. Краснокутскій.

Алексѣй Боровой. Общественные идеалы современнаго человѣчества. Либерализмъ. Соціализмъ. Анархизмъ. *М. 1906. стр. 94. Ц. 25 к.*

Несмотря на живость и доступность изложенія, книжка г. Борового, представляющая воспроизведеніе публичной лекціи автора, не можетъ быть названа популярнымъ очеркомъ на данную тему и едва ли будетъ полезна для того читателя, который захочетъ почерпнуть изъ нея познаніе соціально-политическихъ построеній, названныхъ въ ея заголовкѣ. Для этого въ книжкѣ удѣляется слишкомъ мало мѣста объективному изложенію тѣхъ или другихъ ученій (особенно скомканы и бѣглы первые два очерка: «либерализмъ» и «соціализмъ»), слишкомъ многое упоминается только вскользь или предполагается извѣстнымъ читателю, многое же освѣщается односторонне. Но для читателя, знакомаго съ предметомъ и не ищущаго отъ брошюры г. Борового знаній, она, несомнѣнно, интересна, главнымъ образомъ, какъ показатель настроенія нѣкоторой части нашей интеллигенціи. Авторъ — убѣжденный анархистъ-индивидуалистъ и съ точки зрѣнія безусловной свободы отдѣльной личности подвергаетъ критикѣ не только «либерализмъ» и соціализмъ, но и тѣ уступки, какія дѣлаютъ теоретики анархизма идеѣ права. Впрочемъ, анархистическій идеалъ осуществимъ, по мнѣнію автора, только послѣ того,

какъ общество пройдетъ чрезъ соціалистическій строй; этотъ строй есть необходимая подготовительная стадія анархистическаго. Развитіе производительныхъ силъ въ свое время приведетъ къ анархизму съ такою же необходимостью, съ какою оно уже вызвало въ свое время къ жизни капитализмъ. Базисомъ анархистическаго строя будетъ техническое могущество отдѣльнаго индивидуума, къ какому приведетъ эволюція машины, процессъ интеграціи техническихъ функцій. Таково обоснованіе исторической возможности и необходимости анархистическаго строя, даваемое авторомъ. Оно, безспорно, оригинально и интересно, но грѣшитъ, думается намъ, суженіемъ проблемы: ошибка автора—въ отождествленіи экономической зависимости личности отъ общества съ зависимостью правовою. Между тѣмъ, послѣднее понятіе значительно шире перваго, и поэтому техническое самодовлѣніе личности (если и допустить его осуществимость) само по себѣ еще не рѣшаетъ даннаго вопроса.

Л. Мееровичъ.

Л. Кульчицкій. Современный анархизмъ. Изложеніе, источники, критика. *Пер. съ польскаго С. Штернъ. Спб. 1907. стр. 284. Ц. 1 р.*

Вышедшая въ оригиналѣ около 5 лѣтъ назадъ, книга Кульчицкаго состоитъ изъ неодинаковыхъ по достоинству частей. Изложеніе теоріи анархизма, особенно изложеніе ученій классиковъ анархизма—Прудона, Штирнера, Бакунина, Кропоткина—совершенно не удалось автору. Хаотичность и непропорціональность изложенія, въ значительной мѣрѣ сводящагося къ сплошнымъ цитатамъ (нерѣдко изъ вторыхъ рукъ) и неумѣніе автора выдѣлить основное содержаніе излагаемыхъ ученій дѣлаютъ эту часть книги мѣстами совершенно неудобочитаемой. Вообще, какъ изложеніе теоріи анархизма, книга Кульчицкаго значительно проигрываетъ передъ работами Эльцбахера, Ценкера и Штаммлера, и интересна только главами о новѣйшихъ теоретикахъ, какъ Форъ, Корнелиссенъ, Вальчевскій и др. Но мы очень рекомендуемъ читателю отдѣлы книги, посвященные анализу причинъ успѣха анархистскаго движенія и критикѣ теоріи и тактики анархизма (стр. 204—284). Многое здѣсь долженъ признать вѣрнымъ и тотъ, кто не раздѣляетъ «возрожденнаго бланкизма», къ ка-

кому, повидимому, склоняется самъ авторъ. Положительная сторона анархизма для автора—въ его внимательномъ отношеніи къ судьбамъ бѣднѣйшей части пролетаріата, забытой соціалъ-демократіей.—Полезенъ можетъ быть и краткій очеркъ развитія массоваго анархистскаго движенія (стр. 184—203).

Книга переведена небрежно и издана со множествомъ опечатокъ.

Л. Мееровичъ.

Естественно-научный отдѣлъ.

А. Б. Беклей. Краткая исторія естественныхъ наукъ. *Переводъ съ англійскаго подъ редакціей и съ дополненіями В. Н. Львова. Съ 78-ю рисунками. Москва. Изданіе М. и С. Сабашниковыхъ. 1907. Цѣна 2 рубля.*

Въ настоящее время стремленіе къ знанію охватываетъ все болѣе и болѣе широкія массы населенія, и растетъ потребность въ такихъ книгахъ, которыя при доступности изложенія захватывали бы возможно болѣе крупныя научныя области. Между тѣмъ научныя изслѣдованія обнаруживаютъ тенденцію совершенно обратную; они, можно сказать, съ каждымъ годомъ становятся все болѣе спеціальными, и самыя науки дробятся. Типъ ученаго естествоиспытателя въ настоящее время можетъ считаться выродившимся. Теперь трудно найти даже зоолога или химика, такъ какъ каждый ученый спеціализуется даже въ предѣлахъ этихъ наукъ.

Но если такая спеціализація необходима для плодотворныхъ научныхъ изслѣдованій, то, съ другой стороны, понятно, что она является тормазомъ для демократизаціи науки. Книгъ, которыя захватывали бы широкія области знанія, въ настоящее время очень мало, и притомъ не только на русскомъ языкѣ. А потому нельзя не привѣтствовать появленія въ русскомъ переводѣ книги талантливой англійской писательницы А. Беклей. До сихъ поръ у насъ еще не было «Введенія въ естествознаніе», а такую именно роль и можетъ выполнить разсматриваемая книга.

Авторъ пользуется для своей цѣли врядъ ли не единственно возможнымъ въ данномъ случаѣ методомъ — историческимъ,

и такимъ путемъ ему удается объединить отдѣльныя естественныя науки тѣсной внутренней связью. Для древнихъ грековъ, съ которыхъ начинаетъ авторъ, естествознаніе было единой наукой. Ихъ научное міросозерцаніе, проникнутое вѣрою въ чудо, чрезвычайно близко къ тому, которое раздѣляется народными массами и въ настоящее время — въ особенности у насъ въ Россіи. То постепенное развитіе научнаго міросозерцанія въ исторіи культурныхъ народовъ, которое излагаетъ авторъ, проходитъ каждый изъ насъ въ теченіе личной жизни, и надо признаться, что средняя школа у насъ въ Россіи до сихъ поръ очень мало заботится о томъ, чтобы помочь въ этомъ развитіи.

Въ виду вышесказаннаго настоящую книгу можно рекомендовать, какъ прекрасное пособіе для самообразованія всѣмъ тѣмъ, кому не пришлось изучать естественныхъ наукъ въ высшей школѣ. Изученіе ея не требуетъ особенной подготовки, такъ какъ она читается легко и написана живо; излагая послѣдовательныя открытія, авторъ знакомитъ также и съ біографіями наиболѣе выдающихся ученыхъ.

Книга издана подъ редакціей проф. В. Н. Львова, которому принадлежатъ двѣ дополнительныя главы о новѣйшихъ успѣхахъ физики и бактеріологіи. Это—послѣднее изданіе недавно скончавшагося московскаго зоолога, которому русская читающая публика обязана цѣлою серіей превосходныхъ, частью переводныхъ, частью оригинальныхъ книгъ по естествознанію, вышедшихъ за послѣднее десятилѣтіе подъ его редакціей.

Ник. Кольцовъ.

Альфредъ Геттнеръ. Европейская Россія. *Антропогеографическій этюдъ. Съ 21 картой въ текстѣ. Переводъ съ нѣмецкаго Л. Д. Синицкаго. Приложеніе къ журналу «Землевѣдѣніе». Москва. 1906. VIII + 178.*

Авторъ книги—очень извѣстный спеціалистъ-географъ, крупный ученый и профессоръ, въ послѣднее время интересующійся, главнымъ образомъ, тѣмъ отдѣломъ научнаго землевѣдѣнія, который теперь называется «страновѣдѣніемъ». Обширныя спеціальныя знанія и прекрасное общее образованіе, какими обладаетъ проф. Геттнеръ, дали ему возможность написать сочиненіе, которое не можетъ пройти незамѣченнымъ даже и

въ болѣе богатой, чѣмъ русская, литературѣ. Его «этюдъ» о Россіи не спеціальное ученое изслѣдованіе, а популярный сжатый очеркъ, предназначенный для самаго широкаго круга читателей. Однако и въ тѣхъ небольшихъ предѣлахъ, которые отвелъ себѣ авторъ, вполнѣ сказалась ясная дисциплинированная мысль законченнаго опытнаго изслѣдователя, широкое міровоззрѣніе передового европейца, поразительное безпристрастіе и спокойствіе, пожалуй, недоступныя для русскаго хотя бы и болѣе освѣдомленнаго автора въ вопросахъ волнующей современности, а что особенно цѣнно и не такъ часто въ нѣмецкомъ писателѣ, — искреннее сочувствіе къ русскому народу и интеллигенціи въ ихъ борьбѣ съ безправіемъ, отчетливое пониманіе историческихъ интересовъ обѣихъ сторонъ и полное отсутствіе пугливаго шовинизма западнаго буржуа къ пробуждающейся мощи сосѣдняго народа. Читатель ни на минуту не сомнѣвается, на чьей сторонѣ симпатіи автора, тѣмъ болѣе, что послѣдній никогда не упускаетъ случая подчеркнуть гибельное вліяніе истлѣвшаго режима и затхлой соціальной атмосферы на различныя стороны народной жизни: на формахъ религіознаго сознанія, на различныхъ отрасляхъ народнаго труда, на развитіи путей сообщенія, на искусствѣ, на низкомъ уровнѣ матеріальной культуры,—всюду онъ отмѣчаетъ, наряду съ вліяніемъ географическихъ факторовъ и историческаго наслѣдія, печать долголѣтняго и безконтрольнаго хозяйничанья чиновничества, «бездарнаго и нечестнаго». Но вмѣстѣ съ тѣмъ авторъ вовсе не публицистъ, обрушивающій громы на голову русской бюрократіи, — нѣтъ, онъ прежде всего спокойный безпристрастный изслѣдователь, выводящій свой діагнозъ изъ тщательнаго анализа всѣхъ извѣстныхъ ему фактовъ исторической и современной русской дѣйствительности. Это послѣднее качество особенно важно отмѣтить.

Какъ *антропогеографическій* этюдъ, очеркъ проф. Геттнера касается природы Россіи очень бѣгло и вскользь —лишь постольку, поскольку это нужно для уясненія степени вліянія природныхъ условій на сложеніе данной формы культуры, причемъ вліяніе это онъ считаетъ хотя и значительнымъ, однако очень часто рѣшающую роль приписываетъ «искусственной средѣ» и взаимодѣйствію различныхъ явленій человѣческой жизни.

Поэтому природа Россіи не занимаетъ сколько-нибудь самостоятельнаго мѣста въ книгѣ. Значительная часть очерка посвящена именно культурной географіи и состоитъ изъ слѣдующихъ главъ: историческое развитіе и его результаты, народы, религіи, государство, заселеніе и населеніе, сообщенія, народное хозяйство, матеріальная и духовная культура.

Книга безусловно полезна и необходима для лицъ, не изучавшахъ систематически Россіи съ культурно-географической точки зрѣнія; для нихъ она послужитъ прекраснымъ введеніемъ въ изученіе Россіи и постояннымъ конспектомъ и планомъ, которымъ можно руководиться при дальнѣйшемъ расширеніи и углубленіи знаній. Ее необходимо рекомендовать каждому преподавателю географіи, во-первыхъ, въ виду полнаго отсутствія соотвѣтствующихъ сводныхъ руководствъ на русскомъ языкѣ, а во-вторыхъ, потому, что именно культурно-географическій элементъ въ курсахъ географіи Россіи стоитъ хуже всего и въ нашихъ школахъ и въ нашихъ учебникахъ. Мы думаемъ, что и тѣ, кто знакомъ со всѣми источниками, на основаніи которыхъ составлялъ Геттнеръ свой очеркъ, прочтутъ его книгу съ полнымъ вниманіемъ уже по одному тому, что и интересно и не безполезно знать мнѣніе широко образованнаго сторонняго наблюдателя о нашей текущей жизни въ самый критическій моментъ ея развитія. Мы надѣемся, что читатель не посѣтуетъ на насъ, если потратитъ 2—3 вечера на прочтеніе этихъ 174 страницъ, написанныхъ хорошимъ, яснымъ, простымъ, мѣстами увлекательнымъ языкомъ,—въ этомъ порукой имя извѣстнаго въ географической литературѣ переводчика. Мы должны добавить, что книга прошла черезъ авторитетную для географа редакцію журнала «Землевѣдѣніе», и, сколько намъ извѣстно, въ переводѣ является нѣсколько измѣненной сравнительно съ оригиналомъ. Заканчивая разборъ, мы увѣрены, что прочитавшій книгу проф. Геттнера не остановится на ней и пожелаетъ детальнѣе ознакомиться съ тѣмъ ли другимъ изъ затронутыхъ въ ней вопросовъ, — это лучшая, на нашъ взглядъ рекомендація для книги.

А. Борзовъ.

III. ПРИЛОЖЕНІЕ.

Женскій вопросъ и женское движеніе.

(Программа для домашняго чтенія).

Женскій вопросъ стоитъ въ тѣснѣйшей связи со всѣми сторонами соціальной жизни, чѣмъ весьма осложняется его научное изученіе. Общественные взгляды на женщину и ея задачи слагаются въ зависимости отъ общекультурнаго состоянія народа; недаромъ нѣкоторыми историками выставлялось положеніе, что уровень культуры лучше всего опредѣляется тѣмъ мѣстомъ, которое данное общество въ своемъ соціальномъ строѣ отводитъ женщинѣ. *Экономическое* положеніе женщины зависитъ отъ общихъ экономическихъ условій и отъ состоянія промышленной техники. *Гражданскія права* женщины опредѣляются въ зависимости отъ организаціи семьи и отъ общеполитическихъ условій. Наконецъ, *политическія* ихъ права не могутъ быть одинаковы въ странахъ съ различнымъ государственнымъ строемъ. Такимъ образомъ, изученіе женскаго вопроса предполагаетъ знакомство съ исторіей политической, культурной и экономической. Но этого мало. Въ спорахъ о равноправности половъ большое значеніе придаютъ доводамъ физіологическаго и психологическаго характера; этими доводами пользуются какъ въ ту, такъ и въ другую сторону. Такимъ образомъ, необходимо оріентироваться и въ этихъ областяхъ знанія. Наконецъ, нельзя обойтись и безъ помощи философіи; по глубокому убѣжденію составителя настоящей программы, окончательный перевѣсъ въ этой борьбѣ противоположныхъ аргументовъ и притомъ перевѣсъ въ пользу рѣшенія вопроса о равноправности въ положительномъ смыслѣ

даетъ аргументъ этическій. Если видѣть нравственную задачу человѣка въ свободной и разумной соціальной дѣятельности, если считать нравственною обязанностью человѣка полное и всестороннее развитіе и проявленіе на пользу общую всѣхъ задатковъ и дарованій, то не только правомъ, но и обязанностью женщины является стремленіе къ устраненію всѣхъ несправедливыхъ препятствій, которыя стѣсняютъ свободное развитіе ея человѣческой личности. Это положеніе подробно обосновано въ статьѣ составителя настоящей программы, помѣщенной въ его брошюрѣ «Женщина наканунѣ новой эпохи» (М. 1905 г., изд. Путиловой; статья: «Женскій вопросъ съ точки зрѣнія нравственной философіи»).

Желающему притти къ сознательному и отчетливому рѣшенію женскаго вопроса необходимо взять на себя слѣдующій трудъ. Слѣдуетъ выяснить себѣ, въ чемъ состоятъ наиболѣе важныя различія половъ въ сферѣ психической; въ какомъ соотношеніи стоятъ физическія силы женщины къ силамъ мужчины; есть ли глубокія нравственныя различія между обоими полами. Установивъ имѣющійся фактическій матеріалъ въ этой области, надо поставить вопросъ: даютъ ли всѣ обнаруженныя наукой различія право смотрѣть на женщину, какъ на существо низшее, сравнительно съ мужчиной, или нѣтъ. Если окажется, что эти различія, какъ представляется составителю программы, не даютъ права на невыгодное для женщины заключеніе и заставляютъ утверждать, что женщина, будучи во многомъ отлична отъ мужчины, есть существо тѣмъ не менѣе ему равноцѣнное, то возникаетъ вопросъ: въ какой мѣрѣ болѣе или менѣе глубокія различія между полами должны отражаться на положеніи представителей того и другого пола въ благоустроенномъ обществѣ и въ какихъ отношеніяхъ господствующій въ настоящее время общественный строй не соотвѣтствуетъ требованіямъ справедливости. Здѣсь возникаютъ различные вопросы. Наименѣе сомнѣній возбуждаетъ вопросъ о правѣ женщинъ на равное съ мужчинами образованіе, хотя женщины до сихъ поръ имѣютъ ярыхъ противниковъ своихъ стремленій даже къ знанію. Далѣе выдвигается вопросъ объ экономической независимости женщины. Здѣсь обнаруживается для нашего времени различіе между женщинами буржуазныхъ классовъ, которыя хотятъ открыть себѣ доступъ къ закрытой

для нихъ сферѣ труда—къ такъ называемымъ либеральнымъ профессіямъ,— и женщинами рабочихъ классовъ, которыя вынуждены заботиться объ огражденіи себя отъ чрезмѣрнаго труда, подавляющаго человѣческую личность. Вопросъ объ экономической независимости и профессіональномъ трудѣ женщинъ соприкасается непосредственно съ вопросомъ о положеніи женщины въ семьѣ. Возникаетъ проблема, насколько совмѣстимъ профессіональный трудъ съ правильнымъ исполненіемъ материнскихъ функцій и обязанностей. Возникаетъ другая проблема,—каковы средства, которыми можно обезпечить каждой женщинѣ удовлетвореніе естественной потребности въ материнствѣ и супружествѣ. Возникаетъ третья проблема,—какова можетъ быть организація семьи, при которой должное огражденіе получили бы интересы матери и жены. Въ связи съ этимъ стоитъ не менѣе важный вопросъ о той роли, которую женщина призвана играть въ политической и общественной жизни и въ дѣятельности внѣ дома. Насколько эта дѣятельность необходима для развитія ея человѣческой личности и насколько нуждается женщина въ политическихъ правахъ для законнаго огражденія своихъ интересовъ и для поднятія уваженія къ своей человѣческой личности? Надлежитъ разобраться въ тѣхъ доводахъ, которые приводятся противъ этихъ стремленій женщинъ, какъ съ точки зрѣнія якобы справедливости (равенство правъ предполагаетъ равенство обязанностей), такъ и съ точки зрѣнія женской психологіи, нравственности и т. п.

Серьезное изученіе какого бы то ни было соціальнаго вопроса мыслимо только на исторической почвѣ. Исторія поставляетъ намъ главный запасъ тѣхъ фактическихъ данныхъ, которыми мы пользуемся при теоретическомъ разрѣшеніи соціальныхъ проблемъ. Исторія показываетъ намъ также, каково фактическое соотношеніе соціальныхъ силъ, отъ взаимодѣйствія которыхъ зависитъ ходъ всякаго историческаго процесса. Въ этомъ смыслѣ исторія помогаетъ намъ отъ прошедшаго заключать къ будущему. Поэтому для ознакомленія съ женскимъ вопросомъ необходимо и изученіе исторіи юридическаго и соціальнаго положенія женщины, а также изученіе современнаго женскаго движенія, которое ведетъ свое начало отъ событій великой французской революціи.

Для вполнѣ обстоятельнаго и всесторонняго изученія женскаго вопроса необходимо знаніе иностранныхъ языковъ, такъ какъ далеко не вся важнѣйшая литература переведена на русскій языкъ, а затѣмъ нѣкоторые изъ существующихъ переводовъ совершенно неудовлетворительны и лишь крайняя необходимость оправдываетъ ссылку на нихъ. Ниже указаны нѣкоторые труды по женскому вопросу на русскомъ и иностранныхъ языкахъ. Въ виду крайней обширности литературы вопроса составитель программы заранѣе отводитъ отъ себя упреки въ неполнотѣ списка или субъективности выбора; полнота не ставилась цѣлью, и безъ пропусковъ при обширности литературы обойтись нельзя. Имѣлось въ виду только указать нѣкоторыя пособія, пригодныя для общаго ознакомленія съ женскимъ вопросомъ.

I. Женщина въ физическомъ и психическомъ отношеніи.

Ploss-Bartels. Das Weib in der Natur-und Völkerkunde. (Есть русскій переводъ).

Havelock Ellis. Man and Woman. (Есть русскій переводъ).

Ранке. Человѣкъ. Изд. т-ва «Просвѣщеніе». 1902 г.

Lourbet. La femme devant la science contemporaine. Paris, Alcan. 1896. (русск. пер.: Лурбе. «Женщина передъ судомъ современной науки». Кіевъ, 1897 г.

Переработанное изданіе того же труда вышло въ 1900 г. подъ заглавіемъ: «Le problème des sexes».

Oda Olberq Das Weib und der Intellectualismus. 1902.

Адель Гергардъ и Елена Симонъ. Материнство и умственный трудъ (русск. пер. 1903 г.).

Милль. О подчиненіи женщины.

O. Weininger. Geschlecht und Charakter. 4 Aufl. 1905.

А. Форель. Половой вопросъ. (*A. Forel*. Die sexuelle Frage).

Астафьевъ. Психическій міръ женщины. М. 1899.

C. Lombroso und G. Ferrero. Das Weib als Verbrecherin und Prostituirte. 1894 (пер. съ итальянскаго, одобренный авторомъ).

II. Экономическое положеніе женщины.

Лили Браунъ. Женскій вопросъ (русск. пер. 1902 г.).

Пирсторфъ. Женскій трудъ и женскій вопросъ (Русск. пер. 1902 г., изд. Гершунина).

Ш. Стетсонъ. Женщина и экономическія отношенія (два русскихъ перевода 1902 и 1903 г.).

Ж. Симонъ. Работница въ Европѣ. Спб. 1874.

Leroy-Beaulieu. Le travail des femmes au XIX siècle. Paris. 1873.

Wilbrandt. Arbeiterinnenschutz und Heimarbeit. 1906.

Wilbrandt. Die Frauenarbeit. Ein Problem des Kapitalismus. 1906.

A. Salomon. Die Ursachen der ungleichen Entlohnung von Männer- und Frauenarbeit. 1906.

Clara Collet. Educated working women. 1902.

III. Юридическое положеніе женщины.

П. Жидъ. Гражданское положеніе женщины. (русск. пер. 1902 г.).

Н. В. Давыдовъ. Женщина передъ уголовнымъ судомъ. 1906.

Ostrogorski. La femme au point de vue du droit public. Paris. Rousseau, 1892. (Есть нѣмецкій и англійскій перев.).

Franck. Essai sur la condition politique de la femme. Paris, Rousseau, 1892.

Lyon Caen. La femme mariée allemande. 1903.

H. Blackburn. Women's Suffrage. 1902. (Только объ англійск. женскомъ движеніи).

Канторовичъ. Законы о женщинахъ. 1899 г. (справочное изд.).

Полянскій. Русская женщина на государственной службѣ. 1901 г. (тоже).

Caspari. Die sociale Frage über die Freiheit de Ehe.

E. Ichenhäuser. Das Frauenwahlrecht.

J. Novicow. L'affranchissement de la femme. 1903.

IV. Исторія женщины. Женское движеніе.

Лихачева. Матеріалы для исторіи женскаго образованія въ Россіи. Спб. 1890—1901 г.

Шашковъ. Исторія русской женщины. Историческія судьбы женщины. (собр. соч. изд. Поповой. 1898 г., т. I).

H. Lange und *Ger. Bäumer.* Handbuch der Frauenbewegung. 4 Bde 1901—1902.

Otto. Deutsches Frauenleben im Wandel der Jahrhunderte. 1903.

Schirmacher. Moderne Frauenbewegung. 1905.

Weinhold. Die deutschen Frauen im Mittelalter. 1882.

Scherr. Geschichte der deutschen Frauenwelt.

Hansen. Zauberwahn, Inquisition und Hexenprozess im Mittelalter. 1900.

Н. В. Сперанскій. Вѣдьмы и вѣдовство.

Rebière. Les femmes dans la science. 1897.

Chauvin. Etude historique sur les professions accessibles aux femmes. 1892.

G. Hill. Women in english life. From medieval to modern times. 1896.

Hanstein. Die Frauen in der Geschichte des Deutschen Geisteslebens des XVIII und XIX Jahrhunderts 1899. 1900. (Не окончено).

Lipinska. Histoire des femmes médecins. 1900.

Letourneau. La condition de la femme dans les diverses races et civilisations. Paris. 1903.

J. Müller. Das sexuelle Leben der Naturvölker. 2 Aufl 1901.

J. Müller. Das sexuelle Leben der alten Kulturvölker. 1902.

Elon Wikmark. Die Frauenfrage. Eine ökonomischsociologische Untersuchung unter specieller Berücksichtigung des schwedischen Bürgertums. Halle a. S. 1905.

A. Crepaz Die Mutter. Kulturgeschichtliche Studien 2 Aufl. 1906.

E. Krukenberg. Die Frauenbewegung, ihre Ziele und ihre Bedeutung. 1905.

W. Lungen. Fragen der Frauenbildung. 1904.

G. Bäumer. Die Frau in der Kulturbewegung der Gegenwart. 1904.

Э. Адлеръ. Знаменитыя женщины великой французской революціи.

Блокъ. Матери великихъ людей. М. 1893.

Lasserre. La participation collective des femmes à la révolution française. 1906.

Takaishi. Japans Frauen und Frauenmoral 1906.

А. Беконъ. Женщина въ Японіи. Изд. Поповой.

Бебель. Женщина и соціализмъ.

Брантъ. Современная женщина въ Европѣ и въ Америкѣ. 1896.

Кечеджи Шаповаловъ. Женское движеніе въ Россіи и за границей. 1902 г.

Мижуевъ. Женскій вопросъ и женское движеніе. 1906.

Шлезингеръ-Экштейнъ. Женщина къ началу XIX вѣка. 1905 г.

Щаповъ. Положеніе женщины въ Россіи по до-петровскому воззрѣнію. «Дѣло», 1872.

Шульгинъ. О состояніи женщинъ въ Россіи до Петра Вел. 1850 г.

Иконниковъ. Русскія женщины наканунѣ реформы Петра Великаго и послѣ нея. К. 1874 г.

Мордовцевъ. Русскія историческія женщины. 1874 г.

Мордовцевъ. Русскія женщины новаго времени.

Чудиновъ. Очерки исторіи русской женщины. 1889.

Добряковъ. Русская женщина въ до-монгольскій періодъ. 1866.

Забѣлинъ. Домашній бытъ русскихъ царицъ. 1872 г.

Покровскій. Жены декабристовъ. 1906.

V. Библіографія.

Aletta H. Jacobs. La femme et le féminisme. Paris. Giard et Brière. 1900.

Verzeichniss der auf dem Gebiete der Frauenfrage während der Jahre 1851 bis 1901 in Deutschland erschienenen Schriften, herausgegeben vom Deutsch-Evangelischen Frauenbund, mit Nachtrag 1902—1904.

Для *первоначальной оріентировки* въ женскомъ вопросѣ изъ существующихъ на русскомъ языкѣ книгъ наиболѣе пригодны слѣдующія:

Милль. О подчиненіи женщины.

Лили Браунъ. Женскій вопросъ.

Пирсторфъ. Женскій трудъ и женскій вопросъ.

Жидъ. Гражданское положеніе женщины.

Мижуевъ. Женскій вопросъ и женское движеніе.

Хвостовъ. Женщина наканунѣ новой эпохи (изд. Путиловой). О первомъ очеркѣ, входящемъ въ эту брошюру, сказано выше;

второй содержитъ краткое изложеніе фактовъ изъ исторіи современнаго женскаго движенія. Дополненіемъ является статья того же автора «О равноправіи женщинъ» въ «Московскомъ Еженедѣльникѣ» за 1906 годъ, №№ 12 и 13.

Адель Гергардъ и Елена Симонъ. Материнство и умственный трудъ.

Havelock Ellis. Мужчина и женщина. Кіевъ. 1898.

В. М. Хвостовъ.

КНИГИ, ПОЛУЧЕННЫЯ РЕДАКЦІЕЙ

(по 10 апрѣля 1907 г.).

Отъ Г. Балицкаго.

Г. Балицкій. „Гражданская свобода и производительность труда“. М. 1906 г. Ц. 10 к.

Г. Балицкій. „Забастовка и бойкоты“. М. 1906 г. Ц. 8 к.

Г. Балицкій. „Россія при Николаѣ І-мъ“. М. 1906 г. Ц. 8 к.

Г. Балицкій. „Фабричное законодательство въ Россіи“. М. 1906 г. Ц. 15 к.

К. Ѳ. Рылѣевъ. „Полное собраніе сочиненій“. Томъ І-й. М. 1906 г. (Библіотека декабристовъ, вып. I.).

К. Ѳ. Рылѣевъ. „Полное собраніе сочиненій“. Томъ II. (Библіотека декабристовъ, вып. III). 1907 г. Ц. 80 к.

Н. Тургеневъ. „Россія и русскіе“. Часть I. (Библіотека декабристовъ, вып. II). 1907 г. Ц. 80 к.

Отъ ред. журнала „Вопросы философіи и психологіи“.

„Вопросы философіи и психологіи“. Январь, февраль 1907 г.

Отъ книгоиздательства „Дѣло“.

Атлантикусъ. „Государство будущаго“. Изд. 2-е. Пер. съ нѣм. Гродзинскаго, подъ ред. Бернацкаго. Ц. 40 к.

М. В. Бернацкій. „Къ аграрному вопросу“. Ц. 30 к.

Р. Гаммеджъ. „Исторія чартизма“. Пер. Погожевой. Спб. 1907 г. Ц. 2 руб.

Гильоменъ. „Исповѣдь простого человѣка“. Ц. 70 к.

Л. Дюпріе. „Государство и роль министровъ въ Англіи“. Ц. 60 к.

Л. Дюпріе. „Государство и роль министровъ въ Пруссіи“. Ц. 60 к.

Л. Дюпріе. „Государство и роль министровъ во Франціи“. Ц. 60 к.

А. Лосицкій. „Выкупная операція“. Ц. 30 к.

А. Луначарскій. „Королевскій брадобрей“. Ц. 30 к.

А. Менгеръ. „Новое ученіе о нравственности“. Пер. съ нѣм., подъ ред. проф. Рейснера. Ц. 30 к.

В. Морисъ. „Вѣсти ниоткуда“. Изд. 2-е. Ц. 50 к.

Мультатули. „Повѣсти, сказки, легенды“ Пер. съ нѣм. Чеботаревской. Ц. 1 руб.

Михаилъ Оленовъ. „Государство и страхованіе рабочихъ. Изданіе 2-е. Ц. 20 коп.

Поль Луи. „Будущее соціализма". Цѣна 60 к.

М. А. Рейснеръ. „Русскій абсолютизмъ и европейская реакція". Ц. 40 к.

Р. Трейманъ. „Тираноборцы". Пер. съ нѣм., подъ ред. проф. Рейснера. Ц. 50 коп.

Чернышевъ. „Памятная книжка марксиста". Ц. 1 р.

Отъ книгоиздательства И. Д. Иванова.

Эрнстъ Геккель. „Міровыя загадки". Пер. В. Минчиной подъ ред. проф. Шишкевича. М. 1907 г. Ц. 80 к.

П. А. Кропоткинъ. „Современная наука и анархизмъ". М. 1906 г. Ц. 20 к.

Отъ Б. Л. Модзалевскаго.

В. П. Зубкова. „Записки о заключеніи въ Петропавловской крѣпости по дѣлу 14 дек. 1825 г." Съ пред. В. Л. Модзалевскаго. Типогр. Академіи Наукъ. 1906 г.

В. Л. Модзалевскій. „Къ біографіи канцлера князя А. М. Горчакова". 1907 г.

Отъ книгоиздательства „Народное право".

Ю. Баршевъ. „Крестьянское малоземелье". Ц. 5 к.

Е. И. Боголюбовъ. „Спартакъ" Ц. 5 к.

И. П. Бѣлоконскій. „Что такое земство, что оно сдѣлало для народа и какимъ должно быть". Изд. 2-е. Ц. 5 к.

М. Я. Герценштейнъ. „Земельная реформа". Ц. 10 к.

М. Я. Герценштейнъ. „Нужна ли крестьянамъ земля?" Изд. 2-е. Ц. 5 к.

К. П. Дружининъ. „Мѣщане и земельный вопросъ". Ц. 4 к.

К. П. Дружининъ. „Мѣщане, ихъ положеніе и нужды". Ц. 4 к.

„Евреи въ Россіи". Ц. 6 к.

„Засѣданіе Государственной Думы 8-го іюня". Ц. 4 к.

„Земельное дѣло безъ Думы". Сборникъ статей. Ц. 5 к.

И. Н. Игнатовъ. „Беранже, (пѣвецъ свободы)". Ц. 10 к.

И. Н. Игнатовъ. „Гарибальди". Ц. 10 к.

А. А. Кауфманъ. „Земля и культура". Ц. 30 к.

А. А. Кауфманъ. „Переселеніе". Ц. 10 к.

И. Катаевъ. „Стенька Разинъ". Ц. 6 к.

Ѳ. Кокошкинъ. „Областная автономія и единство Россіи". Ц. 2 к.

Ѳ. Кокошкинъ. „Объ основаніяхъ желательной организаціи", народнаго представительства въ Россіи". Ц. 20 к.

„Крестьянамъ и рабочимъ о партіи народной свободы". Ц. 2 к.

„Какъ русскій народъ управлялся въ старину". Изд. 2-е.

„Какъ управляются народы въ Россіи и другихъ странахъ". Изд. 2-е.

Т. Львовъ. „Какого слѣдуетъ держаться порядка при производствѣ выборовъ. Ц. 5 коп.

Т. Львовъ. „Объ избирательномъ правѣ“. Ц. 2 к.

Т. Львовъ. „Учрежденіе Государственной Думы“. Ц. 5 к.

П. Муратовъ. „Борьба за избирательныя права въ Англіи“. Ц. 15 к.

„О правахъ національностей и о децентрализаціи“. Докладъ бюро съѣзду земскихъ и городскихъ дѣятелей 12—15 сент. 1905 г. Ц. 10 к.

В. В. Португаловъ. „Союзы рабочихъ въ Россіи“. Ц. 4 к.

Д. Протопоповъ. „Что сдѣлала первая Государственная Дума“. Ц. 5 к.

А. М. Рыкачевъ. „Профессіональные союзы и ихъ значеніе для рабочихъ“. Ц. 10 к.

К. Сивковъ. „Какъ можно рѣшить рабочій вопросъ“. Ц. 2. к.

„Списокъ № 2 книгъ, реком. партіей народной свободы“. Ц. 1 к.

„О свободѣ личности“. Изд. 2-е.

А. А. Титовъ. „О мировыхъ судьяхъ и земскихъ начальникахъ“. Изд. 2-е. Ц. 5 к.

М. И. Фридманъ. „Доходы и расходы русскаго государства“. Ц. 8 к.

А. А. Чупровъ. „Конституціонно-демократическая партія и соціализмъ“. Ц. 5 коп.

„О чиновникахъ и народномъ правленіи“. Ц. 3 к.

Н. Шкляръ. „Къ земельному вопросу“. Ц. 5 к.

Г. Ф. Шершеневичъ. „Конституціонная монархія“. Ц. 5 к.

Г. Ф. Шершеневичъ „Народные представители“. Ц. 4 к.

Г. Ф. Шершеневичъ. „Аграрный вопросъ“. Ц. 10 к.

Шпирельманъ. „Земельная реформа въ Ирландіи“. Ц. 5 к.

В. Якушкинъ. „Въ Государственной Думѣ о землѣ“. Ц. 3 к.

В. Е. Якушкинъ. „Декабристы, кто они были и чего они хотѣли“. Ц. 5 коп.

Отъ книгоиздательства А. С. Панафидиной.

Н. Денисюкъ. „Начала политической экономіи“. Изд. 2-е М. 1907 г. Ц. 1 р. 80 к.

Отъ книгоиздательства „Посредникъ“.

И. Горбуновъ-Посадовъ. „Братская кровь. Враги. Гимнъ братству. Друзьямъ добра“. Ц. 3 к.

И. Горбуновъ-Посадовъ. „Снѣгурочка“. Ц. 30 к., въ папкѣ 45 к.

И. Горбуновъ-Посадовъ. „Теремокъ мышки“. Ц. 30 к., въ папкѣ 45 к.

В. Гюго. „Осужденный на смертную казнь“. Ц. 15 к.

Джонъ Дьюи, „Школа и общество“. Пер. съ англійск., подъ ред. И. Горбунова-Посадова. Выпускъ II. Ц. 30 к.

В. Лукьянская. „Другъ за дружкой“. Ц. 40 к., въ папкѣ 60 к.

В. Лукьянская и Е. Горбунова. „Друзья-пріятели“. Ц. 25 к., въ папкѣ 40 к.

В. Лукьянская и Е. Горбунова. „Желѣзная дорога“. Ц. 40 к. въ папкѣ.

В. Лукьянская и Е. Горбунова. „Лѣсные звѣри“. Ц. 40 коп., въ папкѣ 55 к.

В. Лукьянская и Е. Горбунова. „Любимая книжка“. Ц. 40 к., въ папкѣ 55 коп.

В. Лукьянская и Е. Горбунова. „Первые цвѣточки“. Ц. 12 коп., въ папкѣ 22 к.

В. Лукьянская и Е. Горбунова. „Рождественскій подарокъ“. Ц. 15 к., въ папкѣ 25 к.

В. Лукьянская и Е. Горбунова. „Черезъ рѣчку“. Ц. 40 к., въ папкѣ 55 коп.

В. Лукьянская и Е. Горбунова. „Шалуны“. Ц. 30 к., въ папкѣ 45 к.

Мирбо. „На войнѣ“. Ц. 3 к.

Е. Милицина. „Не по закону“. Ц. 3 к.

Ив. Наживинъ. „На высотѣ“. Ц. 2 к.

Ив. Наживинъ. „Благодѣтели“. (Авгуры). Ц. 4 к.

Ѳ. Поступаевъ. „Жена рабочаго“. Ц. 3 к.

Ѳ. Поступаевъ. „У земли и у котла“. Ц. 20 к.

С. Семеновъ. „Призывной“. Ц. 2 к.

Н. Темный. „Наслѣдство“. Изд. 2-е. Ц. 3 к.

Н. Тимковскій. „Передъ судомъ“. Ц. 2 к.

Л. Н. Толстой. „Божеское и человѣческое“. Выпускъ 2-й. М. 1907 г. Ц. 25 коп.

Л. Н. Толстой. „Въ чемъ моя вѣра?“ Изд. 2-е. Ц. 40 к.

Л. Н. Толстой. 1) „О жизни“; 2) „О новомъ жизнепониманіи“. Изд. 2-е. Ц. 35 к.

Л. Н. Толстой. „За что?“ Ц. 8 к.

Ад. Шиманскій. „Тоска по родинѣ“. Съ польск., пер. М. Трапольская. Ц. 2 к.

И. Ювачевъ и И. Миролюбовъ. „Шлиссельбургская крѣпость“. Ц. 80 к.

В. Ф. „1) Можно ли человѣку безъ работы жить? 2) Послѣдній день“. Ц. 2 к.

Отъ редакціи „Свободная совѣсть“.

С. Н. Булгаковъ. „Религія человѣкобожества у Л. Фейербаха“. Ц. 30 к.

„Свободная совѣсть“. Выпускъ II. Ц. 1 р. 70 к.

Отъ Э. Серебрякова.

Дженксъ. „Происхожденіе верховной власти“. Пер. съ англ.. Э. Серебрякова. 1907 г. Ц. 60 к.

Отъ книгоиздательства „Сѣятель“.

„За книжкой“, № 8—10. 1907 г. Ц. 7 к. за кажд.

Оглавленіе.

ЭКОНОМИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ.

ЮРИДИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ.

Критич. обозр.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ Т-ва И. Д. СЫТИНА.

Цѣна 40 коп.

RETURN TO → **CIRCULATION DEPARTMENT**
202 Main Library

LOAN PERIOD 1 **HOME USE**	2	3
4	5	6

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS

Renewals and Recharges may be made 4 days prior to the due date.

Books may be Renewed by calling 642-3405

DUE AS STAMPED BELOW

AUG 07 1996		
RECEIVED		
AUG 01 1996		
CIRCULATION DEPT.		

FORM NO. DD6

UNIVERSITY OF CALIFORNIA, BERKELEY
BERKELEY, CA 94720

Ⓟs

U. C. BERKELEY LIBRARIES
C057101145

